

ISSN 2518-7236

№ 4(92)/2018

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ сериясы
Серия ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ
HISTORY. PHILOSOPHY Series

ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ISSN 2518-7236

Индексі 74621

Индекс 74621

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ сериясы

Серия ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ

HISTORY. PHILOSOPHY Series

№ 4(92)/2018

Қазан–қараша–желтоқсан
30 желтоқсан 2018 ж.

Октябрь–ноябрь–декабрь
30 декабря 2018 г.

October–November–December
December, 30, 2018

1996 жылдан бастап шығады
Издается с 1996 года
Founded in 1996

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Қарағанды, 2018
Караганда, 2018
Karaganda, 2018

Бас редакторы

ЖМ ХҒА академигі, заң ғыл. докторы, профессор

Е.Қ.Көбеев

Бас редактордың орынбасары **Х.Б.Омаров**, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі,
техн. ғыл. д-ры, профессор

Жауапты хатшы **Г.Ю.Аманбаева**, филол. ғыл. д-ры,
профессор

Редакция алқасы

З.Г.Сактаганова,	ғылыми редактор тарих. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Б.Е.Колумбаев,	филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Р.М.Жумашев,	тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
В.В.Козина,	тарих ғыл. д-ры (Қазақстан);
В.С.Батурин,	филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Б.И.Карипбаев,	филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Ж.С.Сыздыкова,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Б.А.Амирова,	психол. ғыл. д-ры (Қазақстан);
А.Н.Джумагельдинов,	PhD (Франция);
В.И.Разумов,	филос. ғыл. д-ры (Ресей);
Н.А.Головин,	элеум. ғыл. д-ры (Ресей);
Р.М.Зиязетдинов,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Б.Н.Кылышбаева,	элеум. ғыл. д-ры (Қазақстан);
А.К.Жолдубаева,	филос. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Ш.М.Мухтарова,	пед. ғыл. д-ры (Қазақстан);
Кристиан-Раду Кереджи,	PhD (Румыния);
В.С.Агаджанян,	элеум. ғыл. д-ры (АҚШ);
Р.М.Шукуров,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
В.Г.Рыженко,	тарих ғыл. д-ры (Ресей);
Ф.Н.Зиатдинова,	пед. ғыл. канд. (Ресей);
К.С.Алдажуманов,	тарих ғыл. канд. (Қазақстан);
Г.М.Смагулова,	тарих ғыл. канд. (Қазақстан);
С.Б.Стамбулов,	жауапты хатшы PhD (Қазақстан)

Редакцияның мекенжайы: 100024, Қазақстан, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28

Тел.: (7212) 77-03-69 (ішкі 1026); факс: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторлары

И.Д.Рожнова, Ж.Т.Нурмуханова

Компьютерде беттеген

Қ.Г.Қалел

Қарағанды университетінің хабаршысы. «Тарих. Философия» сериясы.

ISSN 2518-7236.

Меншік иесі: «Академик Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті» РММ.

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігімен тіркелген. 23.10.2012 ж.
№ 13105–Ж тіркеу куәлігі.

Басуға 28.12.2018 ж. қол қойылды. Пішімі 60×84 1/8. Қағазы офсеттік. Көлемі 18,0 б.т.
Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша. Тапсырыс № 119.

Е.А.Бөкетов атындағы ҚарМУ баспасының баспаханасында басылып шықты.
100012, Қарағанды қ., Гоголь к-сі, 38. Тел. 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

Главный редактор
академик МАН ВШ, д-р юрид. наук, профессор
Е.К.Кубеев

Зам. главного редактора **Х.Б.Омаров**, чл.-корр. НАН РК,
д-р техн. наук, профессор

Ответственный секретарь **Г.Ю.Аманбаева**, д-р филол. наук, профессор

Редакционная коллегия

З.Г.Сактаганова,	научный редактор д-р ист. наук (Казахстан);
Б.Е.Колумбаев,	д-р филос. наук (Казахстан);
Р.М.Жумашев,	д-р ист. наук (Казахстан);
В.В.Козина,	д-р ист. наук (Казахстан);
В.С.Батурин,	д-р филос. наук (Казахстан);
Б.И.Карипбаев,	д-р филос. наук (Казахстан);
Ж.С.Сыздыкова,	д-р ист. наук (Россия);
Б.А.Амирова,	д-р психол. наук (Казахстан);
А.Н.Джумагельдинов,	PhD (Франция);
В.И.Разумов,	д-р филос. наук (Россия);
Н.А.Головин,	д-р соц. наук (Россия);
Р.М.Зиязетдинов,	д-р ист. наук (Россия);
Б.Н.Кылышбаева,	д-р соц. наук (Казахстан);
А.К.Жолдубаева,	д-р филос. наук (Казахстан);
Ш.М.Мухтарова,	д-р пед. наук (Казахстан);
Кристиан-Раду Кереджи,	PhD (Румыния);
В.С.Агаджанян,	д-р соц. наук (США);
Р.М.Шукуров,	д-р ист. наук (Россия);
В.Г.Рыженко,	д-р ист. наук (Россия);
Ф.Н.Зиатдинова,	канд. пед. наук (Россия);
К.С.Алдажуманов,	канд. ист. наук (Казахстан);
Г.М.Смагулова,	канд. ист. наук (Казахстан);
С.Б.Стамбулов,	ответственный секретарь PhD (Казахстан)

Адрес редакции: 100024, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28
Тел.: (7212) 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.
E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Сайт: vestnik.ksu.kz

Редакторы

И.Д.Рожнова, Ж.Т.Нурмуханова

Компьютерная верстка

Қ.Г.Қалел

Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия».
ISSN 2518-7236.

Собственник: РГП «Карагандинский государственный университет имени академика Е.А.Букетова».
Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан. Регистрационное
свидетельство № 13105–Ж от 23.10.2012 г.

Подписано в печать 28.12.2018 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Объем 18,0 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 119.

Отпечатано в типографии издательства КарГУ им. Е.А.Букетова.
100012, г. Караганда, ул. Гоголя, 38, тел.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Карагандинский государственный университет, 2018

Main Editor

Academician of IHEAS, Doctor of Law

Ye.K.Kubeyev

Deputy main Editor **Kh.B.Omarov**, Corresponding member of NAS RK,
Doctor of techn. sci., Professor
Responsible secretary **G.Yu.Amanbayeva**, Doctor of phylol. sciences, Professor

Editorial board

Z.G.Saktaganova,	Science Editor Doctor of Historical Science (Kazakhstan);
B.E.Kolumbaev,	Doctor of Philosophical Science (Kazakhstan);
R.M.Zhumashev,	Doctor of Historical Science (Kazakhstan);
V.V.Kozina,	Doctor of Historical Science (Kazakhstan);
V.S.Baturin,	Doctor of Philosophical Science (Kazakhstan);
B.I.Karipbaev,	Doctor of Philosophical Science (Kazakhstan);
Zh.S.Syzdykova,	Doctor of Historical Science (Russia);
B.A.Amirova,	Doctor of Psychological Science (Kazakhstan);
A.N.Dzhumageldinov,	PhD (France);
V.I.Razumov,	Doctor of Philosophy Science (Russia);
N.A.Golovin,	Doctor of Social Science (Russia);
R.M.Ziyazetdinov,	Doctor of Historical Science (Russia);
B.N.Kylyshbaeva,	Doctor of Social Science (Kazakhstan);
A.K.Zholdubaeva,	Doctor of Philosophical Science (Kazakhstan);
Sh.M.Mukhtarova,	Doctor of Pedagogical Science (Kazakhstan);
Christian-Radu Chereji,	PhD (Romania);
V.S.Aghajanian,	Doctor of Social Science (USA);
R.M.Shukurov,	Doctor of Historical Science (Russia);
V.G.Ryzhenko,	Doctor of Historical Science (Russia);
F.N.Ziatdinova,	Candidate of Pedagogical Science (Russia);
K.S.Aldazhumanov,	Candidate of Historical Science (Kazakhstan);
G.M.Smagulova,	Candidate of Historical Science (Kazakhstan);
S.B.Stambulov,	PhD, secretary (Kazakhstan)

Postal address: 28, University Str., 100024, Karaganda, Kazakhstan

Tel.: (7212) 77-03-69 (add. 1026); fax: (7212) 77-03-84.

E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz. Web-site: vestnik.ksu.kz

Editors

I.D.Rozhnova, Zh.T.Nurmukhanova

Computer layout

K.G.Kalel

Bulletin of the Karaganda University. «History. Philosophy» series.

ISSN 2518-7236.

Proprietary: RSE «Academician Ye.A.Buketov Karaganda State University».

Registered by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan. Registration certificate No. 13105–Zh from 23.10.2012.

Signed in print 28.12.2018. Format 60×84 1/8. Offset paper. Volume 18,0 p.sh. Circulation 300 copies. Price upon request. Order № 119.

Printed in the Ye.A.Buketov Karaganda State University Publishing house.

100012, Kazakhstan, Karaganda, Gogol Str., 38, Tel.: (7212) 51-38-20. E-mail: izd_kargu@mail.ru

МАЗМҰНЫ

ТАРИХ

<i>Абдрахманова Қ.Қ.</i> Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Шығыс Қазақстан облысының байланысшы-әйелдері: әйелдер тарихы және майдандағы күнделікті өмір.....	8
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х., Ускембаев К.С.</i> Тарихтағы тұлға: заманауи тәсілдер.....	18
<i>Кукушкин А.И., Мураками Я., Жауымбай С.У., Дмитриев Е.А.</i> Шығыс Қазақстанның федоров тайпаларының жерлеу рәсімін зерттеу тарихы мен сипаттамасы.....	25
<i>Хасенова Ж.О., Мажитова Ж.С.</i> Кеңес немістерінің Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстанға жер аударуы: Кеңестік биліктің тәжірибесі.....	32
<i>Отеева Г.Е., Алиясова В.Н., Ильясова А.С., Сомонжуноғлы А.</i> XVIII–XX ғасыр басындағы Қазақстан тарихы бойынша орыс дереккөздерін шолу.....	38
<i>Сағатова А.С., Тлеугабылова К.С.</i> Рухани келісімнің өрісі мен өресі — бейбітшілік кепілі.....	46
<i>Сактаганова З.Г., Мухатаева Г.А.</i> Қазақстандық әйелдердің Ұлы Отан соғысы жылдарындағы рөлі (Орталық Қазақстан материалдарының негізінде).....	52
<i>Жаркенова А.М.</i> Солтүстік Қазақстан халқының XIX ғасырдың соңы – XXI ғасырдың басындағы полиэтникалық құрамы: тарихи ерекшеліктері, тенденциялары және перспективалары.....	60
<i>Быков А.Ю.</i> XVIII ғ. бірінші жартысындағы Орынбор әкімшілігі мен жоғары қазақ ақсүйектері арасындағы қарым-қатынас.....	70
<i>Тулеуова Б.Т., Горовой В.В., Тулеуова К.Т.</i> Әлемдік тарихнаманың тарихи білімнің білім беру маңыздылығын жаңартудағы рөлі.....	83
<i>Сактаганова З.Г., Абылхожин Ж.Б.</i> «Тыңайған жерлерді игеру жобасы»: жетістіктері және мәселелері (тыңайған жерлерді игерудің әлеуметтік-экономикалық және экологиялық аспектілері).....	92

ФИЛОСОФИЯ

<i>Кусбеков Д.К.</i> Діннің заманауи интеграциясы.....	115
<i>Кусбеков Д.К.</i> Ұлы Жібек жолының мәдени мұрасы қазіргі мәдени қатынастың факторы ретінде.....	121
<i>Жүсіпова Б. Ж.</i> «Басқа әлеуметтіктің» когнитивті ракурсы.....	128
АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР.....	134
2018 жылғы «Қарағанды университетінің хабаршысында» жарияланған мақалалардың көрсеткіші. «Тарих. Философия» сериясы.....	136

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Абдрахманова К.К.</i> Женщины-связистки Восточно-Казахстанской области в годы Великой Отечественной войны: женские истории и фронтовая повседневность	8
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х., Ускембаев К.С.</i> Личность в истории: современные подходы.....	18
<i>Кукушкин А.И., Мураками Я., Жауымбай С.У., Дмитриев Е.А.</i> История изучения и характеристика погребального обряда федоровских племен Восточного Казахстана.....	25
<i>Хасенова Ж.О., Мажитова Ж.С.</i> Депортация советских немцев в Казахстан в годы Великой Отечественной войны: практика Советской власти.....	32
<i>Отеева Г.Е., Алиясова В.Н., Ильясова А.С., Сомонжуноглы А.</i> Обзор русских источников по истории Казахстана XVIII — начала XX века.....	38
<i>Сагатова А.С., Тлеугабылова К.С.</i> Духовное согласие — залог и гарантия мира	46
<i>Сактаганова З.Г., Мухатаева Г.А.</i> Роль казахстанских женщин в годы Великой Отечественной войны (по материалам Центрального Казахстана).....	52
<i>Жаркенова А.М.</i> Полиэтнический состав населения Северного Казахстана в конце XIX — начале XXI вв.: исторические особенности, современные тенденции и перспективы.....	60
<i>Быков А.Ю.</i> Взаимоотношения Оренбургской администрации и высшей казахской знати в первой половине XVIII в.	70
<i>Тулеуова Б.Т., Горовой В.В., Тулеуова К.Т.</i> Роль мировой историографии в модернизации образовательного значения исторического знания	83
<i>Сактаганова З.Г., Абылхожин Ж.Б.</i> «Целинный проект»: достижения и проблемы (социально-экономические и экологические аспекты освоения целины)	92

ФИЛОСОФИЯ

<i>Кусбеков Д.К.</i> Современная интеграция религии	115
<i>Кусбеков Д.К.</i> Культурное наследие Великого Шелкового пути как фактор современного диалога культур	121
<i>Жусупова Б.Ж.</i> Когнитивный ракурс «другой социальности».....	128
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	134
Указатель статей, опубликованных в «Вестнике Карагандинского университета» в 2018 году. Серия «История. Философия»	139

CONTENTS

HISTORY

<i>Abdrakhmanova K.K.</i> Signal-women of the East Kazakhstan region during the Great Patriotic War: women's stories and front-line daily life.....	8
<i>Yedgina G.T., Abou Taam Kh., Uskembayev K.S.</i> Personality in history: modern approaches.....	18
<i>Kukushkin A.I., Murakami Ya., Zhaulymbay S.U., Dmitriev Ye.A.</i> History of studying and characterization of the burial rite of Fedorov tribes of Eastern Kazakhstan.....	25
<i>Khassenova Zh.O., Mazhitova Zh.S.</i> Of deporting the Soviet Germans to Kazakhstan during the Great Patriotic War: the practice of Soviet power.....	32
<i>Otepova G.E., Aliyasova V.N., Ilyassova A.S., Somonzhugly A.</i> Review of Russian sources on the history of Kazakhstan XVIII – early XX centuries.....	38
<i>Sagatova A.S., Tleugabylova K.S.</i> Guarantee of peace is the field of spiritual consent.....	46
<i>Saktaganova Z.G., Mukataeva G.A.</i> The role of Kazakhstan women in the years of the Great Patriotic War (based on materials of Central Kazakhstan).....	52
<i>Zharkenova A.M.</i> The polyethnic composition of the population of Northern Kazakhstan in the late XIX–XXI centuries: historical features, current trends and prospects.....	60
<i>Bykov A.Yu.</i> Mutual relations between Orenburg administration and higher kazakh nobility in the first half the XVIII century.....	70
<i>Tuleuova B.T., Gorovoi V.V., Tuleuova K.T.</i> The role of world historiography in the modernization of the educational value of historical knowledge.....	83
<i>Saktaganova Z.G., Abylkhozhin Zh.B.</i> «Wilderness project»: achieving and problems (socio-economic and ecological aspects of virgin lands).....	92

PHILOSOPHY

<i>Kusbekov D.K.</i> Modern integration of religion.....	115
<i>Kusbekov D.K.</i> The Great Silk road's culture heritage as a factor of the modern cultures dialogue....	121
<i>Zhussupova B.Zh.</i> Cognitive angle of «another sociality».....	128

INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	134
--------------------------------	-----

Index of articles published in «Bulletin of the Karaganda University» in 2018. «History. Philosophy» Series.....	142
--	-----

УДК 94 «1941/45» (574.3)

К.К. Абдрахманова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: kimbat_abd@mail.ru)*

Женщины-связистки Восточно-Казахстанской области в годы Великой Отечественной войны: женские истории и фронтовая повседневность

В настоящее время в исторических исследованиях ученые стали проявлять наибольшую заинтересованность в изучении гендерной истории в военное время, особенно роли и места женщины на фронте. Женские образы становятся объектом пристального внимания историков. Ученых интересуют такие аспекты, как психология и настроение женщин, поведенческие стереотипы, женский патриотизм и мужество, женские истории. Статья посвящена героизму женщин-связисток, призванных на фронт из Восточно-Казахстанской области, которые ценою жизни обеспечивали фронт связью, передавали и принимали приказы, важные сведения. На основе архивных документов, уникальных воспоминаний ветеранов, опубликованных мемуаров автор показывает беспримерное мужество и негибаемую силу духа женщин-военнослужащих, выделяет роль и значение героических подвигов женщин-связисток на фронте, раскрывает внутренний мир, описывает бытовую сторону военной повседневности, подчеркивает их неопределимый вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Восточный Казахстан, фронт, женщины-связистки, военная повседневность, женские истории.

Великая Отечественная война на протяжении более 70 лет остается самым важным историческим событием в памяти народа. Реальность военной повседневности, которую с достоинством прошло и пережило наше старшее поколение, несмотря на свою временную специфику, не утрачивает по сей день своей актуальности, поскольку представляет собой пример преодоления тяжелейших ситуаций. Война не пощадила никого, жертвами стали не только мужчины, но и женщины, дети. В настоящее время в исторических исследованиях ученые стали проявлять наибольшую заинтересованность в изучении гендерной истории в военное время, особенно роли и места женщины на фронте. Женские образы становятся объектом пристального внимания историков. Ученых интересуют такие аспекты, как психология и настроение женщин, поведенческие стереотипы, женский патриотизм и мужество, женские истории. Хоть и говорят, что у войны «не женское лицо», но именно на долю девушек и женщин выпали такие тяжелые испытания, как расставание с мужьями, братьями, сыновьями, мучительные переживания и ожидания вестей с фронта, так и участие многих из них непосредственно в боевых действиях на фронте.

Данная статья посвящена героизму женщин-связисток из Восточно-Казахстанской области. Связисты обеспечивали фронт связью, соединяли между собой все подразделения, передавая и принимая приказы, важные сведения.

Восточно-Казахстанская область внесла огромный вклад в достижение Победы. Восточноказахстанцы, не дожидаясь призыва, настойчиво требовали отправки на фронт добровольцами. Согласно материалам периодической печати за 1941 г. только в военкоматы области за 4 месяца потупило 2471 заявление, в том числе 194 — от женщин [1].

Добровольная мобилизация носила массовый характер. 23 июня 1941 г. в партком треста «Иртышгэсстрой» пришли сотрудники военизированной охраны и заявили о своем желании пойти добровольцами на фронт. С таким же желанием обратились в Кировский райвоенкомат $\frac{3}{4}$ сотрудников Защитинского отделения железной дороги; 30 сотрудников типографии и редакции «Большевик Алтая» ушли на фронт.

На войну изъявили желание идти ветераны Гражданской войны. «Не могу терпеть бандитского нападения на нашу Родину, — писала в заявлении в горвоенкомат бывшая пулеметчица Чапаевского полка В. Сергеева. — Мой сын служит в Красной Армии танкистом. Хочу пойти на фронт и вместе с ним громить гитлеровцев» [2; 39].

Всего из Восточно-Казахстанской области были направлены на фронт около 200 тысяч человек. В августе 1941 г. в Усть-Каменогорске были сформированы: 375 истребительно-противотанковый артдивизион, участвовавший в штурме Берлина; 96 Гвардейский, 837, 237, 238 стрелковые полки [2; 39].

Государственный комитет обороны 17 сентября 1941 г. принял Постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», согласно которому было введено обязательное обучение военному делу для лиц мужского пола от 16 до 50 лет, без отрыва от производства. Занятия проводились по 110-часовой программе. Граждан обучали строевой подготовке, технике овладения пулеметом, винтовкой, минометом и ручной гранатой, обучали также противохимической защите, рытью окопов и искусству маскировки, а также давали знания по тактической подготовке одиночного бойца и отделения [3]. Через всеобщее обучение в области были подготовлены тысячи призывников. Только в г. Лениногорске было создано 98 групп, в которых к концу 1941 г. прошли обучение 34 тыс. человек. Из числа молодежи через всеобщее обучение были подготовлены 14 тыс. лыжников, горных стрелков и пулеметчиков [4; 96].

Несмотря на то, что Постановление обязывало обучаться исключительно мужчин, активно участвовали в овладении военными знаниями и женщины. Военкоматы областей уделяли большое внимание обучению девушек старших классов и студенток техникумов военным специальностям. Только в Усть-Каменогорске по специальным программам на курсах радиотелеграфистов, телеграфистов, связистов, медсестер обучались около 5 тыс. девушек [4; 97].

Однако из-за острой нехватки военных кадров на фронте руководство начинает активно привлекать женщин. 14 апреля 1942 г. вышел приказ № 0284 о мобилизации в войска связи женщин для замены красноармейцев. Освободившихся мужчин было поручено использовать в первую очередь на укомплектование и пополнение потерь связистов стрелковых дивизий и стрелковых бригад, артиллерийских, танковых и минометных частей, находящихся на фронте.

Согласно данному документу было приказано мобилизовать 30 тысяч женщин в войска связи в фронтовых, армейских и запасных частях по следующим специальностям:

а) бодисты, эстисты, морзисты, телефонисты, радисты, телеграфисты, телеграфные техники, радио т/т мастера, кинорадиомеханики и техники, работники полевой почты и экспедиторы, требующие специальной подготовки, — всего 24 144 человека;

б) чертежники, писари, делопроизводители, повара, кладовщики, фельдшера, библиотекари, портные, слесари, токари и прочий обслуживающий состав — всего 5856 человек [5].

О буднях фронтовой повседневности можно узнать из воспоминаний и рассказов самих фронтовичек. К сожалению, многих сейчас нет в живых. Но благодаря работе местных краеведов, историков и журналистов, записавших своевременно их воспоминания, мы сейчас узнаём правду о войне.

Радистка *Валентина Лаврова* из Курчумского района Восточно-Казахстанской области, служившая в артиллерийском полку первого Белорусского фронта, прошла Белоруссию, Польшу, немецкий город Франкфурт-на-Майне, Берлин. Была она родом из Смоленска. На войне Валентина Лаврова была радисткой. Вспоминает фронтовичка: «Да, работали при штабах, но война есть война: от пули и осколков не был застрахован никто. Всегда возмущают легенды о якобы «легкой» жизни девчат на фронте. Им могут поверить лишь те, кто не познал настоящей войны. Во время взятия Берлина на рейхстаге есть и моя подпись. Отыскав свободный кусочек стены, я написала простые слова «Дивчина. г. Смоленск. 1922 года рождения» [4; 135]. После окончания войны она вернулась в Смоленск. Спустя некоторое время встретила свою судьбу и уехала жить в Восточный Казахстан.

Нина Максимовна Здоренко прошла сложный боевой путь. В 1939 г. она окончила восьмилетку и работала продавцом в магазине в г. Змеиногорске. В 1942 г. пошла добровольцем на фронт. Но прежде ее отправили на курсы радистов при Академии связи СССР. Нина Максимовна получила

специфическую специальность — стала радиоразведчицей. Люди, имеющие такую профессию, были способны из хаоса звуков в эфире отследить и расшифровать важную информацию противника. Вспоминает о Н.М. Здоренко ветеран войны и труда Б. Чурин: «Нина Максимовна скоро стала специалистом первого класса. Служила в 345-м отдельном дивизионе до конца войны. Прибалтийский и все четыре Украинских фронта — вот ее боевой путь. Сержанту Здоренко не раз приходилось спасать радиоаппаратуру и документацию. Не обошлось и без ранений, она стала инвалидом войны второй группы. После окончания войны она вышла замуж и переехала из Змеиногорска в Усть-Каменогорск. Выростила с мужем троих детей, несколько лет работала в ОРСе. Выйдя на пенсию, была членом совета ветеранов» [6; 88].

Небольшие сведения имеются еще об одной участнице войны из Усть-Каменогорска — *Катюшине Александровне Саханович*. Известно, что на фронт она ушла в 1942 г. Была снайпером, связистом в войсках противовоздушной обороны. После войны строила Комсомольск-на-Амуре [6; 248].

Мария Ивановна Михайлова родилась в 1920 г. в с. Шарипово Краснодарского края. Окончив школу, с 1940 г. работала учителем истории в средней школе в Хакасии. В августе 1942 г. ушла добровольцем в ряды Красной Армии. Пройдя двухмесячные курсы телеграфистов-связистов, была отправлена на фронт в отдельный батальон в составе Западного фронта. Мария Ивановна проработала связистом до конца войны. Возвратившись с фронта, она на родине работала учителем истории, а в 1949 г. переехала в г. Зыряновск Восточно-Казахстанской области. Проработав год инспектором отдела народного образования Зыряновского района, Мария Ивановна перевелась на партийную работу и последующие 12 лет работала заведующей парткабинетом райкома партии, лектором, заместителем заведующего отдела пропаганды. Боевые и трудовые заслуги Марии Ивановны были отмечены орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги» [7; 13].

Мария Швыдко, радистка-телефонистка, закончив 1 курс Семипалатинского сельскохозяйственного техникума, пошла учиться новому военному ремеслу — окончила курсы радистов-телефонистов. Попутно на «отлично» освоила технику стрельбы из боевой винтовки, санитарное дело. Зимой 1942 г., в возрасте 17 лет, добровольно ушла на фронт. Она рассказывала: «Сначала я попала на Степной, затем на Первый Украинский фронт в 276-й инженерно-саперный полк. Работала радистом. Я хотела стать санинструктором, но заместитель командира полка сказал: «Связь — это нерв армии. Мы берем лучших, наиболее грамотных. Связисту доверяют многие военные секреты, он должен быть специалистом своего дела, но хорошо держать язык за зубами, владеть автоматом, пулеметом». И мы, связисты, всегда помнили об этом. Приходилось устранять повреждения на линии и 40-килограммовую рацию носить за спиной, хотя сами весили чуть больше рации» [4; 151].

Женщины участвовали в тяжелых сражениях, порой находясь на передовой наравне с мужчинами, под прямым обстрелом. М. Швыдко вспоминала: «Мы прошли с маршалом Коневым всю войну через Украину, Польшу, Чехословакию, Венгрию. В Чехословакии я, под городом Йиглава, получила ранение, попала в полевой госпиталь в Праге. Но потом снова вернулась в свой полк. Нам, девчонкам, тогда было тяжелее, чем мужчинам, но мы не хныкали и наравне со всеми бойцами переносили все лишения, зная, что Победа будет за нами. Помню, когда наш полк пошел от Львова и дошел до границы с Польшей и наш полк поднимал и ставил пограничные столбы нашей Родины, то все подразделения стали на колени перед нами со слезами на глазах, наша Родина свободна от фашистов!» [4; 151].

М. Швыдко принимала участие в знаменитой Висло-Одерской стратегической наступательной операции зимой 1945 г. Эта операция длилась почти месяц. Проводилась она силами 1-го Белорусского фронта, где командующим был маршал Г. Жуков, и 1-го Украинского фронта под командованием маршала И. Конева.

Вспоминала М. Швыдко: «Я участвовала в форсировании Днепра, Вислы, Одера. В одном из боев за Вислу, в составе автоматчиков и саперов, я, радист, переправилась через Вислу. Мы заняли клочок земли — наш небольшой плацдарм и закрепились. Я должна была контролировать огонь артиллерии. Первая атака на наш плацдарм была отбита. Но немцы снова и снова шли в атаку, пытались сбросить нас в Вислу. У них было большое превосходство. И вот тогда командир роты сказал: «Ну, радист, теперь все зависит от тебя. Вызывай огонь артиллерии, иначе они нас сомнут». И наша артиллерия по целям, указанным мной, плотным заградительным огнем защитила наш плацдарм, а там подошло подкрепление» [4; 152].

Уроженка Восточно-Казахстанской области *Олимпиада Кирилловна Кумакиева*, 1922 г рождения, в 1941 г., пройдя краткосрочные курсы связистов в Ташкенте, ушла добровольцем на фронт.

Воевала она на Волховском фронте. В отдельном батальоне связи прошагала-проползла пол-Европы. Сумка, катушка, полевой телефон — ее атрибуты солдатского снаряжения. С особой теплотой вспоминала она о своей фронтовой повседневности: «Но война это не только бои и сражения. В перерывах между боями, отступлениями и наступлениями девчонки-связистки мечтали о том, что скоро кончится проклятая война, снимут они военную форму, кто работать, а кто учиться пойдет. И все, конечно, мечтали о том, что встретят того единственного, любимого, за которого и выйдут замуж. А еще в перерывах между боями мы любили петь. Среди бойцов наиболее популярными была «Землянка», «Вставай, страна огромная», «Катюша» [4; 189].

Несмотря на суровость военной повседневности, женщины на фронте оставались милыми и женственными. Олимпиада Кирилловна рассказывала: «Женщины как могли ушивали военное обмундирование, они по всем фронтам, по всем хлябям таскали за собой в полевых сумках и румяна, и пудру. Чуть что, доставали зеркальце, прихорашивались, словно вот-вот за ними женихи придут. Даже в первые майские победные дни не успели еще смолкнуть пушки, как девчата-фронтовички поспешили нарядиться в юбки да платья, уж до того им брюки надоели» [4; 190].

Боевое крещение на полях сражений под Москвой приняла *Валентина Романовна Самаркина*, 1921 г. рождения, из села Солоновка Большенарымского района. После окончания ФЗО она работала радисткой в управлении Верхне-Иртышского пароходства. Когда началась война, Валентина Романовна добровольцем ушла на фронт и в августе 1941 г. была зачислена в 81-й отдельный полк связи, обслуживающий 43-ю армию. Как отмечали ее однополчане, ей нередко приходилось отбивать атаки вместе со стрелками. Ее радиостанция всегда работала безотказно. Она передавала приказы командиров, принимала сведения, передавала артиллеристам координаты скопления вражеских танков и пехоты, расположения артиллерийско-минометных батарей. В мае 1943 г., возвращаясь с очередного задания, попала под сильный артиллерийско-минометный обстрел по командному пункту командира 234-й стрелковой Ломоносовской дивизии 1-го Белорусского фронта. Валентина Романовна получила сквозное ранение грудной клетки. Ее отправили в госпиталь, где усилиями врачей она через три месяца выздоровела и вернулась в строй [8; 34].

В декабре 1943 г., в ходе очередной боевой операции, сержант В.Р. Самаркина получила тяжелую контузию. За свой подвиг была награждена медалью «За боевые заслуги». На сайте Центрального архива Министерства обороны имеется копия наградного листа, где записано: «В период боевых действий дивизии с 13 декабря 1943 г. по 2 января 1944 г. в районе деревни Крицки, Алексеевка, Новоселки Витебской области тов. Самаркина, работая на радиостанции по связи штаба дивизии со штабом корпуса, обеспечила быстрый и четкий прием и передачу радиogramм» [9].

В апреле 1945 г. Валентина Романовна, начальник радиостанции роты связи 1340 стрелкового полка, была представлена к награде — ордену Красной Звезды [9].

После окончания войны В.Р. Самаркина была демобилизована и вернулась к себе на родину. Из-за полученных ранений она стала инвалидом второй группы. Через некоторое время вышла замуж и переехала жить в Усть-Каменогорск.

В книге А.В. Потапова также перечисляются другие фамилии девушек, ушедших на фронт, — Елизавета Ивановна Шакина, Лидия Георгиевна Юрганова, Анна Федоровна Шмыглева, Любовь Скребцова, Анна Истомина и другие [8; 33].

Более полные сведения о некоторых из них были нами обнаружены на сайте Центрального архива Министерства обороны. О судьбе Л. Скребцовой и А.Истоминой, к сожалению, никаких сведений нами найдено не было. Имеется наградной лист на имя *Елизаветы Ивановны Шакиной*, из которого мы узнаем: 1916 г. рождения, украинка. Была в звании сержанта и занимала должность радиотелеграфиста во втором механизированном корпусе Калининского фронта. На фронт была призвана Семипалатинским РВК в 1941 г. Принимала участие в боях с 16 октября 1941 г. под Смоленском и Калинином. Ранений и контузий не имела. В декабре 1942 г. она была представлена к награде медалью «За боевые заслуги». Согласно записям из наградного листа следует, что «на всем протяжении работы радиостанции по обеспечению бесперебойной радиосвязью в армейской сети сержант Шакина показала образцы самоотверженной работы. В период, когда отсутствовали все виды связи (пром. радио), сержант Шакина, не считаясь ни со временем, ни с условиями работы, работала на радиостанции безвыходно, по 14-18 часов в сутки, добивалась постоянной и уверенной связи в очень трудной обстановке для работы слухача-радиста. Своей самоотверженной работой обеспечивала быстрое прохождение боевых радиogramм. Работа сержанта Шакиной в качестве радиотелеграфиста является образцовой во всех отношениях» [10].

Сержант, радиотелеграфист *Лидия Георгиевна Юрганова*, 1922 г. рождения, проходила службу в 245-й Отдельной роте связи 1 Штурмового авиационного корпуса ВВС Красной Армии. Согласно записям из наградного листа следует, что она была призвана Семипалатинским РВК в августе 1941 г. Со 2 сентября 1941 г. по 8 июля 1942 г. находилась на Волховском фронте. За этот период времени она овладела на «отлично» радиостанцией РСВ и РАФ. В апреле 1943 г. ее представили к награждению медалью «За боевые заслуги». В приказе отмечено: «4 февраля 1943 г. вместе с экипажем радиостанции РАФ Юрганова Л.Г. выехала в район боев, где отлично обеспечивает радиосвязью наземные и воздушные части. Юрганова является образцом воинской дисциплины. Она сочетает свою боевую работу с культурно-массовой работой и отлично участвует в красноармейской художественной самодеятельности» [11].

Однако 6 мая 1943 г. Лидия Георгиевна, согласно медицинскому документу, умерла от полученных ран в эвакогоспитале № 1098. Была похоронена в Воронежской области, Алексеевский район, п. Алексеевка [11].

Анна Федоровна Шмыглева, 1920 г. рождения, призвана Ленинским РВК Семипалатинской области. Она служила ефрейтором в 26 Отдельном полку связи 17 Воздушной армии 3-го Украинского фронта. В ноябре 1943 г. была представлена командиром полка к награде медалью «За боевые заслуги». Обоснованием послужил подвиг: «Шмыглева Анна Федоровна, работая в самых ответственных боевых радиосетях, обеспечивает бесперебойную радиосвязь с войсками. Так, во время дислокации командного пункта Командующего Воздушной Армии в с. Никополь в период с 17 сентября по 25 сентября 1943 г. проводная связь с I Смешанным Авиакорпусом отсутствовала. Тов. Шмыглева обеспечила по радио бесперебойный прием и передачу важнейших боевых приказов, несмотря на сильные помехи в эфире и слабую слышимость, перевыполнила норму обмена в два раза» [12].

Уроженка Уланского района Восточно-Казахстанской области *Шагила Ахимбаевна Кусанова* в 18 лет была призвана на фронт Фрунзенским РВК в 1941 г. Шагила Ахимбаевна была воспитанницей детского дома, после окончания Никитинской средней школы она поступила на историко-филологический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Окончив 1 курс, добровольцем пошла на фронт. Из девушек-добровольцев алматинских вузов городской военный комиссариат сформировал роту и направил ее в Ташкент на двухмесячные курсы радисток. Ш.А. Кусанова вспоминала: «1 сентября мы приняли присягу. Занимались днем и ночью, недели две не видели солнца, а в день годовщины Великого Октября нас направили на фронт. Я и несколько девушек попали в Крым. Там, под Феодосией, я и приняла боевое крещение» [13].

В 1942 г. Ш.А. Кусанову перевели радисткой в 33-й гвардейский артиллерийский полк 1-го Украинского фронта, в составе которого она и дошла до Берлина. В книге А.В.Потапова приводится отрывок из ее письма, адресованного младшему братишке: «Дорогой Бейсенбай! Враг под Сталинградом разгромлен. Мы получили медали за его оборону. Я этому очень рада. Вместе с тем я в эти дни очень скорблю. Вражья пуля оборвала жизнь моей подруги Зии Досбергеновой. Пока я не отомщу за нее фашистским извергам — никогда не успокоюсь» [8; 69].

Во время очередной бомбежки 1943 г. Шагила была ранена, но свой боевой пост не оставила. Она принимала участие в боевых операциях под Харьковом, на территории правобережной Украины, на Сандомирском плацдарме, а также участвовала в освобождении Румынии, Чехословакии, Польши, в штурме Берлина.

30 апреля 1943 г. был подписан приказ о награждении Шагилы медалью «За боевые заслуги». В приказе было отмечено: «Наградить гвардии ефрейтора Кусанову Шагила Ахимбаевну, радиотелеграфистку, старшую штабной батареи, за то что она проявила исключительное трудолюбие в освоении своей специальности, прекрасно успевает в боевой и политучебе» [14].

9 ноября 1944 г. Шагила была награждена медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. В наградном листе указано: «Старший радиотелеграфист штабной батареи гвардии сержант Кусанова за время боевых действий с 3-го августа 1944 г. всегда точно и аккуратно выполняла свои обязанности в любой обстановке боя. Когда при отражении многочисленных контратак противника телефонная связь выходила из строя, тов. Кусанова быстро входила в связь с подразделениями, и управление огнем подразделений не терялось ни на одну минуту. Квалифицированный радист, тов. Кусанова, невзирая на то, что часто работу приходилось вести под сильным огнем артиллерии и минометов противника, работу свою выполнила с честью» [14].

20 марта 1945 г. Шагила Кусанова была награждена медалью «За отвагу». В наградном листе командиром дивизии было отмечено: «За время боев по форсированию реки Одер, созданию и рас-

ширению Одерского плацдарма тов. Кусанова, постоянно находясь со своей радиостанцией при оперативной группе штаба полка, зачастую под обстрелом противника, с явной, подчас, угрозой для жизни, всегда обеспечивала командование полка надежной радиосвязью. Это в значительной степени способствовало выполнению боевых задач» [15].

После окончания войны Ш.А. Кусанова демобилизовалась, восстановилась в вузе. В 1949 г. была оставлена в аспирантуре при Академии наук КазССР. В 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию и осталась работать в КазГУ им. С.М. Кирова. Чуть позже она защитила докторскую диссертацию, получила звание профессора. Шагила Ахимбаевна Кусанова по сей день жива, является академиком Академии гуманитарных наук Республики Казахстан. Она заслуженный работник высшей школы Республики Казахстан, Отличник образования СССР и Казахстана.

В 2010 г. в Глубоковском районе Восточно-Казахстанской области силами районного совета ветеранов, средней школы, военно-патриотического объединения «Мурагер» был издан сборник очерков о глубочанах — участниках Великой Отечественной войны. В этом сборнике содержатся воспоминания самих участников войны, а также рассказы жителей района о подвигах своих земляков, в том числе женщин. В разделе «Они сражались за Родину» был отмечен боевой путь радиотелеграфиста *Александры Алексеевны Абраменко*, 1923 г. рождения. Родом она была из деревни Тешево Оршинского района Калининской области. В Восточном Казахстане оказалась уже после войны. О самой войне Александра Алексеевна вспоминала: «Когда началась война, нас, всю деревенскую молодежь, мобилизовали на рытье противотанковых рвов недалеко от города Калинина. Ох, и тяжелая эта работа? На что уж мы были привычны с раннего детства к труду, а кровавые мозоли с рук не сходили.

В деревне я уже успела поработать телефонисткой и стала учиться на связистку. После курсов нас направили на передовую. Вот когда натерпелись страху? Шли ночью. Были такие сильные морозы, что ноги примерзали к подошвам ботинок. Шинели выдали не по росту, мы путались в них.

Уже на подходе к передовой мы узнали, что такое ад. Немец вел ожесточенный огонь по нашим позициям. Но и наши давали о себе знать. Все кругом горело и грохотало. Дальше уже в рост идти было невозможно, и мы ползли по-пластунски. Вот так я, считай, на животе, приползла в 24-й гвардейский полк. Я попала в четвертую батарею. На следующий день мне дали задание: нести обед на наблюдательный пункт бойцам. Только сказать «нести». А нужно было скрытно пробраться к ним под сплошным обстрелом. У меня, необстрелянной девчонки, поджилки тряслись. Но приказ есть приказ. И мы с бойцом Стеновым понесли в термосах суп и кашу.

Нас быстро обнаружили и открыли огонь. Стенового ранило. Я сбросила с себя термос, перевязала ему рану, положила на плащ-палатку и поволокла в сторону батареи. Была хрупкой, силенки маловато. Ташу и плачу горькими слезами. Но все-таки дотянула.

Я и до сих пор не могу смотреть фильмы про войну, сердце сжимается в комок, а слезы текут ручьем. Сколько пришлось мне похоронить боевых товарищей! Сотни!» [15; 8].

Еще одним эпизодом из военной жизни поделилась наша героиня со своим собеседником: «Наш наблюдательный пункт находился на озере, покрытом льдом. Нас там было пятеро человек, из них я одна — девчонка. Впереди немецкая пехота, а за озером наша передовая. К нам нельзя ни проехать, ни пройти. Враг бомбил с воздуха, вел методический артобстрел.

Кончились продукты, и мне пришлось готовить пищу из мяса убитой лошади. Мясо съели, в ход пошли ноги, голова. Кончились соль и сухари. Мы начали голодать. Помыться негде. Появились вши. Ребята подстриглись наголо, а меня подстригли под-польку. На войне приходилось быть и связисткой, и медсестрой одновременно. А это не так-то просто. Нагрузишь на себя катушку с кабелем, полевой телефон, карабин, противогаз, а у самой весу-то чуть больше 50 килограммов. Вот так это было» [19; 8]

Ефрейтор А.А. Абраменко принимала участие в освобождении Каунаса и Вильнюса, Польши и Восточной Пруссии, участвовала в форсировании Немана и других рек. Она была награждена орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Москвы» и многими другими правительственными наградами.

Каирбану Кыдыркановна Кыдырканова, 1922 г. рождения, уроженка Уланского района. После окончания семи классов она в 1935 г. поступила в Усть-Каменогорский техникум комполитпросвета. Получив диплом, Каирбану устроилась учителем начальных классов в Лениногорской средней школе №10. В мае 1942 г. добровольно ушла на фронт. После призыва ее направили на двухмесячную подготовку в Высшее военное училище, которое было эвакуировано из Ленинграда в Уральск Западно-

Казахстанской области. В августе 1942 г. она попала на службу в 127-ю отдельную телеграфно-эксплуатационную роту в качестве телеграфиста 48-й армии.

С первых дней войны Каирбану принимала участие в боевых действиях на Орловско-Курском направлении. Каирбану Кыдыркановна вспоминала: «Помню, как тяжело нам было восстанавливать повреждённую линию в Белоруссии. Болотная местность, овраги, траншеи. Фашисты уничтожили провода на 19 столбах. Под обстрелом мы трое пошли их восстанавливать. Дошли до крайнего столба, где сохранился провод, и рядовой Зубков, «одев когти», полез на столб. Я за ним, несмотря на обстрел, связь восстановили» [15; 9].

В составе своей армии Каирбану прошла Украину, Белоруссию, Польшу, Восточную Пруссию в составе Брянского, Белорусского фронтов. Участвовала в штурме Кёнигсберга. В апреле 1945 г. была награждена медалью «За боевые заслуги». В наградном листе отмечено: «Тов. Кадырканова в действующей армии с августа 1942 г. при 127 отдельной телеграфно-эксплуатационной роте в должности телеграфиста. Дисциплинированная, пользуется заслуженным авторитетом среди бойцов и командиров части, дополнительно несет нагрузку — комсомольский организатор роты. С началом зимнего наступления тов. Кадырканова находится на обслуживании боевых линий связи. К работе относится добросовестно, на вызовы отвечает своевременно. При ограниченном количестве людей вместе с мужчинами выходит на устранение повреждений на линиях. За добросовестное выполнение боевых заданий и высокую дисциплинированность тов. Кадырканова заслуживает представления к правительственной награде медалью «За боевые заслуги» [16].

После окончания войны Каирбану демобилизовалась и вернулась в Лениногорск (ныне Риддер). Через месяц приступила к работе педагога, в свободное время обучала неграмотных женщин. В 1946 г. Каирбану Кыдырхановна вышла замуж за коллегу по работе — преподавателя-фронтовика Аубакира Байбатчина. Жили они сначала в Усть-Каменогорске, затем переехали в Таврический район. В 1950-е годы она участвовала в поднятии целины. Помогла директору школы в организации интерната для детей целинников. В 1960-е годы с семьёй Каирбану переехала в Глубоковский район. Работала инспектором в районо, заведующим отделением заочного обучения района, организовала вечерние школы для рабочей молодежи. Вместе с мужем вырастили и воспитали семерых детей, дали им хорошее образование.

Каирбану Кыдырхановна — отличник просвещения Казахстана. За боевые заслуги награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Кёнигсберга», «За боевые заслуги», «За освобождение Белоруссии» (2004 г.), орденом «Материнской славы III славы» и т.д. В 2001 г. Каирбану Кыдырхановна стала победителем усть-каменогорского городского конкурса «Жемчужины Востока» в номинации «Удивительная судьба» [15; 10].

Евдокия Ивановна Климченко, 1921 г. рождения, уроженка с. Никитенка Уланского района Восточно-Казахстанской области. До войны, после завершения школы, Евдокия окончила курсы телеграфистов и пять лет работала в районном узле связи. Она в совершенстве владела телеграфными и телефонными аппаратами, знала азбуку Морзе. В августе 1942 г. ее, как военнообязанную, призвали в армию. Из большой семьи Евдокия уходила пятой, четверо братьев уже были на фронте.

Из Усть-Каменогорска двадцать девчат, среди них и Е. Климченко, отправили поездом до станции Валуйки. Однако эшелон попал под бомбежку. Им пришлось сойти и идти пешком до места назначения. Девушек из Усть-Каменогорска зачислили бойцами в 183-ю Краснознаменную стрелковую дивизию 1-го Украинского фронта. Евдокия Ивановна попала в 1-й взвод связистов. Восемь ребят, она — девятая, десятый — командир. В 1944 г. Евдокию демобилизовали по состоянию здоровья. После войны она ушла работать в торговлю, вышла замуж, родила дочь. В 2009 г. в газете «Огни Прииртышья» о ней писала корреспондент И. Попова: «Можно только удивляться внутренним силам этой женщины. Она прошла через все лишения войны и сейчас, несмотря на болезни, остается оптимисткой. Всегда найдет ласковое слово для внуков и правнуков, а если станет худо, займется любимым делом — рукоделием. Шьёт, вяжет, вышивает в свои почти девяносто лет. «Трудиться, — говорит, — любила и умела с детства. Вот в чем залог моего долголетия» [15; 60].

Екатерина Петровна Порева — участница Великой Отечественной войны. О ней, к сожалению, очень мало сведений. Известно, что она из города Иваново. Ее родители погибли на фронте. После окончания курсов радисток была распределена в зенитный полк Белорусского фронта, а позже участвовала в разгроме Японии. За боевые заслуги имеет орден Отечественной войны и другие награды. В 1957 г. она с мужем переехала в Белоусовку Восточно-Казахстанской области. Всю жизнь проработала в средней школе учителем начальных классов [15; 107].

Тамара Евгеньевна Гречухина, 1923 г. рождения, уроженка г. Семипалатинска. Была призвана на фронт в сентябре 1942 г. Усть-Каменогорским ГВК. Тамара практически всю войну прошла в составе 88 артиллерийской дивизии ПВО в звании сержанта, в должности радиотелеграфиста 1422-й отдельной роты связи.

В работе Е. Турлыбаева приводится отрывок из письма Тамары своим сослуживцам спустя 30 лет после окончания войны. После Украины Тамара попала в 88 дивизию, которую перекинули в Германию. Фронтовичка вспоминала: «Там нам досталось, жарко было. Неподалеку от нас была окружена немецкая группировка. Фашисты хотели вызволить своих из «котла». Трудно передать словами, что там творилось. Но кончилось, конечно, нашей победой. В конце войны меня наградили медалью «За боевые заслуги» [17; 172].

На сайте «Память народа» имеется документ на имя Тамары Евгеньевны, согласно которому она в июле 1945 г. была представлена к награждению медалью «За боевые заслуги». В наградном листе командиром роты было отмечено: «тов. Гречухина прошла славный путь советской девушки-воина, девушки-радиста. В боевой работе тов. Гречухина проявила себя отважным воином, отдала все свои силы на выполнение приказов тов. Сталина, она стала мастером своего дела, снайпером эфира. Образец скромности и дисциплинированности — такой знают тов. Гречухину радисты приемного радиопункта. В нынешних условиях тов. Гречухина отдает все свои силы и знания на укрепление боеспособности войск ПВО» [18].

После войны Тамара демобилизовалась и уехала жить в Усть-Каменогорск, вышла замуж, родила двух дочерей.

Бекорюкова Мария Алексеевна из Восточно-Казахстанской области в звании младший сержант была командирована в отделение связи до окончания войны. Вспоминает Мария Алексеевна: «Откуда силы брались?... Лютая ненависть к врагу, желание хоть чем-то помочь родной армии в жестокой схватке, тоска по дому... Плюс молодость. Если падали вражеские самолеты под огнем наших батарей, если враг в очередной раз не вторгся в наш район бомбить мост — что могло быть выше этой радости?» [19; 46].

Таким образом, вклад женщин-связисток был огромен и велик. Подвиг каждой из них заслуживает отдельной истории. На хрупких плечах, ползком, под жуткими обстрелами, они обеспечивали связью штабы и дивизии, восстанавливали линии. За свою боевую работу были награждены большое количество женщин из связистов медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, орденом Ленина. Каждый из них отважно выполнял свой долг перед Родиной. К сожалению, нет точной статистики по награждению женщин из числа связисток по Восточно-Казахстанской области. Известно лишь только, что из Восточно-Казахстанской области звание Героя Советского Союза получили 60 человек, награждены орденами и медалями 30 тысяч человек, в том числе 4000 казахов, 300 женщин. Более 72 тысяч человек получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» [20].

Несмотря на то, что женщины были «хрупкими созданиями», они показали себя храбрыми, стойкими и выносливыми бойцами и командирами. Их мужество и небывалый героизм сыграли огромную роль в победе над фашизмом. Их подвиг бессмертен, поколение людей, не знавших войны, склоняет голову перед их героизмом.

Статья подготовлена в рамках научного проекта по гранту № 1992-И-18 «Великая Отечественная война и женщины Казахстана на фронтах и в тылу: женские истории и повседневность».

Список литературы

- 1 Большевик Алтая. — 1941. — 10 окт.
- 2 Шмурыгин Г.М. Восточный Казахстан в годы Великой Отечественной войны // Материалы науч.-теор. конф., посвящ. 50-летию Победы. — Усть-Каменогорск, 1995. — 107 с.
- 3 Постановление ГКО № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17.09.1941 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194109/gko_0690.html.
- 4 Мы — дети той большой войны. — Усть-Каменогорск: ВКГУ, 2001. — 308 с.
- 5 Приказ №171 от 14.04. 1942 г. «О мобилизации в войска связи женщин для замены красноармейцев» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bdsa.ru/404-295>.

- 6 Никто не забыт, ничто не забыто. — Усть-Каменогорск: ВКГУ, 2000. — 252 с.
- 7 Наши ветераны: из биографий и личных воспоминаний ветеранов. — Усть-Каменогорск: Шығыс Ақпарат, 2011. — 60 с.
- 8 Потапов А.В. Гвардейцы фронта и тыла: Рудный Алтай в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / А.В. Потапов. — Алма-Ата: Казахстан, 1974. — 251 с.
- 9 Память народа 1941-1945. Самаркина В.Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrzhdenie21977426/.
- 10 Память народа 1941-1945. Шакина Е.И. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrzhdenie150256633/.
- 11 Память народа 1941-1945. Юрганова Л.Г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrzhdenie16254803/.
- 12 Память народа 1941-1945. Шмыглева А.Ф. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrzhdenie150943954/.
- 13 Социалистік Қазақстан. — 1965. — 6 мамыр.
- 14 Память народа 1941-1945. Кусанова Ш.А. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrzhdenie16913742/.
- 15 Сборник очерков о глубочаных, участниках Великой Отечественной войны. – Глубокое, 2010. – 159 с.
- 16 Память народа 1941-1945. Кыдырканова К.К. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrzhdenie39149923/.
- 17 Турлыбаев Е. Приближали как могли: Повести и рассказы о ратном пути фронтовиков / Е. Турлыбаев. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004. — 187 с.
- 18 Память народа 1941-1945. Гречухина Т.Е. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrzhdenie42533737/.
- 19 Есть в памяти мгновения войны / сост. Л. В. Аксенова. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2010. — 65 с.
- 20 Рудный Алтай. — 1995. — 7 мая.

Қ.Қ. Абдрахманова

Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Шығыс Қазақстан облысының байланысшы-әйелдері: әйелдер тарихы және майдандағы күнделікті өмір

Қазіргі таңда тарихи зерттеулерде ғалымдар әскери уақыттағы гендерлік тарихқа, оның ішінде майдандағы әйелдің орны мен рөліне ерекше қызығушылық таныта бастады. Әйелдер бейнесі тарихшылардың басты назарында болып отыр. Ғалымдарды әйелдердің психологиясы, көңіл-күйі, іс-әрекет таптауырындары, әйелдердің патриотизмі мен ерлігі, әйелдер тарихы сияқты аспектілер қызықтырады. Мақала Шығыс Қазақстан облысынан майданға шақырылған байланысшы-әйелдердің ерлігіне арналған. Олар өз бастарына төнген қауіпке қарамастан, майданды байланыспен қамтамасыз еткен, бұйрықтарды, маңызды мәліметтерді қабылдап, таратып отырған. Мұрағат құжаттары, ардагерлердің естеліктері және жарық көрген мемуарлар негізінде автор майдандағы әйелдердің өмір тарихына талдау жасай отырып, олардың ерліктерінің рөлі мен маңызын сипаттайды және соғыс кезіндегі күнделікті өмірдің тұрмыстық жағын, майдандағы өмірдің барлық ауыртпалықтарына қарамай, әйелдер өз өмірлерін құрбан ете отырып, көрсеткен ерен ерліктерін, олардың сарқылмас күш-жігерін көрсетті. Сонымен қатар олардың 1941–1945 жж. Ұлы Отан соғысында Жеңіске жетуге қосқан өлшеусіз үлестері жайлы баяндайды.

Кілт сөздер: Ұлы Отан соғысы, Шығыс Қазақстан, майдан, байланысшы-әйелдер, әскери күнделікті өмір, әйелдердің тарихы.

К.К. Abdrakhmanova

Signal-women of the East Kazakhstan region during the Great Patriotic War: women's stories and front-line daily life

Currently, in historical studies, scientists have become the most interested in studying gender history during wartime, especially the role and place of a woman at the frontline. Females are becoming the object of attention of historians. Scientists are interested in such aspects as psychology and the mood of women, behavioral stereotypes, women's patriotism and courage, women's stories. The article is devoted to the heroism of female signalers, called up at the frontline from the East Kazakhstan region, who, at the expense of life, provided the frontline with communications, transmitted and received orders, and important information. Based on archival documents, unique memoirs of veterans, published memoirs, the author reveals the inner world of female military personnel, describes the common side of military everyday life, shows their unparalleled courage and

inflexible strength of mind, highlights the role and importance of heroic feats of female signalers at the front-line, emphasizes their invaluable contribution in achieving victory in the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: Great Patriotic War, East Kazakhstan, front-line, signalwomen, military everyday life, women's stories.

References

- 1 Bolshevik Altaia [Bolshevik of Altai]. (1941, 10 oktiabria) [in Russian].
- 2 Shmurygin, G.M. (1995). *Vostochnyi Kazakhstan v hody Velikoi Otechestvennoi voiny [East Kazakhstan in days of the Great Patriotic War]*. Ust-Kamenogorsk [in Russian].
- 3 Postanovlenie HKO No. 690 «O vseobshchem obiazatel'nom obuchenii voennomu delu hrazhdan SSSR» ot 17.09.1941 h. [Resolution of SCD № 690 «About general compulsory education to military science of citizens of the USSR» from 9/17/1941]. *teatrskazka.com*. Retrieved from http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194109/gko_0690.html [in Russian].
- 4 My — deti toi bolshoi voiny (2001) [We are children of that big war]. Ust-Kamenogorsk [in Russian].
- 5 Prikaz No. 171 ot 14.04. 1942 h. «O mobilizatsii v voiska sviazi zhenshchin dlia zameny krasnoarmeitsev» [The order No. 171 of 14:04. 1942 «About mobilization in troops of communication of women for replacement of Red Army men»]. *bdsa.ru*. Retrieved from <http://bdsa.ru/404-295> [in Russian].
- 6 Nikto ne zabyt, nichto ne zabyto (2000) [Nobody is forgotten, nothing is forgotten]. Ust-Kamenogorsk: VKHU [in Russian].
- 7 Nashi veterany: iz biohrafii i lichnykh vospominanii veteranov (2011) [Our veterans: from biographies and personal memoirs of veterans]. Ust-Kamenogorsk: Shyhys Akparat [in Russian].
- 8 Potapov, A.V. (1974). Hvardeitsy fronta i tyła: Rudnyi Altai v hody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 hh. [Guardsmen of the front and back: Ore Altai in days of the Great Patriotic War of 1941-1945]. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 9 Pamiat naroda 1941-1945. Samarkina V.R. [Memory of the people of 1941-1945. Samarkina V.R.]. *pamyat-naroda.ru*. Retrieved from https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie21977426/ [in Russian].
- 10 Pamiat naroda 1941-1945. Shakina E.I. [Memory of the people of 1941-1945. Shakina E.I.]. *pamyat-naroda.ru*. Retrieved from https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150256633/ [in Russian].
- 11 Pamiat naroda 1941-1945. Yurganova L.G. [Memory of the people of 1941-1945. Yurganova L.G.]. *pamyat-naroda.ru*. Retrieved from https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16254803/ [in Russian].
- 12 Pamiat naroda 1941-1945. Shmygleva A.F. [Memory of the people of 1941-1945. Shmygleva A.F.]. *pamyat-naroda.ru*. Retrieved from https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150943954/ [in Russian].
- 13 Socialistik Kazakstan [Socialist Kazakhstan]. 1965, 6 maia [In Kazakh].
- 14 Pamiat naroda 1941-1945. Kusanova Sh.A. [Memory of the people of 1941-1945. Casanova S.A.]. *pamyat-naroda.ru*. Retrieved from https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16913742/ [in Russian].
- 15 Sbornik ocherkov o hlubochanakh, uchastnikakh Velikoi Otechestvennoi voiny (2010) [A collection of essays about globocan, participants of the great Patriotic war]. Hlubokoe [in Russian].
- 16 Pamiat naroda 1941-1945. Kadyrkanova K.K. [Memory of the people of 1941-1945. Kadyrkanova K.K.]. *pamyat-naroda.ru*. Retrieved from https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie39149923/ [in Russian].
- 17 Turlybaev, E. (2004) Priblizhali kak mohli: Povesti i rasskazy o ratnom puti frontovikov [Brought closer as could: Stories and stories about a military way of veterans]. Ust-Kamenogorsk: Media-Alians [in Russian].
- 18 Pamiat naroda 1941-1945. Grechuhina T.E. [Memory of the people of 1941-1945. Grechukhina T.E.]. *pamyat-naroda.ru*. Retrieved from https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie42533737/ [in Russian].
- 19 Aksenova, L.V. (2010) Est v pamiati mhnoveniia voiny [Is in memory of a moment of war]. Ust-Kamenogorsk: Media-Alians [in Russian].
- 20 Rudnyi Altai [Ore Altai]. 1995, 7 maia [in Russian].

G.T. Yedgina¹, Kh. Abou Taam², K.S. Uskembayev¹

¹*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan*

²*Lebanese University, Beirut, Lebanon*

(E-mail: vastfak1999@mail.ru)

Personality in history: modern approaches

The article examines the problem of the role of the individual in history that always remains relevant for each generation. The authors cite the factors and reasons that determine the degree of influence of historical figures on society, make an analysis of modern views on the role of the individual in history. The work of Sydney Hook «Hero in History. Investigation of limits and possibilities» (synergistic studies) is considered. The so-called counterfactual (or alternative) history that explores the hypothetical alternatives under non-existent scenarios is developing quite actively, especially in recent decades. An analysis of the state of the problem of the role of the individual in history shows that it is far from its final decision, that this level of its research is absolutely insufficient and needs to be deepened and systematized, as well as in need of new ideas. The article also examines the role of individual actors in the process of the formation of states and their evolution. The authors conclude that a person put forward at the level of the head of state is responsible for the life and development of this society. But not everything depends on the head. The society that elected him also plays a huge role in the development of the state.

Keywords: personality, history, historical, role of personality, role in history, hero, individual.

Historical events are not predetermined, so the future has many alternatives. At the same time, the future can change as the result of the activities of not only major political forces, but even individual groups and their leaders, it also depends on the actions of various people, such as scientists [1]. Therefore, the problem of the role of the individual in history for each generation always remains relevant. K. Kautsky rightly noted that «least of all, we can ignore the role of individuals in the struggle of modernity» [2; 690]. The urgency of the problem of the role of the individual in our modern period — the period of globalization, when the general principles and mechanisms of life for all of humanity as a truly unified system are laid - also appears in a new aspect of significance [3].

There is no doubt that: a) there are many factors and reasons that determine the degree of influence of historical figures on the society; b) this influence can vary greatly depending on the circumstances. At the beginning of the twentieth century it began to be understood more deeply. The growth of the revolutionary movement, the First World War and the subsequent revolutions and dictatorships created the basis for the rise of social philosophy and social sciences in general. Problems of the laws of history and chance, as well as the personality in various aspects were also among the topical ones. The rise of psychology and genetics also contributed to the growth of interest in the problem of the role of personality. The appearance of new figures who managed to change the world especially stimulated the interest. Such persons as Lenin, Trotsky, Stalin, Mussolini and Hitler, who turned all the usual ideas about the state, society, violence and opportunities of a historical figure, demanded a new look at the problem of the role of personality. That is why the greatest successes in developing the theory of the role of the individual were achieved not in Marxism, the representatives of which continued to explore these problems (for example: Trotsky, Kautsky, Gramsci), as the dogma of iron laws of history dominated it, but among those who were concerned about the future democracy. First of all, it is worth highlighting the work of Sydney Hook «The Hero in History. The Study of Limits and Opportunities», which was a significant step forward in the development of the problem and is still the most serious work on the subject under the study. On the whole, Hook is quite convincing and in some places very figuratively substantiated a number of important provisions that made it possible to substantially avoid the extremes of the Plekhanov antinomy. Plekhanov wrote that the clash of views on the question of the role of the personality often assumed the form of «antinomy, the first member of which was general laws, and the second was the activity of individuals. From the point of view of the second member of the antinomy, history seemed to be a simple link of accidents; from the point of view of its first member, it seemed that even individual features of historical events were caused by the action of general causes» [4; 331]. In the framework of the task set by the book subtitle, Hook examines the power of influence of great people and some restraining it factors.

In the work of Hook, there are many advantages, but it would have greatly benefited if the author in any place of the book (introduction or conclusion) briefly, but in the system presented his own ideas. This would be all the more valuable because his concept has the gaps. Some sections of the Hook's book are excessively verbose, but not sufficiently theoretical, the author formulates other provisions fragmentary, often limited to only passing comments or hints. So, the problem of the hero and democracy is analyzed very carefully, at the same time, a number of important topics are not enough, others are only mentioned or not touched at all [3; 3-41].

Unfortunately, after World War II, the interest in the problem of the role of the individual has decreased. It remains insufficient today, despite the special importance in the context of globalization of the actions of individuals and forces (groups) they lead. Naturally, the point was not that the very role of the individual had decreased. In the whole, the situation in the world was and it is still the opposite today. The destinies (rises and tragedies) of many countries were closely connected with one person or another. Even international terrorism is unthinkable without outstanding leaders. In the center of the World System, where democracy is not conducive to the emergence of outstanding people, and the social system with its separation of powers, checks and balances, may have reached the maximum in the possibilities of ensuring stability and security, indeed, the role of the individual was less pronounced, the fact that could influence the decline in interest in this problem [5].

The reasons for the decrease in interest in the problem of the role of the individual is also the fact that in recent decades as a whole, the questions of philosophy and theory of history have become less popular. And at the same time traditional philosophical problems cease to be in demand. At the same time, interest in long-term trends and processes in which the role of the individual seems to be lost has grown.

However, since social science traditionally lags behind the reality, it is likely that in the coming decades, as the globalization increases and the need to develop common solutions, the problem of the role of the individual will again become relevant.

After the publication of Hook's book, the study of the problem of the role of the individual in history, of course, did not stop, but the work was mainly in line with the already existing theories with the involvement of new scientific methods and data. Traditionally, more attention was given to this problem by the Marxist authors or some of its active opponents, who are trying to create alternative theories based on it. On the other hand, the criticism of determinism sounded very often sometimes it was very witty and deep. In general, like some other traditional problems, the problem of the role of the individual was considered in the framework of some other problems; at best, only a separate paragraph was given to it [5].

Among the authors who actively investigated the problems of the laws of history, such philosophers as Dray, Hempel, Mandelbaum, Nagel, K. Popper, Stern, Walsh should be noted. In the course of these studies, they also dealt with the question of the role of the individual in history to some extent (on the whole rather fluently and fragmentary), but the range of the discussion did not go beyond determinism and anti-determinism.

In the twentieth century it became finally clear that the society can be in different qualitative states, on which many of its characteristics depend. Some interesting remarks on the differences in the power of personal influence in different stability states of societies (stable and critically unstable) can be found in the works of A. Labrioli [6; 182, 183], J. Nehru [7; 71], A. Ya. Gurevich [8; 68] and others. Although S. Hook did not associate the change in the power of an individual's influence on the society with the state of the latter, nevertheless, considered the availability of alternatives as an essential condition, which often - but not always - corresponds to the unstable state of the society.

The role of prominent people in the process of the formation of states, the creation of religions and civilizations is well known in culture, science, inventions, etc. In this connection, it is worth pointing out the theory of the creative minority by A.J. Toynbee [9]. It can also be said that some interesting ideas about the role of individuals in the process of formation of chiefdoms and states sometimes appear in the works of some neo-evolutionists, (Claessen; Carneiro; Miller) [5].

The question of the role of individual personalities in the process of states formation and their evolution is extremely interesting and important, it perfectly illustrates the importance of developing a theory of the role of individuals. At the same time, it is worth noting that at the origin of the formation of almost any early state or large political entity such as an analogue of an early state there is always one or another prominent person [10].

In the 50s-60s of the twentieth century a systematic approach that potentially opened up the possibility of a new look at the role of the individual was finally formed. But more important were synergistic studies.

Although synergists paid little attention to the problem of the role of the individual, nevertheless, due to the fact that the synergetics significantly developed and deepened the understanding of the behavior of systems in some respects, it also potentially opened up some opportunities to deepen the understanding of the role of the individual

Synergetics distinguishes two main states of the system (including society): order and chaos. The society does not allow a significant transformation in the state of order; if it develops, it happens in a certain direction, in the terminology of N. N. Moiseyev it is called «evolutionary channel» [11]. Despite the negative associations, the chaos often means the possibility for the system to move to another state, which can mean both higher and lower levels. Since the system or the society is in a very unstable situation, when its main ties or institutes that have been consolidated before are weakened or destroyed, a special state of bifurcation (divarication) arises. At the point of the bifurcation (revolution, war, restructuring, etc.) the society can turn in one direction or another under the influence of very minor reasons in general. And it is important that the direction and level of the transition largely depend on what personalities are at the head of the movement [3].

The so-called counterfactual (or alternative) history is developing quite actively, especially in recent decades. It explores the hypothetical alternatives under non-existent scenarios, for example, under what conditions Germany and Hitler could win the World War II, [12] what would happen if Churchill died in 1931 [13], Napoleon won the battle of Waterloo [14; 73], etc. Thus, in the center of this line of research is often the figure of some major historical figure and the following question important for our research is under discussion: what would have happened if there had not been a certain personality (or, on the contrary, if this personality continued to live). Although at first glance such studies seem unsuitable for historians, nevertheless, they allow to play many different alternative scenarios, from which, firstly, it becomes obvious that historical events are not predetermined, and secondly, the reasons why or another trend (personified by one or another leader) won. It also provides an opportunity for large-scale generalizations [3].

The first works in this field were made in the 19th century, such as, for example, the book by Geoffroy-Chateau [15], where the focus is on the hypothesis of what could have happened if Napoleon went to conquer the world instead of Russia. Sydney Hook attached great importance to the study of such potential alternatives, which, in his opinion, have a deep meaning. He even devoted an entire chapter to this, called «If» in history [16]. In this chapter he discusses a number of such «ifs», in particular, he wonders if the Great Depression could have been prevented if Hoover had been elected the President in 1928 instead of Roosevelt (and he concluded that it couldn't). It is worth mentioning two works on such topics by A. Toynbee: «If Alexander had not died then ...», «If Philip and Artaxerxes had survived ...» [17]. An interesting article on this topic was also written by Thompson [18].

The analysis of the state of the problem of the role of the individual in history shows that it is far from its final decision, that this level of its research is absolutely insufficient and needs to be deepened and systematized, as well as new ideas.

1. By the time of the impact: at the time of the action or later, but during the life of the personality; after the death or even many years after it.

2. Close to the point «1» - direct and indirect. So, with respect to the October Revolution, Lenin plays a direct, and Marx - mediated role.

3. By the very fact of the absence or presence of a person. For example, the absence of the heir to the Russian Tsar Fedor Ivanovich (1584–1598) led to the termination of the dynasty of the Moscow tsars, the election of Boris Godunov as the king, the appearance of the impostor False Dmitry I in 1604 and the Time of Troubles; and, on the contrary, the mere fact of the existence of Tsar Mikhail Romanov elected by the people in 1613, although he was inactive at first, had already greatly changed the political situation.

4. Close to the point «3» - active or passive. For example, imprisoned at the end of the XIX century (in 1894) in France on charges of espionage, Jewish officer Alfred Dreyfuss played a passive role himself, but the Dreyfus case turned into the largest political scandal that split France in the 1890s and nearly caused a split of the country in the early 1900s.

5. Planned - unplanned. This is important, since many of the influences were not planned by anyone and were not even supposed, but often they were the most significant.

6. By the presence or absence of choice. Sometimes the main thing is to do something, because it is clear to everyone what to do, but there is no necessary figure. So, the Russians in 1610–1611 knew that they needed to drive the Poles out of Moscow, but only Kozma Minin and Dmitry Pozharsky could do it. This is the role of Joan of Arc. In other situations, the main thing is to determine the path of development.

7. By the nature of activity, since what is favorable for some spheres of life is not conducive for the others.

8. By progressive - reactionary. All other things being equal, it can still be said that it is easier to play a negative role than a positive one, and often in order to prevent, bring to a crisis, etc., no abilities are needed, whereas they are almost always necessary to create something new. Thus, the notion of an outstanding personality was more often applied to the individuals playing a negative role, but there were many people among them who, using the term of Hook, can be attributed to the people influencing the events.

9. According to the degree of innovation.

10. By the ability to replace the persons. Such personalities as Caesar or Napoleon were irreplaceable, but, for example, can the Prussian field marshal von Blucher, the winner of Napoleon, fall into this category?

11. Performed individually, within the organization, of the state.

12. Others.

There is no doubt that not all types of «roles» are listed here. In addition, the real figure can play not one role, but several at once. Doing the analysis for each type or the combination, it is desirable to determine their characteristics, favorable or unfavorable moments during [3; 3-41].

Due to this list it is clear that the level of intelligence, talents and personal, including moral, qualities of historical figures has a huge amplitude, that is, it should not be - that was typical for the writers of the old time - only about the brilliant or very talented people.

The approach of L.E. Grinin regarding who should be considered a «historical person», in its most generalized form, can be characterized as it follows: due to its personal characteristics, or occasion, or social position, or the specifics of time, any person can make, by the fact of the existence, ideas, actions or inaction directly or indirectly, during the life or in the aftermath of death, such effects on one's own or others's societies that can be considered important because they left a noticeable mark on history and influenced the course of the further development of the societies (in a positive, negative or unequivocally not definable way) [3; 19].

About distinguishing outstanding and ordinary personalities. In response to the sharp opposition of creative personality and inertial mass, sociologists and philosophers of the late XIX - first half of the twentieth centuries, for example, Mikhailovsky, Kareev, Kautsky, and others, made a turn in the other direction. According to their views, the boundaries by which outstanding personalities and masses can be separated were found to be completely blurred. In particular, it has become fashionable, especially among the Marxists, to assert that all individuals, not just individual prominent personalities, make history [5; 696]. But with some limited justice for such an approach as a whole, it does not, within the framework of the problem under consideration, take into account fundamental differences in the degree and strength of the influence on the events of different people. Yes, formally history is made by all individuals. But does it make sense to talk about the prominent personalities, if we equate them to the most ordinary? As a rule, the role of an ordinary person is not just small. The influence is either extinguished by other influences, or is included in the general force (to a large extent besides or against the will). And if the act has become important in any way, then this person is no longer an ordinary person. Thus, there is a certain critical point of the impact of the individual on the society, beyond which only this influence becomes noticeable. But, of course, the method of determining this point is difficult, as in any dialectical process [3; 3-41].

Some factors that change the scale of the influence of historical figures:

1) In situations where there can be only one single person (for example, a monarch, heir, commander-in-chief), or where this person defines the canons (the creator or reformer of orthodox religion, like Mohammed, Luther, Calvin), the role of this person is much higher than in the situations where alternatives are allowed (in science, culture, invention, etc.), and even if many people are involved in any activity. So, in business there are always outstanding people. But few of them can be said that his role in the national and especially the world plan is such that without this person the development of the economy would have gone a completely different way, that anyway, even worse or later, he would not be replaced by other businessmen.

2) The democratic system compared with the monarchist, on the one hand, makes it possible to express themselves to a much larger number of people, on the other hand, it reduces the dependence of development on the personality («benefactor») and protects from excessively harmful influence. However, great reformers in democracies will occur less frequently than in monarchies [16].

3) There are situations when there is a shortage of personalities and the arrival of a person on time is equivalent to an extreme increase in tendency. But it can be the other way around — there is competition,

and although someone can do better or faster, in general, this is not so important, because the difference in time and quality will not be too big.

The general conclusion is: the fewer alternatives and real opportunities the society has to choose or replace an individual (less real competition for a leader's place) and the more responsible the position of a given individual in the public hierarchy, the more important the role and the more this society depends on its personal data under the critical circumstances [3; 3-41].

N.K. Mikhailovsky and K. Kautsky correctly captured the social effect: the power of the personality increases in colossal proportions when there is a mass behind, and even more so when this mass is organized and cohesive. In this case, according to the Plekhanov's fair remark, the personality as if assigns a part of the forces of the others to itself. But the dialectic of the relationship between the individual and the masses is still much more complicated, and here we see a wide variety of situations: from the one when the masses represent an inert population, with which the authorities can do whatever they want to the head acting only as an expression of the moods of the layer (masses) and cannot step without their desire (such was, for example, the dependence of the king on the nobility in Poland in the 18th century) [5].

It is possible, in particular, to note the situation of historical leaderism, when a leader calls on everyone, anyone, to rise under his banner. He does not care who it will be, there are no restrictions, so long as there are more adherents. Those are the preachers, ambitious politicians, rebels, etc. Such rebels often appear in difficult times for the country (including in electoral democracies), trying to unite all the discontented.

The possibility of a sharp increase in the strength of a movement in conditions of the crisis and discontent depends not only on the objective conditions, but in direct proportion is connected with the ability of the leaders to take the right steps, to adequately understand the situation, to master it. Then it happens that in many ways it depends on the feature characteristics of the leader where this common force will turn to. It also happens when the masses are confused or inert.

In situations of sustainability in the society, the dynasty, the state apparatus, the elites and parties usually have a substitute for leaders when they die, discrediting themselves, or the time of election comes. This is typical of the monarchy with the correct transfer of power («The King is Dead, Long Live the King!») and for a developed democracy as well- in a word, for an established regime.

Comparing the role of the masses and personalities, one can see the following: on the side of the former there is a size, scale, emotions, and the absence of personal responsibility. On the side of the second there is an awareness, goal, will, plan. Therefore, it can be said that, other things being equal, the role of the individual will be the greatest when the advantages of both the masses and the leaders are united in one force. That is why splitting in this way reduces the power of organizations and movements, and the presence of rival leaders can generally reduce it to zero [5].

So, there is no doubt that the significance of the personality is determined by many factors and causes. And at the beginning of the twentieth century it began to be understood more deeply. But the problem of the role of personality in each historical epoch appeared in the new splendor of its complexity. The emergence of new figures who managed to shake the world, each time demanded the philosophers to reconsider their positions. The pleiad of the French revolutionaries, forcing some people to worship them, and the others to curse, and then the figure of Napoleon, who left no contemporaries or descendants indifferent, marked the beginning of the modern theories of the role of personality. The emergence of such historical figures who have realized the long-standing needs of nations in a single state like O. Bismarck in Germany, J. Garibaldi and King Victor Emmanuel II (1820–1878) in Italy forced to think about the conformity of the individual and the moment. The struggle of lonely revolutionaries spawned the theories of the analysis of «heroes and the crowd». Finally, the figures of Lenin, Trotsky, Stalin, Mussolini and Hitler, who made the world tremble and be horrified, demanded a new look at the problem of the role of personality.

The ambiguity and diversity of the problem of the role of the individual in history requires an adequate, multilateral approach to its solution, taking into account the greatest possible number of the reasons that determine the place and role of the individual in a particular moment of historical development. The combination of these reasons is called the factor of the situation, the analysis of which allows not only to unite different points of view, localizing them and cutting their claims, but also facilitates methodically the study of a specific case, without predetermining the result of the study.

The historical person is able to speed up or postpone the solution of the urgent problems, give the solution special features, use the possibilities provided talently or foolishly. If a certain person managed to do something, it means that there were already potential opportunities for this in the depths of the society. No individuals are able to create the great epochs if there is no accumulated conditions in the society. More-

over, the presence of a social task that is more or less relevant to the individual is something predetermined, rather random, although quite probable.

In conclusion, it can be said that, in any form of government, this or that person is promoted to the level of the head of the state, who is called upon to play an extremely responsible role in the life and development of a given society. A lot depends on the head of the state, but, of course, not everything. Much depends on the society that elected him, as well as on what forces carried him out to the level of the head of the state. The people are not a homogeneous and equally educated force, and the fate of the country may depend on what groups of the population turned out to be in the majority in the elections, with what measure of understanding they exercised their civic duty. One can only say: what is the people, such is the person that they have chosen.

References

- 1 Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — Т. 1: Чары Платона. — М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.
- 2 Каутский К. Материалистическое понимание истории: [в 2-х т.] / К. Каутский. Т. 2. — М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. — 862 с.
- 3 Гринин Л.Е. О роли личности в истории / Л.Е. Гринин // Вестн. РАН. — 2008. — № 78(1). — С. 3–47.
- 4 Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2 / Г.В. Плеханов. — М.: Госполитиздат, 1956. — 824 с.
- 5 Гринин Л.Е. Лекция: роль личности в истории: история и теория вопроса [Электронный ресурс] / Л.Е. Гринин // Философия и общество. — 2011. — № 4. — С. 175–193. — Режим доступа: <https://publications.hse.ru/articles/135162549>.
- 6 Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории / А. Лабриола. — М.: Госполитиздат, 1960. — 201 с.
- 7 Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. Т. 3 / Дж. Неру. — М.: Прогресс, 1977. — 452 с.
- 8 Гуревич А.Я. Об исторической закономерности / А.Я. Гуревич // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. — М.: Наука, 1969. — С. 51–79.
- 9 Тойнби А.Дж. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
- 10 Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства / Л.Е. Гринин. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2011. — 368 с.
- 11 Моисеев Н.Н. Алгоритмы эволюции / Н.Н. Моисеев. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 304 с.
- 12 Alexander B. How Hitler could have Won World War II: The Fatal Errors That Led to Nazi Defeat / B. Alexander. — New York: Three Rivers Press, 2000.
- 13 Murray W. What a Taxi Driver Wrought. In Cowley, R. (ed.), What If?: The World's Foremost Historians Imagine What Might Have Been / W. Murray. — New York: Berkley Books, 2000. — P. 306–307.
- 14 Trevelyan G. If Napoleon had Won the Battle of Waterloo. In Squire, J. C. (ed.), If It had Happened Otherwise / G. Trevelyan. — London: Sidgwick and Jackson, 1972. — P. 299–312.
- 15 Geoffroy-Chateau, L.-N. Napoleon et la Conquete du Monde / L.-N. Geoffroy-Chateau. — Paris: Dellaye, 1836.
- 16 Hook S. The Hero in History: A Study in Limitation and Possibility / S. Hook. — Boston: Beacon Press, 1955. — 273 p.
- 17 Toynbee A.J. Experiences / A.J. Toynbee. — London, 1969. — 417 p.
- 18 Thompson W.R. The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals / W.R. Thompson // Journal of Globalization Studies. — No. 1(1), 2010. — P. 6–28.
- 19 Каутский К. Государство и развитие человечества / К. Каутский. — М.: Соцэкгиз, 1931. — 851 с.

Г.Т. Едгина, Х. Абу Таам, К.С. Ускембаев

Тарихтағы тұлға: заманауи тәсілдер

Мақалада әр ұрпақ үшін өзекті болып табылатын тарихтағы тұлғаның рөлі зерттелген. Авторлар тарихи тұлғалардың қоғамға әсер ету дәрежесін анықтайтын факторлар мен себептерді келтіріп, тарихтағы адамның рөлі туралы заманауи көзқарастарды талдайды. Сидни Хуктың «Тарихтағы батыр. Шектеулер мен мүмкіндіктерді зерттеу» (синергетикалық зерттеулер) жұмысы қарастырылған. Айтарлықтай белсенді, әсіресе соңғы онжылдықта ойдан шығарылған сценарий бойынша болжамдық баламаларды зерттейтін контрфактуалды (немесе балама) тарих дамып келеді. Тарихтағы адамның рөлі туралы мәселенің жағдайын талдау оның түпкілікті шешімінен алыс, қазіргі оның зерттеу деңгейінің жеткіліксіз және оны тереңдету және жүйелендіру, сондай-ақ жаңа идеялар қажет екендігін көрсетті. Мақалада сонымен қатар мемлекеттердің қалыптасу және даму үдерісіндегі жеке қайраткерлердің рөлі қарастырылған. Авторлар мемлекет басшысының деңгейінде ұсынылған тұлғаға осы қоғамның өмірі мен дамуы үшін үлкен жауапкершілік жүктелген деп қорытындылайды. Алайда

бәрі де тек қана басшыға байланысты болмайды. Оны сайлаған қоғамда мемлекеттің дамуында маңызды орынды иеленуде.

Кілт сөздер: тұлға, тарих, тарихи, тұлғаның рөлі, тарихтағы рөлі, батыр, индивидуум, қоғам.

Г.Т. Едгина, Х. Абу Таам, К.С. Ускембаев

Личность в истории: современные подходы

В статье исследована проблема роли личности в истории, которая всегда остается актуальной для каждого поколения. Авторы приводят факторы и причины, которые определяют степень влияния исторических деятелей на общество, делают анализ современных взглядов на роль личности в истории. Рассмотрена работа Сидни Хука «Герой в истории. Исследование пределов и возможностей» (синергетические исследования). Достаточно активно, особенно в последние десятилетия, развивается так называемая контрфактуальная (или альтернативная) история, которая исследует гипотетические альтернативы при несуществующих сценариях. Анализ состояния проблемы роли личности в истории показывает, что она далека от своего окончательного решения, что данный уровень ее исследования абсолютно недостаточен и нуждается в углублении и систематизации, а также в новых идеях. В статье также исследуется вопрос о роли отдельных деятелей в процессе образования государств и их эволюции. Авторы делают вывод, что на уровень главы государства выдвигается личность, на которую возлагается большая ответственность за жизнь и развитие данного общества. Но не все зависит только от руководителя. Общество, избравшее его, также играет огромную роль в развитии государства.

Ключевые слова: личность, история, исторический, роль личности, роль в истории, личность, герой, индивидуум.

References

- 1 Popper, K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [An open society and its enemies]*. Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyi fond «Kulturnaia initsiativa» [in Russian].
- 2 Kautskiy, K. (1931). *Materialisticheskoe ponimanie istorii [Materialistic understanding of history]*. (Vol. 2). Moscow-Leningrad: Sotsekgiz [in Russian].
- 3 Grinin, L. Ye. (2008) O roli lichnosti v istorii [On the role of personality in history]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk – Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 78(1), 3–47 [in Russian].
- 4 Plekhanov, G.V. (1956). *K voprosu o roli lichnosti v istorii. Izbrannye filosofskie proizvedeniia [On the question of the role of the individual in history. Selected philosophical works]*. (Vol. 1-5; Vol. 2). Moscow: Hopolitizdat [in Russian].
- 5 Grinin, L.Ye. (2011). *Lektsiia: rol lichnosti v istorii [Lecture: the role of personality in history]*. *Filosofii i obshchestvo – Philosophy and Society*, 4, 175–193. Retrieved from <https://publications.hse.ru/articles/135162549> [in Russian].
- 6 Labriola, A. (1960). *Ocherki materialisticheskoho ponimaniia istorii [Essays on the materialistic understanding of history]*. Moscow: Hopolitizdat [in Russian].
- 7 Neru, Dzh. (1977). *Vzhliad na vsemirnuu istoriiu [A look at world history]*. (Vol. 1-3; Vol. 3). Moscow: Prohress [in Russian].
- 8 Gurevich, A.Ya. (1969). *Ob istoricheskoi zakonomernosti [On historical regularity]*. *Filosofskie problemy istoricheskoi nauki – Philosophical problems of historical science*, 51–79. A.V. Gulyga, Yu.A. Levada (Ed.). Moscow: Nauka [in Russian].
- 9 Toynbi, A.Dzh. (1991). *Postizhenie istorii [Comprehension of history]*. Moscow: Prohress [in Russian].
- 10 Grinin, L.Ye. (2011). *Hosudarstvo i istoricheskii protsess. Epokha formirovaniia hosudarstva. Obshchii kontekst sotsialnoi evoliutsii pri obrazovanii hosudarstva [State and historical process. The era of the formation of the state. The general context of social evolution in the formation of the state]*. (2d ed.). Moscow: Librokom [in Russian].
- 11 Moiseyev, N.N. (1987). *Algoritmy evoliutsii [Algorithms of Evolution]*. Moscow: Molodaia hvardiia [in Russian].
- 12 Alexander, B. (2000). *How Hitler could have Won World War II: The Fatal Errors That Led to Nazi Defeat*. New York: Three Rivers Press.
- 13 Murray, W. (2000). *What a Taxi Driver Wrought*. In Cowley, R. (ed.), *What If?: The World's Foremost Historians Imagine What Might Have Been*. New York: Berkley Books.
- 14 Trevelyan, G. (1972). *If Napoleon had Won the Battle of Waterloo*. In Squire, J. C. (ed.), *If It had Happened Otherwise*. London: Sidgwick and Jackson.
- 15 Geoffroy-Chateau, L.-N. (1836). *Napoleon et la Conquete du Monde [Napoleon and the Conquest of the World]*. Paris: Dellaye [in French].
- 16 Hook, S. (1955). *The Hero in History: A Study in Limitation and Possibility*. Boston: Beacon Press.
- 17 Toynbee, A.J. (1969). *Experiences*. London.
- 18 Thompson, W.R. (2010). *The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals*. *Journal of Globalization Studies*, 1(1): 6–28.
- 19 Kautskiy, K. (1931). *Hosudarstvo i razvitie chelovechestva [The State and the Development of Mankind]*. Moscow: Sotsekgiz [in Russian].

A.I. Kukushkin¹, Ya. Murakami², S.U. Zhauymbay¹, Ye.A. Dmitriev¹

¹*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan;*

²*Ehime University, Japan*

(E-mail: tatarlandia@mail.ru)

History of studying and characterization of the burial rite of Fedorov tribes of Eastern Kazakhstan

The publication gives history of studying of the burial rite of Fedorov tribes of Eastern Kazakhstan. The first brief information about the monuments of antiquity in Eastern Kazakhstan was reported by travelers and scholars of the 18th century. Systematic archaeological research in the region began in 1935 in connection with the work of the East Kazakhstan archaeological expedition of the Leningrad Institute of the Academy of Sciences of the USSR and the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR under the leadership of S.S. Chernikov (the EKAE). In 1971 the archaeological expedition of the Ust-Kamenogorsk Pedagogical Institute and the Shulba expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR began to work in the region. During the period of 1993-1998 field works were conducted by A.A. Tkachev and N.A. Tkacheva. And during 1998-2000 the Markakol archaeological detachment of the Russian-Kazakh expedition examined a group of diverse cultural monuments in the Kurchum district. Characterization and description of the burial rite of the Fedorov tribes of Eastern Kazakhstan on the basis of materials from 20 necropolises (Betkuduk, Kyzyltas, Menovoye IX, Akhmirovo II, Kara-Uzek, Karadzhal, Oblaketka, Semipalatinsk dunes, Maly Koitas, Berezovsky, Marinka, Zevakino, Zhanazhurt, Sarykol I, Sarykol II, Kanai, Zhartas, Belokamenka, Maloe Karasu, Aina Bulak II).

Keywords: East Kazakhstan, history of study, archeology, scientists, burial grounds, burial rite, statistical analysis.

The first brief information about the monuments of antiquity in Eastern Kazakhstan was reported by travelers and scholars of the 18th century. They are F.I. von Stralenberg (1730), G.F. Miller (1750), I.G. Gmelin (1751), P.S. Pallas (1786) and I.P. Falk (1824). The first excavations were carried out by G.F. Miller in 1734 and the botanist I.E. Siviers in 1793. At the beginning of the nineteenth century, the same objects were written by M.F. Spassky (1819), A.I. Levshin (1832) and K.F. von Ledebour (1829). In 1903 F. Pedashenko examined three soil graves with accompanying inventory on the burial ground of the Semipalatinsk dunes. Probably V.V. Radlov excavated Andronov's burial here but little earlier. In 1910 the Russian Committee sent an expedition for the Study of Central and East Asia headed by V.I. Kamensky, which examined three Andronovsky cemeteries [1].

The burial ground of Kara-Uzek. It is located 16 km to the north-west from Ust-Kamenogorsk, in the Kara-Uzek tract. It consists of round and rectangular fences. In 1910, V.I. Kamensky unearthed one of them, which contained two earth graves, with cremation and a corpse. The burial ground of Karadzhal. The monument is located in the tract of Karadjal, 30 km from the village of Kokpekty, north on the road to Ust-Kamenogorsk, in the basin of the Char river. In 1910 V.I. Kamensky excavated two graves with a corpse and clay vessel [2].

The burial ground Maly Koitas. Located on the northern outskirts of the abandoned village of Koitas on the right bank of the Kyzylsu river. The first studies on the monument were held in 1910 by V.I. Kamensky, who excavated here 10 funerary structures [3].

Systematic archaeological research in the region began in 1935 in connection with the work of the East Kazakhstan archaeological expedition of the Leningrad Institute of the Academy of Sciences of the USSR and the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR under the leadership of S.S. Chernikov [4].

In 1935, the Mynchukur settlement was discovered by the East Kazakhstan archaeological expedition. It is located 55 km south-west of Ust-Kamenogorsk, in the log, east of the southern hills, in the Mynchukur tract. The lifting material was collected in the form of fragments of pottery of developed bronze [1].

In 1947 the exploration squad examined the valleys of the Irtysh river and found the Fedorov settlements on the Semipalatinsk dunes near the villages of Mechet and Malo-Krasnoyarka, with the reconnaissance works at the latter [1].

For a long period of time, local residents of the settlements of Semipalatinsk dunes, 1 and 2 annually collected fragments of ceramics and various kinds of products on the exploded site. In 1947 the EKAE under the leadership of S.S. Chernikov carried out their examination. The monuments are located on the wide and low hills, with significant blowing out basins, which stretch for 5-6 km, parallel to Irtysh. The main finds are confined to the edge of the ancient Irtysh floodplain. A large number of slags of fragments of foundry molds and other implements were discovered, which indicated the presence of metallurgical production [5].

In 1947 the monument to Sarykol I was discovered by the expedition of the Central Museum of Kazakhstan, 12 km east of the Sarykol lake. The funerary field contained 26 structures. L.K. Nifontova unearthed three mounds with fences [5].

In the construction of the Irtysh hydroelectric power station, in 1947, the Oblaketka cemetery was discovered. The burial studied contained human bones and fragments of Andronov ceramics [5].

The East Kazakhstan archaeological expedition led by S.S. Chernikov in 1948 examined the burial ground of Zhanazhurt. The monument was located 1.5 km to the north of the village of Zhanazhurt, it consisted of 15 fences rounded in shape. The researcher investigated the three completely robbed fences and attributed them to the Andronov type.

In 1949 the EKAE continued the research of the Sarykol I burial ground, and 2 more burial mounds were excavated here. The materials found were represented by human bones and fragments of ceramics.

Another construction was excavated at the Sarykol II burial ground, it was located 1 km to the southwest from Sarykol I, on the other bank of the river of Tahtai-Bulak. The funerary field consisted of 14 visible structures in the form of mounds with fences. The discovered materials belonged to the Fedorov culture [1].

The fifties were characterized by a significant intensification of research on the Fedorov monuments of the region. Every year, thanks to the activities of several squads, considerable materials were accumulated.

In 1950 the excavations of the settlement near the village of Kanai were started. It was located on the right bank of the Irtysh river, on the foreland of the deluvial terrace, 0,5 km to the west of the Kanay aul, at the foot of the Narymsky Range. 716 square meters of the cultural layer with a capacity of up to 1,2 m were discovered by the EKAE for several seasons of 1950, 1952-1954 and 1950-1954. In parallel, the eponymous burial ground was studied, which consisted of 23 stone fences. During the period of 1950 to 1953 the EKAE excavated 19 graves [4].

The village of Malo-Krasnoyarka had a multi-layered settlement of the same name, and was located on the right, steep bank of the Irtysh river. It was excavated by the EKAE in 1947, 1950, 1952-1954 and contained layers of the Andronov and late bronze (Sargarin) time [1].

In 1950 E.R. Rygdylon discovered the settlement of Ust-Narym, which was located on the floodplain terrace of the Irtysh river, 3 km north of the village of Ust-Narym. The study was conducted by the EKAE during the period of 1952 to 1956. It was found that the settlement had two layers. The upper Andronov layer extended over an area of 1500 square meters. The remains of the dwelling were studied during the excavations. In 1951 the squad led by B.A. Beloslyudov and A.G. Maksimova started to survey the flown settlement, which was located on the dunes near the resort of Aul. The local residents collected a representative collection of ceramics from the Fedorov time and two bronze arrowheads at this site, along with the Neolithic finds [1].

During several field seasons (1954-1956), the excavations of the Trushnikovo settlement were carried out by the EKAE. It was located at the foot of the low granite off spurs of the Kalbin Ridge, on the left bank of the Irtysh river, 1,5 km to the north-east from the village of Trushnikovo. As a result of the conducted studies, the two-layered nature of the complex was established, which contained, in addition to the Fedorov one, the layer of the Sargarin culture [4].

The large burial cemetery of Ust-Bukon was studied by the EKAE in 1956. The monument was located on the western outskirts of the village of Ust-Bukon, on the flat and treeless terrain and from the north it was bordered by the Bukon river. The burial field consisted of 57 round earth burial mounds, with a diameter of 6 to 30 m. 18 burial mounds were excavated, in three of them the earlier Andronov-Fedorov burials were discovered. Obviously, this Bronze Age burial ground was destroyed by the construction of the later barrows of the 5-4 centuries B.C. The material is represented by fragments of ceramic vessels, in one case a completely looted stone box was preserved.

In 1971, the expedition of the Ust-Kamenogorsk Pedagogical Institute under the direction of F.Kh. Arslanova investigated 6 Fedorov constructions on the cemetery of Zevakino. The monument was on the right bank of the Irtysh river, 5 km to the north-west from the village of Zevakino. The burial field included more than 500 different burial constructions [6; 7].

The studies, undertaken in 1972 on the burial ground of Kyzyltas, which was located on the left bank of the Urunhai river, allowed to identify, in addition to the Fedorov complexes, the construction of the late Bronze Age and the burial mounds of the early nomads [8; 9].

In 1977 and 1982 the Shulbin expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR undertook repeated excavations at the Maly Koitas cemetery. Two stone fences of the Fedorov culture were studied here [3].

During the period of 1977, 1980-1983 and 1988, the Shulbinsk archaeological expedition (led by A.G. Maksimova, S.M. Akhinzhanov in different years) and the East Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR (ed by Z. Samashev) investigated the burial grounds of Betkuduk, Belokamenka and Zhartas. Their description is given below [3].

Butkuduk burial ground was located on the upper terrace above the floodplain, 3-4 km to the north-north-east from the village of Butkuduk. North-west of the monument there was the Irtysh floodplain, with a width of up to 5 km, covered with colorful motley grass. Planically, the necropolis was divided into the two compact groups. Due to the excavations, several burials in the first group were studied, their burial field contained about 60 structures.

The Belokamenka cemetery. It was located on the northern outskirts of the village of the same name, nowadays it is included in the flood zone of the Shulba Reservoir. Only one fence, that contained two burial chambers, was investigated.

The Zhartas burial ground. It was located on the second terrace above the floodplain of the left bank of the Irtysh river. From the south-east the terrace was bounded by the ravine. Its bottom served as a bed of the drying Zhartas river. The monument consisted of two different groups. Due to the excavations 6 Fedorov burials were studied [3].

In 1980-1982 the expedition led by A.S. Ermolaeva excavated 360 sq.m. of the Ayr-Tau settlement area, which contained the layers of the developed and late Bronze Age [8].

The large Fedorov necropolis was discovered in 1989 on the outskirts of the village of Malo Karasu. The monument was located 40 km north of the city of Charsk, between the rivers of Char and Kyzylsu. Both rivers were left tributaries of the Irtysh river. The cemetery field was relatively even, the burials of the Fedorov culture were found there, in pits and a box. The bulk of the burial places belonged to the circle of the Fedorov type, there was also a mound with a diameter of more than 100 m and a height of about 6 m, with a surrounding moat with a width of up to 12 m.

In 1989 and 1992 the new Kyzyltas burial ground excavations were undertaken. In total, during the all years of the study of the monument, 15 structures were excavated, 13 of them belonged to the Fedorov culture and 2 constructions belonged to the Sargarin culture [7].

The exploratory detachment, in 1992, discovered the burial ground of Marinka, which is located 5 km to the west of the village of Zevakino Shemonaikha district of the East Kazakhstan region, on the first terrace above the floodplain of the right bank of the Irtysh. The central part of the funerary site is destroyed by a ravine. The area of the monument is about 9-10 thousand square meters. m. In 1993, two excavations explored the area of 557.5 square meters, found burial of the Fedorov culture [7].

During the two field seasons (1993-1994) the expedition led by A.A. Tkachev and N.A. Tkacheva studied the settlement of Barashka I, which was discovered in 1950 by the reconnaissance squad of S.S. Chernikov. The monument was located in the bend of the right bank of the Irtysh river, 1 km to the east of the Barashki village. The approximate area was about 7000 square meters. Due to the excavation of 997 sq. km. the remains of the Fyodorov dwelling were studied and a two-layered character of the settlement was established.

During the period of 1993-1994, 26 burial constructions were investigated on the Berezovsky burial ground. It was 7 km to the west of the Berezovka village, on the bend of the first above-floodplain terrace of the right bank of the Irtysh river. The cemetery was located in the intermountain valley, bordered by the stream and mountain ranges. The funerary constructions were dotted with three compact groups [7].

In 1994 the reconnaissance squad led by A.A. Tkachev and N.A. Tkacheva discovered the settlements of Zakharikha I-III and Kamyshevka. The lifting materials contained some ceramics of the Fedorov type.

In 1994, during the survey of the left bank of the Irtysh river, the Akhmirovo II burial ground, heavily eroded by anthropogenic activity, was discovered and studied. It was located 1.1 km south-east of the village of Akhmirovo in the Tavricheskaya region of the East Kazakhstan region. The monument was located on the bend of the left bank of the first terrace above the Irtysh river. The funerary field consisted of the structures of the Bronze Age and the burial mounds of the early and medieval nomads. In 1997, the Akhmirov squad of the Upper-Irtysh archaeological expedition of the EKSU conducted a survey of the preserved part of the monument. One fence was excavated [7].

During the three field seasons (1996-1998), the investigations were carried out on the burial ground of Menovoye IX, which was located in the Menovskiy microdistrict, located on the first terrace above the Irtysh river.

In 1998-2000 the Markakol archaeological squad of the Russian-Kazakh expedition explored a group of diverse cultural monuments in the Kurchumsky region of the East Kazakhstan region, among them there was the Aina-Bulak III burial ground. It was fixed to the north-west of the sources of the creek of the same name at the foot of the mountain, next to the farm. It consisted of 13 funerary structures. One mound of the Fedorov culture was investigated. It contained a cyst, with a laid bottom of stone slabs [10].

The ceramic material of the Fedorov monuments of East Kazakhstan had some specificity in comparison with the contiguous regions. Based on this specificity, S.S. Chernikov proposed the new type of periodization, which included four successive stages, namely Ust-Bukon, Kanai, Malokrasnoyarsk and Trushnikov stages. This type of periodization differed from that of K.V. Salnikov [5]. Later A.A. Tkachev and N.A. Tkacheva called the Andronov antiquities of East Kazakhstan as of the Kanai culture. This kind of culture included several chronological types of the ceramics: of the Kanay, Marininsk and Kyzyltas types. A hypothesis about the Upper Irtysh ancestral home of the Fedorov culture was proposed [7].

The territory of East Kazakhstan, located between the Altai and Semirechye, played an important role in the historical development of the tribes and peoples of the steppe belt of Western Asia in the terms of its position and natural conditions. Beginning with the era of the Upper Paleolith, a large number of the monuments of different historical epochs were noted in this region, which indicated the continuity and intensity of the life here [11].

Geographically, this territory is the forest-steppe and steppe in the north, bordering on South Siberia; valley of the Upper Irtysh with the tributaries (Kurchum, Bukhtarma, Uba, Ulba, etc.); the western spurs of the Altai, including the Kalbinsky, Narymsky, Tarbagatay, Monrak and Saur ranges; the basins of the Zaisan and Ala-Kul lakes; the Chingiz-Tau ridge and feather grass and saline steppes that adjoin the spurs of the Altai and the Dzhungar Alatau from the north [1].

Burial grounds. The analysis involved the 20 burials materials, which were located on the territory of East Kazakhstan, namely Betkuduk, Kyzyltas, Menovoye IX, Akhmirovo II, Kara-Uzek, Karadzhal, Oblaketka, Semipalatinsk dunes, Maly Koitas, Berezovsky, Marinka, Zevakino, Zhanazhurt, Sarykol I, Sarykol II, Kanai, Zhartas, Belokamenka, Malony Karasu, Aina Bulak III [12].

From the position of topographic analysis the funerary fields were mainly located near the rivers, often on the upper above-floodplain terraces (Betkuduk, Zhartas, Maloye Karasu, Maly Koitas, Kyzyltas, etc.) of the Irtysh, Urunkhay, Kyzylsu rivers, etc. In the location of the funerary complexes, the natural desire for the «grouped» type of constructions was noticed, although it was sometimes unsystematic as that of the Betkuduk burial ground. The necropolis consisted mainly of 10-20 constructions. The large monuments were also available, numbering 60 or more constructions of the Fedorov type (Betkuduk).

Above the grave burial structures were divided into several types: fences covered with mounds, fences without mounds and burial places without the surviving signs of grave structures. The most numerous constructions were simple fences, built of stones and slabs, which were folded with the use of the cyst clay type of placing or installed on the edge. 135 such structures were studied in the region. The parameters of the fence ranged from 2 to 10 m, more often from 4 to 5 m.

In one case, a fence with a diameter of 19 m at the burial ground at Betkuduk was investigated, at the moment it is the largest Fedorov funerary structure in the region. The cromlechs had different shapes, round or close to round ones were predominant – 58 (43 %), rectangular ones were much less common - 23 (17 %) and square ones were rare – 10 (7,4 %). From the semantic point of view, the square and rectangular fences could be assigned to the same archetype. In 44 (32,6 %) cases, the form type could not be determined.

A unique construction above the grave in the form of a double concentric fence with a diameter of 4.5 and 3 m was investigated at the Berezovsky burial ground. Mound covered fences were found at the burial grounds of Kyzyltas, Menovoye IX, Berezovsky, Zevakino and Sarykol I. 13 of them were investigated. Sometimes the mounds overlapped several constructions at the same time (Maly Koitas, Menovoye IX). The barrow mounds had a diameter of 5,3 to 13,5 m and a height of 0,2 to 0,7 m. Under them there were fences with a size of 7,5 to 10,8 m, on average they exceeded the parameters of the barren fences, thus marking possibly a higher social status of the buried, although the chronological attribution of the complexes was not excluded.

From the three under mound interments of the Menovoye IX burial ground, in the distal direction there was the continental outflow, which occupied a significant part of the inner-city space. Such a tradition was

noted at the Fedorov burial grounds of the Southern Trans-Urals and, in the opinion of S.A. Grigoriev and V.S. Mosin, it was typical for the carriers of the Sintashta cultural tradition [12], and could be borrowed by the Fedorov population due to the cultural infiltration.

Barrow mounds have a height of 0,2 – 0,6 m, with a ring diameter of 5 - 8 m. Fences, as a rule, have a diameter of 3 to 6, less often 8 to 10 m.

The orientation of the fences was given as the sum of 32 structures. The west-east was the prevailing direction (12), the north-west and south-east were used less often (6) and the rest directions were used as it follows: the north-south – 5 times, the north-east and south-west – 4 times, the west-south-west and east-north-east – 2 times, the south - south-west and north-north-east – 2 times, the north-north-west and south-south-east – 1 time.

Any traces of burial structures were not found over 36 graves. The presence of soil burials was the characteristic feature of the Fedorov culture. In fact, the underground burial grounds were Marinka and Maloye Karasu, with most of the graves of the first one belonged to the children. Soil graves were recorded in the territories of Southern Siberia, the Barabinsk forest-steppe, the Kuznetsk and the Yenisei basins.

Within the outer funerary structure only one grave was located, as an exception sometimes there were several graves, and they had a clear linear structure in the arrangement. In the rectangular fence of the Maly Koitas cemetery five burials, stretched in one line one after another, were found.

A total of 198 graves were investigated. Simple ground burials were predominant (108), accounting for 54,5 % of the total number of the graves in the region. In some cases, a log (Kanay, Zevakino) was preserved. Less common stone boxes of several slabs, which were arranged in a previously dug soil pit were used in 48 cases (24,2 %). A characteristic feature of the burial structures of the Fedorov culture was the presence of cysts, built from the stacked stone tiles and stones (18 burials – 9 %). The specific feature was the existence of the funerary chamber, it was constructed of a combined laying of vertical slabs and flat-laid tiles, a cyst-box (10 cases – 5 %).

Sometimes overlapping of planks, logs or stone slabs (Berezovsky) was arranged over the graves. Some of them had concessions (Berezovsky, Marinka).

At the Aina-Bulak III burial ground, the bottom of the cyst was covered with stone slabs. A similar case was noted at the Kyzyltas burial ground.

The orientation of the burial chambers was stable, the west-east axis dominated, the same was noted in 101 cases. The following types of the chamber orientation were less common: the south-west-north-east (29 cases), north-west-south-east (24 cases), west-southwest-east-north-east (8 cases), north-south (6 cases), east-south-east-west - north-west (5 cases), south-south-west - north-north-east (3 cases).

The burial ritual of the Fedorov tribes of Eastern Kazakhstan, as well as of the adjacent territories, was assumed to include the presence of the corpse and cremation. The dominant mode of dealing with the body of the deceased was the corpse. It was noted in 180 burials. The corpse was crouched, more often on the left (83), less often on the right (13) side. As an exception the corpses buried on the belly and back were also found.

A specific feature of the Fedorov funeral rites of Eastern Kazakhstan was the low percentage of cremation, which was recorded only in 13 graves, it contained more than 6,7 %.

In one of the 32 burial grounds of Marinka, a double burial place was discovered. In the soil pit, along the southern wall, the child's backbone of the age of up to 6 months was found, lying crouched on the left side, with the head oriented to the north-west. Parallel to this backbone, along the northern wall a cluster of calcified bones belonging to the adult individual was also found.

Two skulls found in the children's burial ground No. 14 of the Marinka burial ground and laid over the buried ones were connected with the cult of the skull.

One skull belonged to a teenager aged 12 to 13 years, the second one - to a woman aged 30-35. A similar rite was recorded on the burial ground of Suhoye ozero I and in the Minusinsk Basin. The burial mound No. 2A contained a cult structure, domed, rounded in shape, made of small piles, 1.2 m in diameter. It was placed to the east of the mound, on its levee. Below the structure there was a triangular chamber of slabs with a human skull in the center [13].

As a rule the burials contained one buried corpse (144 cases), less often two (15 cases) and three (5 cases) ones.

In view of the strong disturbance of the burials, the orientation was determined only in 95 cases. Traditional children's burial places differed in traditional variative scope: the buried ones were oriented practically to all sectors. The main difference of the region was the western orientation of the skeletons (43), which

clearly prevailed over the south-west one (17), which dominated on the territory of Southern Siberia, the Barabinsk forest-steppe, the Kuznetsk and the Yenisei basins and in the Southern Trans-Urals. On the second place in the occurrence was the northern or near-to it orientation, the north-west orientation was determined in 18 cases, the northeast – in 5, the northern – in 2 and the west-north-west – in 3 ones. The east orientation was marked less often – in 7 cases, the west-south-west – in 4 cases and the south-south-west – only once.

The analysis of the categories of the funeral implements placed in the grave made it possible to clarify that only a ceramic vessel was placed in 95 (54 %) burials. In 26 (15,3 %) graves, the inventory consisted of a vessel paired with metal products. Entirely metal products were found in 7 graves, which contained only 4,3 %. The vessel and stone products were noted in 3 (1,8 %) cases. 24,5% (41) of burials contained no inventory at all, however, this number included the burials robbed in the antiquity period. Consequently, it was impossible to make further conclusions on this issue. There are no data on 26 burials. Sometimes the vessels were located on the side of the burials (Menovoye IX, Marinka).

A special role in the funeral practice was played by the fire, which served not only a purifying role, but also liberated the spirit from the body shell. This fact found expression in the cremation of the remains of the deceased. Manifestations of the fire ritual can be divided into direct (traces of fire or bonfires on the walls) and mediated (symbolic remnants of charcoal) ones.

References

- 1 Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С.С. Черников. — М.-Л., 1960. — 272 с.
- 2 Тугаринов А.Я. Андроновские могилы / А.Я. Тугаринов // Сибирская живая старина. — Вып. 5. — Иркутск, 1926. — С. 153–158.
- 3 Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо) / А.С. Ермолаева. — Алматы: Изд-во ИА КН МОН РК, 2012. — 238 с.
- 4 Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана / А.Г. Максимова // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Т. 7. — Алма-Ата, 1959. — С. 86–161.
- 5 Черников С.С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане / С.С. Черников // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — Вып. 53. — М., 1954. — С. 29–49.
- 6 Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области / Ф.Х. Арсланова // Современная архитектура. — М., 1973. — № 4. — С. 160–168.
- 7 Ткачёва Н.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья / Н.А. Ткачёва, А.А. Ткачёв. — Новосибирск, 2008. — 304 с.
- 8 Арсланова Ф.Х. Работы в Восточном Казахстане / Ф.Х. Арсланова, А.А. Чариков // Археологические открытия 1973 года. — М., 1974. — С. 465, 466.
- 9 Ковалёв А.А. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане / А.А. Ковалёв, П.К. Дашковский, З.С. Самашев, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, С.П. Грушин, А.В. Варенов, Г. Омаров, С. Сунгатай // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004. — С. 183–190.
- 10 Евдокимов В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана / В.В. Евдокимов, В.В. Варфоломеев. — Караганда, 2002. — 138 с.
- 11 Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Е.Е. Кузьмина. — Актобе: ПринтА, 2008. — 358 с.
- 12 Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Каменный век, эпоха бронзы. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. — 531 с.
- 13 Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее / Г.А. Максименков. — Л., 1978. — 191 с.

А.И. Кукушкин, Я. Мураками, С.У. Жауымбай, Е.А. Дмитриев

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ФЕДОРОВ ТАЙПАЛАРЫНЫҢ ЖЕРЛЕУ РӘСІМІН ЗЕРТТЕУ ТАРИХЫ МЕН СИПАТТАМАСЫ

Шығыс Қазақстандағы көне ескерткіштері туралы XVIII-ғасырдың саяхатшылары мен ғалымдары қысқаша мәліметтер келтірген. Аймақта жүйелік археологиялық зерттеулер 1935 ж. Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясы КСРО ҒА ММТИЛБ және Қазақ КСР ҒА Тарих, археология және этнография институты жұмыстарымен байланысты С.С. Черниковтың басшылығымен жүзеге асты. 1971 жылдан бастап аймақта Өскемен пединститутының археологиялық экспедициясы және ҚазССР ҒА Шүлбі экспедициясы жұмыс жасауда. 1993–1998 жж. бастап далалық жұмыстарды А.А. Ткачев және Н.А. Ткачева жүргізді. 1998–2000 жж. Марқакөл археологиялық отряды Ресей-Қазақстан экспедициясымен Күршім ауданында әртүрлі мәдени ескерткіштер тобын зерттеді. Басылымда 20 қорым нысанда алынған материалдар негізінде ескерткіштерге сипаттама берілді

(Бетқұдық, Қызылгас, Меновое ІХ, Ахмерово ІІ, Қара-Өзек, Қаражал, Облакетка, Семей дөндері, Кіші Қойтас, Березовский, Маринка, Зевакино, Жанажұрт, Сарыкөл І, Сарыкөл ІІ, Қанай, Жартас, Белокаменка, Кіші Қарасу, Айна-Бұлақ ІІ).

Кілт сөздер: Шығыс Қазақстан, зерттелу тарихы, археология, ғалымдар, қорымдар, жерлеу рәсімі, статистикалық талдау.

А.И. Кукушкин, Я. Мураками, С.У. Жауымбай, Е.А. Дмитриев

История изучения и характеристика погребального обряда федоровских племен Восточного Казахстана

В публикации дается обобщенная история изучения федоровских племен Восточного Казахстана. Первые краткие сведения о памятниках древности в Восточном Казахстане сообщали путешественники и ученые XVIII в. Систематические археологические исследования в регионе начались с 1935 г., в связи с работами Восточно-Казахстанской археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР и Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР (ВКАЭ) под руководством С.С. Черникова. С 1971 г. в регионе работала археологическая экспедиция Усть-Каменогорского пединститута и Шульбинская экспедиция АН КазССР. С 1993–1998 гг. полевые работы проводились А.А. Ткачевым и Н.А. Ткачевой. С 1998–2000 гг. Маркакольским археологическим отрядом российско-казахстанской экспедиции обследована группа разнотипных памятников в Курчумском районе. Характеристика погребального обряда федоровских племен Восточного Казахстана дана на основании материалов 20 некрополей (Беткудук, Кызылгас, Меновое ІХ, Ахмерово ІІ, Кара-Узек, Караджал, Облакетка, Семипалатинские дюны, Малый Койтас, Березовский, Маринка, Зевакино, Жанажурт, Сарыколь І, Сарыколь ІІ, Канай, Жартас, Белокаменка, Малое Карасу, Айна-Бұлақ ІІ).

Ключевые слова: Восточный Казахстан, история изучения, археология, ученые, могильники, погребальный обряд, статистический анализ.

References

- 1 Chernikov, S.S. (1960). *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy [East Kazakhstan in the Bronze Age]*. Moscow-Leningrad [in Russian].
- 2 Tugarinov, A.Ya. (1926). Andronovskie mohily [Andronov tribes' graves]. *Sibirskaya zhivaya starina – Siberian living antiquity*, Vol. 5, 153–158. Irkutsk [in Russian].
- 3 Yermolayeva, A.S. (2012). *Pamiatniki predhornoj zony Kazakhskogo Altaia (epokha bronzy – rannee zhelezo) [Monuments of the foothill zone of the Kazakh Altai (the Bronze Age – early iron)]*. Almaty: Izdatelstvo IA KN MON RK [in Russian].
- 4 Maksimova, A.G. (1959). Epokha bronzy Vostochnogo Kazakhstana [Bronze epoch in East Kazakhstan]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii AN KazSSR – Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*, Vol 7, 86–161. Alma-Ata [in Russian].
- 5 Chernikov, S.S. (1954). Poseleniia epokhi bronzy v Severnom Kazakhstane [The settlements of the Bronze Age in Northern Kazakhstan]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury – Brief reports of the Institute of History material culture*, Issue 53, 29–49. Moscow [in Russian].
- 6 Arslanova, F.Kh. (1973). Pamiatniki andronovskoi kultury iz Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [Monuments of the Andronov Culture from the East Kazakhstan Region]. *Sovremennaya arkhitektura – Modern architecture*, 4, 160–168. Moscow [in Russian].
- 7 Tkachova, N.A., & Tkachov, A.A. (2008). *Epokha bronzy Verkhneho Priirtishia [Bronze Age of the Upper Irtysh]*. Novosibirsk [in Russian].
- 8 Arslanova, F.Kh., & Charikov, A.A. (1974). Raboty v Vostochnom Kazakhstane [Works in East Kazakhstan]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 hoda – Archaeological discoveries 1973*, 465–466. Moscow [in Russian].
- 9 Kovaliov, A.A., Dashkovskiy, P.K., Samashev, Z.S., & et al. (2004). Izuchenie arkheologicheskikh pamiatnikov v Vostochnom Kazakhstane [Study of archaeological sites in Eastern Kazakhstan]. *Kompleksnye issledovaniia drevnikh i traditsionnykh obshchestv Yevrazii – Complex studies of ancient and traditional societies of Eurasia*, 183–190. Barnaul [in Russian].
- 10 Yevdokimov, V.V., & Varfolomeyev, V.V. (2002). *Epokha bronzy Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana [The Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan]*. Karaganda [in Russian].
- 11 Kuzmina, Ye.Ye. (2008). *Klassifikatsiia i periodizatsiia pamiatnikov andronovskoi kulturnoi obshchnosti [Classification and periodization of the monuments of the Andronov cultural community]*. Aktobe: PrintA [in Russian].
- 12 (2000). *Drevniia istoriia Yuzhnogo Zauralia. Kamennyi vek, epokha bronzy [Ancient History of the Southern Trans-Urals. The Stone Age, the Bronze Age]*. (Vol. 1.). Chelyabinsk: Izdatelstvo IuUrHU [in Russian].
- 13 Maksimenkov, G.A. (1978). *Andronovskaya kultura na Yenisee [Andronov culture on the Yenisei]*. Leningrad [in Russian].

Ж.О. Хасенова¹, Ж.С. Мажитова²¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;²Университет «Астана», Астана, Казахстан
(E-mail: khasenovaz@mail.ru)

Депортация советских немцев в Казахстан в годы Великой Отечественной войны: практика Советской власти

Великая Отечественная война в мировой истории XX в. занимает центральное место не только как торжество Победы над общим врагом, достигнутой ценой жизни миллионов людей, но и как трагедия советских народов, возникшая в результате сталинских депортаций, как продолжение репрессивной политики государства. В годы Великой Отечественной войны первый опыт депортации приняли на себя советские немцы, отнесенные к потенциальным врагам исключительно в силу этнической принадлежности к нации-агрессору, с государством которой шла война. История депортации народов СССР, в том числе и советских немцев, является трагической страницей истории в годы Великой Отечественной войны. Процесс принудительной высылки немецкого населения в начале Великой Отечественной войны имел политическое значение. В статье показаны основные места расселения немцев, населенные пункты, в которых работали спецпоселенцы, а также промышленные предприятия, где они трудились в составе трудармии. Ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья, уничтожение немецких сел на Волге, на Украине, в Азербайджане, в Ленинградской области и в других местах, изгнание и физическое уничтожение тысяч ни в чём не повинных людей рассматриваются авторами как один из не имеющих ни правовых, ни, тем более, моральных оправданий актов сталинских репрессий, жертвой которых часто становились целые народы. В статье делается вывод, что изучение проблем депортации требует, прежде всего, профессионального прочтения и интерпретации источников, многие из которых, несмотря на снятие грифа «совершенно секретно», являются противоречивыми.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, принудительная депортация, выселение, репрессии, мобилизация ресурсов, директивы, трудармия.

Великая Отечественная война в мировой истории XX в. занимает центральное место не только как торжество Победы над общим врагом, достигнутой ценой жизни миллионов людей, но и как трагедия советских народов, возникшая в результате сталинских депортаций, как продолжение репрессивной политики государства. Следует отметить, что данные насильственные акты внесли серьезные коррективы в социальную, национальную, экономическую жизнь Казахстана. Эхо депортаций и по настоящее время заставляет обращаться к изучению данной проблемы.

Известно, что задолго до начала войны практика Советской власти по выселению людей различных классов, социальных групп и сословий, национальных меньшинств и этнических групп из постоянных мест проживания уже применялась. Так, в 1920–1930-е годы из центральных районов СССР в массовом порядке были водворены в Казахстан, Урал, Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток представители так называемого свергнутого класса — высшая аристократия, раскулаченные кулаки, духовенство, баи и др. Одним словом, «Великая Отечественная война принесла с собой не прекращение, а эскалацию депортационных операций, в осуществлении которых принимали участие войсковые соединения в десятки, а иной раз и в сотни тысяч человек» [1; 273]. Для чекистов появилось новое поле реализации поставленных государством задач. Осуществление депортации без них было бы невысказано. 4 июля 1941 г. Берия и Меркулов издали совместную директиву НКВД и НКГБ № 238/181 «О мероприятиях по выселению с территорий, объявленных на военном положении, социально-опасных лиц вместе с их семьями» [2; 176, 177]. Выселению подлежали бывшие члены антисоветских партий и контрреволюционных организаций; лица, исключенные из партии по политическим мотивам, проявляющие антисоветские и пораженческие настроения; троцкисты и правые, ранее привлекавшиеся к ответственности; осужденные за шпионаж, диверсии, террор, вредительство и повстанчество; рецидивисты. Безусловно, директива распространялась на социально-политические группы, однако, как видно из документов, этнические категории еще не отражены. Но и к политическим депортациям еще относятся осторожно, «предлагая» на начальном этапе самостоятельно покинуть место проживания в течение двух суток. И только если этого не происходило, то выселение проводилось уже в порядке принудительной депортации.

Как свидетельствуют архивные источники, отчеты, донесения, данный вид депортации по политическим соображениям был весьма результативным и востребованным. Правом на локальные депортации пользовались достаточно широко, особенно при отступлении. В обстановке военных поражений лета 1941 г. власть должна была непременно найти их виновников, как на фронте, так и в тылу. Так, в годы Великой Отечественной войны для СССР наряду с мобилизацией всех ресурсов в борьбе с врагом они явились «целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения» [1; 275].

Классическим примером этого являются так называемые «наказанные народы» [3; 136]. Им в вину предъявлялось «предательство» или избавление их от соблазна его совершения. Удары пришлось по собственным гражданам, национальность которых совпадала с титульной нацией врага (немцы и др.), причем это относилось не только к СССР, но и к США, тогда как, например, в Германии русские эмигранты первой волны репрессиям или ограничениям не подвергались. Безусловно, приписывание коллективной вины, коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является преступлением против человечества, совершенно не поддается никакой логике оправдания действий руководства советской страны. В годы войны этнический характер принудительных миграций в СССР стал преобладающим (хотя и не единственным) основанием для депортаций. Так, насильственной депортации подверглись народы бывшего Советского Союза, среди которых немцы, калмыки, карачаевцы, вайнахи, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, курды и др.

В годы Великой Отечественной войны первый опыт депортации приняли на себя советские немцы, отнесенные к потенциальным врагам исключительно в силу этнической принадлежности к нации-агрессору, с государством которой шла война. В том или ином виде «перемещению было подвергнуто около 1,2 млн из примерно 1,5 млн советских немцев (некоторые дважды и трижды). В СССР, согласно переписи населения 1939 года, насчитывалось 1 427 222 немцев, из них в городах проживало всего лишь 1/5 часть» [1; 276]. Расселение немцев в результате депортации происходило по всему Союзу, только в Казахстане немцев насчитывалось 92,7 тыс. чел. Решение о депортации немцев принято 3 августа 1941 г. в результате шифрограммы Сталину и Буденному, полученной с Южного фронта. В ней говорилось о «теплом приеме, оказанном немецким населением на Украине наступающим немецким войскам» [1; 276]. Реакция Сталина была мгновенной, а резолюция жесткой и не оставляющей разночтений: «Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И. Ст.». Берия сделал соответствующие выводы. Всю операцию по депортации немцев Берия приказал провести с 3 по 20 сентября 1941 г. и отдал распоряжение о создании оперативного штаба во главе с И.А. Серовым. АССР немцев Поволжья, Сталинградская и Саратовская области приступили к депортации. В каждой из них были созданы оперативные «тройки», представители НКВД были направлены в районы вселения депортированных — в Красноярский, Алтайский края, в Омскую, Новосибирскую области и в Казахскую ССР. Трудно представить весь масштаб этой операции. Надо понимать, что и ГУЛА-Гу данный контингент был в тягость. Поэтому 28 августа 1941 г. «в составе центрального аппарата НКВД — исключительно для приема и размещения перемещаемых немцев — был создан Отдел спецпоселений» [1; 277]. Тогда же вышел указ «О переселении немцев, проживавших в районах Поволжья». Никакие протесты немцев не принимались к сведению, более того, уже 5 сентября высшие должностные лица немецкой национальности — А. Гекман, К. Гофман, Г. Корбмахер [1; 277] и другие были сняты с занимаемых постов, исключены из партии.

Немецкая автономия на Волге была ликвидирована 6–7 сентября. Сложный и запутанный процесс депортации немцев начался со всеми вытекающими из него последствиями, как для самих депортированных немцев, так и для принимающей стороны, в том числе и для Казахстана.

В Казахстане подготовка к приему депортированных немцев началась после получения телеграммы Берии. В ней указывалось, что «эшелоны начнут отправляться с 3 сентября 1941 г.» [4; л. 1–4]. Органы УНКВД на местах готовили планы по приему, размещению и обустройству немцев.

В сентябре 1941 г. вышло еще три постановления ГКО по депортации немцев. Постановление от 6 сентября посвящено переселению немцев из Москвы и Московской области (8 617 чел.) и Ростовской области (21 400 чел.) в Казахстан. При этом городских жителей расселяли в городах, но не далее райцентра. Столичные немцы расселены в Кызыл-Ординской, Акмолинской и Карагандинской областях. Ростовских немцев поселили в южных областях Казахстана.

8 сентября Сталин распорядился об изъятии военнослужащих немецкой национальности из действующей армии. В самом начале войны в ней служили около 35 000 немцев.

Постановление ГКО от 21 сентября 1941 г. касалось немцев четырех регионов Северного Кавказа и Тульской области. Выселению — в срок с 25 сентября по 10 октября подлежали 97 640 человек, причем больше всего (22 000 чел.) в Северо-Казахстанскую, Павлодарскую и Карагандинскую области [5; 122, 123].

Постановление по депортации немцев от 22 сентября было по Запорожской области (63 000 чел.), Сталинской (41 000 чел.) и Ворошиловградской (5 487 чел.): всех выселяли в Казахстан. Первыми — между 25 сентября и 2 октября — должны были быть вывезены немцы Запорожской области — в Актюбинскую, Кустанайскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Кызыл-Ординскую и Семипалатинскую области (часть из них по пути оставили в Астраханской области для строительства дороги), остальных — между 25 сентября и 10 октября — в Акмолинскую, Алма-Атинскую, Северо-Казахстанскую, Семипалатинскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области [6]. Но, как известно, из Запорожской области так и не были депортированы «из-за отсутствия людей и временного захвата немцами территории» [1; 283].

Еще из двух украинских областей — Одесской и Днепропетровской (соответственно 6 000 и 3 200 чел.) немцев выселили в те же сроки, но без всяких постановлений ГКО; при этом выселили их не в Казахстан, а на Алтай [5; 119–121].

Постановления ГКО вышли также в октябре 1941 г.: от 8 октября немцы выселялись из Закавказья в Казахстан (10 областей) [5; 130–132]; от 22 октября — из Дагестана и Чечено-Ингушетии выселялись между 25 и 30 октября в Казахстан.

В ноябре вышли еще два распоряжения СНК о переселении немцев из Калмыцкой АССР и Куйбышевской области в Казахстан и в другие регионы России и Украины.

Таким образом, немцев депортировали практически из всех мест их концентрации в СССР. Около 1 млн немцев (905 тыс. депортированных) вынуждены были сосредоточиваться, главным образом, в Западной Сибири и Казахстане. К тому же, постановлением ЦК КП (б) Казахстана от 16 октября 1941 г. проживание немцев в областных центрах и столице республики строго запрещалось [7; 78].

Следует отметить, что в то же время имелось 24 тыловых региона СССР, откуда местных немцев не высылали. К ним была применена другая акция. На основании распоряжения СНК от 31 октября 1941 г. за № 57 «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные» немецкое население переселяли из городов и промышленных районов в совхозы и колхозы в пределы своих же областей [7].

В регионах нового (вынужденного) расселения немцев необходимо было организовать их трудовое использование. «Немцы-переселенцы ... переселены навсегда. На свои старые места жительства они возвращены не будут. А поэтому нашей задачей является быстрое трудовое и хозяйственное устройство немцев-переселенцев на новых местах жительства, т.е. в тех населенных пунктах, где они расселены» [8; 166–166 об.]. Так, было принято решение о трудовой мобилизации немцев и формировании из них на время войны рабочих колонн Трудовой армии. «Всех немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, постоянно проживающих ... в Казахской ССР, — мобилизовать в рабочие колонны на все время войны, передав НКВД СССР для использования на строительстве железных дорог» [9; 51]. Сущность трудармии заключалась в трудовом использовании депортированных немцев через военкоматы Наркомобороны в удаленных от мест учета их семей спецпоселениях. Мобилизованные организовывались в рабочие батальоны с лагерным режимом и продовольственными нормами ГУЛАГа. Таков характер начала вторичных депортаций немцев-спецпереселенцев. На территории Казахстана в годы Великой Отечественной войны трудармейцы привлекались на тяжелые участки объектов «Карагандауголь» [10; 77], на строительство железных дорог «Акмолинск-Карталы», «Акмолинск-Павлодар» [11; 49, 50], лесозаготовки, на строительство гражданских объектов, добычу угля и нефти, производство черных и цветных металлов, вооружения и боеприпасов. Кроме немцев-мужчин, мобилизованы были и женщины-немки. «... провести мобилизацию в рабочие колонны на все время войны также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно» [12; 138–140]. Вместе с тем освобождали от мобилизации женщин-немок беременных и имеющих детей в возрасте до 3-х лет. Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста передавались на воспитание остальным членам данной семьи. Если таковых не было, дети передавались на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам.

Свою деятельность трудармия прекращает окончательно в январе-марте 1946 г. Освободившиеся трудармейцы, оставаясь прикрепленными к этим же предприятиям, вместе с тем получили возможность вызова (выписки) к местам проживания своей семьи, что, на наш взгляд, является продолжением

ем вторичных депортаций уже внутри региона поселения. Следует отметить, что весь процесс депортации, от выдворения до прибытия на новые места, находился под зорким наблюдением высшего военного состава Союза; созданные на местах комендатуры отслеживали каждый шаг спецпоселенцев.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Казахстан невольно становится второй родиной для советских немцев, многие из которых внесли огромный вклад в развитие региона, в становление науки и производства. В период «оттепели», в отличие от других репрессированных народов, немцы не были реабилитированы. Тем не менее маховик репрессивных, депортационных мер Центра, несмотря на всю их бесчеловечную сущность, не сломил веру людей в справедливость и надежду вернуться в родные края. Но решение данной историко-правовой проблемы стало возможным лишь с обретением независимости Республики Казахстан.

Необходимо отметить, что казахи, сами обездоленные войной, пытались обеспечить продуктами, одеждой депортированных, предоставляли им угол в своих домах, усыновляли немецких детей, оставшихся без родителей. Именно в годы Великой Отечественной войны этническая структура Казахстана становится многонациональной, вследствие чего казахскому народу пришлось усваивать сложные уроки межэтнического сосуществования. Великая Победа над фашистской Германией и ее союзниками состоялась благодаря единству народа, единству фронта и тыла, массовому героизму на полях сражений и трудовому подвигу советского народа. Священная война и память о ней — часть общей истории многонационального Казахстана.

Депортация народов СССР, в том числе и советских немцев, является трагической страницей истории в годы Великой Отечественной войны. Изучение проблем депортации требует, прежде всего, профессионального прочтения и интерпретации источников, многие из которых, несмотря на снятие грифа «совершенно секретно», являются противоречивыми. На наш взгляд, сам феномен депортации советских людей демонстрирует отсутствие единых интересов верхнего эшелона власти в защите родины от немецких захватчиков. Более того, очевиден страх потери власти над огромной, искусственно созданной территорией Советского Союза.

В заключение следует отметить, что «данная этническая чистка была не единственной и даже не первой: исследователи насчитывают 15 репрессированных сталинским режимом в 30–40-е гг. XX в. народов. Депортацию поволжских немцев в 1941 г. отличали от других несколько обстоятельств: ее массовый характер (более миллиона человек), ликвидация государственности, открытость и демонстративность репрессий» [13; 252].

Список литературы

- 1 Сталинские депортации. 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян; под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. — М.: МФД: Материк, 2005. — 904 с.
- 2 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. — Т. II. — Кн. I. — М.: Русь, 2000. — 724 с.
- 3 Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину. Согласно Вашему указанию / Н.Ф. Бугай. — М.: АИРО-XX, 1995. — 323 с.
- 4 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). — Ф. Р-9479. — Оп. 1. — Д. 154.
- 5 Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). — Ч. II: Депортация немцев (сентябрь 1941 — февраль 1942 г.). Материалы к сер.: Народы и культуры / сост. О.Л. Милова. — М., 1995. — 248 с.
- 6 История российских немцев в документах. — Т. I: 1763–1992 гг. / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. — М.: Междунар. ин-т гуманитарных программ, 1993. — 448 с.
- 7 Кригер В.Э. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период // Культура немцев Казахстана: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (9–11 октября 1999 года). Алматы, 1999. — С. 68–94.
- 8 ГА РФ. — Ф. Р-9479. — Оп. 1. — Д. 85.
- 9 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 21.
- 10 Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов / сост. Р.М. Жумаев, Л.В. Михеева; под ред. Е.К. Кубеева. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. — 325 с.
- 11 РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 19.
- 12 РГАСПИ. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 61.
- 13 Плева И.Р. «Вина» немцев Поволжья как политический миф / И.Р. Плева, Г.В. Лобачева, В.Н. Парфенов // Вестн. Саратовского гос. техн. ун-та. — 2011. — № 4 (60). — Вып. 2. — С. 251–255.

Ж.О. Хасенова, Ж.С. Мажитова

Кеңес немістерінің Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстанға жер аударуы: Кеңестік биліктің тәжірибесі

Мақалада Ұлы Отан соғысы жылдарындағы кеңес немістерінің Қазақстанға күштеп жер аудару процесі қарастырылды. Авторлар Ұлы Отан соғысы басындағы неміс халқының жер аудару үрдісі саяси мағынада болғанына назар аударады. Немістердің негізгі орнығу жерлері, сол жерде арнайы жаңа қоныстанушылар жұмыс істеген елді мекендері көрсетілген. Сонымен қатар өндірістік кәсіпорындар, еңбек армиясы құрамында жұмыс жасағаны бейнеленді. Еділдегі, Украинадағы, Әзербайджандағы, Ленинград облысындағы және басқа да жерлердегі немістердің автономды Республикасын жою, немістердің мыңдаған адамдарды қуып шығару және физикалық жою сталиндік қуғын-сүргін актілерінің құқықтық та, моральдік та актауы, авторлардың пікірінше, болмайды. Бүкіл халықтар құрбандары көп болған деп қарастырылды. Мақалада депортация мәселелерін зерттеу, ең алдымен, кәсіби оқуды және дереккөздерді интерпретациялауды талап етеді, олардың көпшілігі, «өте құпия» белгісін алып тастағанына қарамастан, қарама-қайшы болып табылады.

Кілт сөздер: КСРО, Ұлы Отан соғысы, еріксіз депортация, жер аудару, қуғын-сүргін, ресурстарды жұмылдыру, директивалар, еңбек армиясы.

Zh.O. Khassenova, Zh.S. Mazhitova

Of deporting the Soviet Germans to Kazakhstan during the Great Patriotic War: the practice of Soviet power

The article considers deportation of the Soviet Germans to the territory of Kazakhstan during the years of the Great Patriotic War. Authors emphasize that forced deportation of the German population had political importance at that time. The main places of resettlement of German population, their localities where special settlers lived and the industrial enterprises where they worked as a part of NKVD labor columns are shown in this article. The elimination of the Autonomous Republic of the Volga Germans, the destruction of German villages on the Volga, Ukraine, Azerbaijan, Leningrad region and other places, the expulsion and physical destruction of thousands of innocent people are considered by the authors as one of the acts of Stalin's repressions, which often victimized entire peoples, having neither legal nor moral justification. The article concludes that the study of the problems of deportation requires, first of all, professional reading and interpretation of sources, many of which, despite the removal of the «top secret», are contradictory.

Keywords: USSR, the Great Patriotic War, forced deportation, eviction, repressions, mobilization of resources, directives, NKVD labor columns.

References

- 1 Pabol', N.L., Polyan, P.M. (2005). *Stalinskie deportatsii (1928–1953)* [Stalinist deportation]. A.N. Yakovlev (Eds.). Moscow: MFD: Materik [in Russian].
- 2 *Orhany hosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine [The bodies of state security of the USSR in the Great Patriotic War]*. (2000). (Vol. I-II; In. I). Moscow: Rus [in Russian].
- 3 Bugaj, N.F. (1995). *L. Beria — I. Stalinu. Sohlasno Vashemu ukazaniu [L. Beria to I. Stalin. As you instructed]*. Moscow: AIRO-XX [in Russian].
- 4 Hosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (HA RF) [State archive of the Russian Federation]. F. R-9479. Op. 1. D. 154. [in Russian].
- 5 Milova, O.L. (1995). *Deportatsii narodov SSSR (1930—1950-e hody) Ch. II: Deportatsiia nemtsev (sentiabr 1941 — fevral 1942 h.)* [Deportations of the peoples of the USSR (1930-1950-ies) Part II: Deportation of the Germans (September 1941 — February 1942)]. Moscow [in Russian].
- 6 Auman, V.A., & Chebotareva, V.G. (1993). *Istoriia rossiiskikh nemtsev v dokumentakh [The history of Russian Germans in the documents]*. Vol. I: 1763–1992. Moscow: Mezhdunarodnyi institut humanitarnykh prohrann [in Russian].
- 7 Kriger, V.Eh. (1999). *Osobennosti kadrovoi politiki hosudarstva v otnoshenii rossiiskikh nemtsev v sovetskii period* [Features of personnel policy of the state in relation to Russian Germans in the Soviet period]. Proceedings from The culture of the Germans of Kazakhstan: history and modernity: *mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (9–11 oktiabria 1999 hoda) — International Scientific and Practical Conference* (pp. 68–94). Almaty [in Russian].
- 8 HA RF [State archive of the Russian Federation]. F. R-9479. Op. 1. D. 85 [in Russian].
- 9 Rossiiskii hosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii (RHASPI) [Russian state archive of social and political history]. F. 644. Op. 1. D. 21 [in Russian].

- 10 Zhumashev, R.M., & Miheeva, L.V. (2007). *Spetspereselentsy v Karahandinskoi oblasti. Sbornik dokumentov i materialov [Special settlers in the Karaganda region. Collection of documents and materials]*. E.K. Kubeeva (Ed.). Karaganda: Izdatelstvo KarHU [in Russian].
- 11 RHASPI [Russian state archive of social and political history]. F. 644. Op. 1. D. 19 [in Russian].
- 12 RHASPI [Russian state archive of social and political history]. F. 644. Op. 1. D. 61 [in Russian].
- 13 Pleve, I.R., Lobacheva, G.V., & Parfenov, V.N. (2011). «Vina» nemtsev Povolzhia kak politicheskii mif [«Guilt» of the Volga Germans as a political myth]. *Vestnik Saratovskoho gosudarstvennogo tekhnicheskoho universiteta – Bulletin of the Saratov State Technical university*, 4(60), 2, 251–255 [in Russian].

Г.Е. Отепова¹, В.Н. Алиясова¹, А.С. Ильясова², А. Сомонжуноглы³

¹Павлодарский государственный педагогический университет, Казахстан;

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;

³Университет Хаджеттепе, Анкара, Турция

(E-mail: alijasova@mail.ru)

Обзор русских источников по истории Казахстана XVIII — начала XX века

В статье дан обзор исторических источников из архивов Казахстана и России в период XVIII — начала XX вв. Названы основные виды источников, которые лежат в основе анализа по истории Казахстана в составе Российской империи. Большой интерес представляют материалы Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Республики Казахстан, результаты научных экспедиций русских путешественников, материалы о землепользовании, документы переписи населения, дореволюционные периодические издания, отчеты и доклады статистических комитетов, которые были образованы в областях Казахстана. Авторами статьи предложено рассмотрение вопросов истории Казахстана через призму фактических данных, а также на основе публицистических и научных материалов, сведений, полученных от очевидцев, путешественников, царских и местных чиновников того времени. Вопросы истории Казахстана в составе Российской империи вызывают много споров, дискуссий, разногласий на протяжении длительного времени. Дать ответы на многие вопросы, волнующие не одно поколение историков, ученых и общественность, позволяет большое количество русских источников, которые были опубликованы в различные периоды или хранятся в фондах архивов России и Казахстана.

Ключевые слова: история Казахстана, архивные источники, русские документальные источники, законодательные акты.

В новое время в сравнении с предшествующим периодом появляется большое количество исторических источников, которые содержат в себе огромную, бесценную информацию о своем времени, о людях, событиях и фактах. Русские источники по истории Казахстана XVIII — начала XX вв. очень разнообразны как по форме, так и по содержанию.

Большую группу исторических источников по данному периоду составляют публицистические и научные материалы очевидцев, путешественников, царских и местных чиновников, которые непосредственно были участниками событий прошлого. В трудах А.И. Левшина, Ф.И. Лобысевича, Л. Мейера, Н.М. Красовского, Л. Костенко, И.Г. Андреева и других [1] содержится анализ основных положений административно-политических реформ, проводимых на территории Казахстана, сведения об особенностях уклада и быта, о традициях казахского народа, взаимоотношениях с другими народами. Работы данных авторов имеют важное значение для восстановления исторической действительности на территории Казахстана в составе Российской империи, так как в них содержится огромный фактологический материал. Однако данные материалы требуют критического анализа, так как описания многих событий и фактов характеризуются субъективными взглядами и выводами.

Работы И.И. Крафта занимают особое место в данном ряду русских исследователей. Он около десяти лет жил и работал в Казахстане, и поэтому не понаслышке знал обо всех переменах, происходящих в крае. Некоторое время он редактировал «Тургайскую газету», изучал быт местного населения. Одной из работ И.И. Крафта, посвященных непосредственно истории Казахстана, является «Сборник узаконений о киргизах степных областей» [2]. Эта работа — одна из первых попыток систематизации законодательных документов, которые касаются территории Казахстана середины XVIII в. — конца XIX в. Данный труд содержит в себе краткий исторический очерк «Принятие киргизами русского подданства», положение «Об управлении степных областей» с разъяснениями и дополнениями, положение «Об управлении Туркестанского края». Определяя цель своего исследования, И.И. Крафт писал: «Изложить в кратком историческом очерке постепенное водворение на этой обширной окраине суда и расправы и высказать свой взгляд на значение судебной реформы в связи с недостатками существующего в крае сословного, так называемого народного суда» [2; 21].

Другая работа И.И. Крафта «Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях» [3] раскрывает вопросы внедрения российского судопроизводства на территории Казахстана. На основе многочисленных законодательных актов он дает описание судебной части в Казахском крае и пока-

зывает, как менялось судопроизводство на протяжении длительного времени. Автор подробно рассматривает статьи положений по управлению степными областями и Туркестанским краем, которые касаются судопроизводства. В своей работе он дает анализ временных правил от 2 июня 1898 г. «Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и степных областях».

Еще одна работа И. Крафта «Из Киргизской старины» [4] представляет собой сборник статей и заметок, касающихся устройства и быта казахского общества. В первой части работы были опубликованы неизданные указы Екатерины II, найденные автором в архивах Тургайского областного правления. Например, именной указ Екатерины II, данный графу Воронцову «О чинимых иностранным купцам киргиз-кайсаками притеснениях» от 8 апреля 1863 г.; именной указ, данный Коллегии иностранных дел «О дозволении перейти киргизскому хану со своим скотом Яик» от 2 августа 1863 г.; именной указ, данный оренбургскому генерал-губернатору «Об Илецкой соли» от 9 марта 1765 г.; именной указ, данный оренбургскому губернатору «О разведывании и отыскании драгоценных камней в Киргизской степи» от 11 апреля 1765 г. и другие [4; 15-33]. Эти законодательные материалы не были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи и поэтому представляют большой интерес для исследователей.

Другой русский исследователь А.Е. Алекторов в работе «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» [5] указывает на необходимость изучения казахских рукописей. Данный труд, включающий в себя около 1000 страниц, содержит огромное количество библиографических названий, поэтому трудно переоценить значение этой работы для историографии и источниковедения Казахстана.

Отдельную группу русских источников по данному периоду составляют результаты научных экспедиций (П. Румянцева, П. Семенова-Тянь-Шанского, В. Радлова, И. Мушкетова и др.), материалы Ф.А. Щербины о землепользовании, документы переписи 1897 г., отчеты и доклады статистических комитетов, которые были образованы в областях Казахстана. В данных источниках можно найти материал о быте, этнографии, социальной структуре, численности, занятости казахов, о соотношении удельного веса кочевого и оседлого населения в различных районах Казахстана, о состоянии земельных участков, сведения о производительных силах, путях сообщения, податях и налогах и т.д. Во второй половине XIX в. были открыты в Казахстане Западносибирский, Оренбургский и Туркестанский отделы Русского географического общества, сотрудники которых оставили многочисленные сведения и материалы по истории дореволюционного Казахстана, его быте, экономике, культуре и т.д.

Русские документальные источники периода нового времени по истории Казахстана содержатся в сборнике «Материалы по истории КазССР (1785-1828)» [6]. В основном в сборнике даются материалы по переписке официальных лиц, чиновников царской администрации, воспоминания непосредственных участников тех событий и т.д. Используя источники, опубликованные в данном сборнике, можно получить представление о социально-экономической и политической ситуации на территории Казахстана изучаемого периода. В сборнике содержатся сведения о причинах, масштабах, ходе восстания на территории Младшего жуза под руководством С. Датова.

Сборник «Материалы по истории политического строя Казахстана» [7] намного расширил источниковую базу истории Казахстана в составе Российской империи. Данный сборник охватывает документы со времени присоединения Казахстана к России до Октябрьской революции из исторических архивов Казахстана, Узбекистана, России.

В советское время в Казахстане были опубликованы сборники документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [8] и «Казахско-русские отношения в XVIII–XX вв.» [9]. Эти сборники содержат источники, которые описывают процесс присоединения Казахстана к России, показывают, как развивался данный процесс в дальнейшем, характеризуют деятельность посольства М. Тевкелева, раскрывают экономические и другие стороны взаимоотношений казахов с Россией.

Усилиями коллектива казахстанских авторов в период становления независимости Казахстана вышел в свет многотомный труд «История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.» [10]. В работе опубликованы русские источники, которые представлены трудами видных ученых и путешественников того времени. Эти работы дают общее представление о быте, обычаях, этническом составе казахского общества. В частности, опубликованы служебные материалы, дневники видного деятеля XVIII в. М. Тевкелева, в которых он излагает свои мысли относительно происшедших событий в Казахстане. Архивные материалы, используемые в данной работе, содержат сведения

о представителях казахской элиты (послужные списки, семейное положение, образование и т.д.), которые находились на службе в царской колониальной администрации. Данный сборник дает возможность изучить многочисленные источники по истории Казахстана нового времени.

В годы независимости появился ряд работ, посвященных изучению русских источников по истории нового времени. Некоторые законодательные акты и документальные материалы по колониальной истории Казахстана опубликованы в работах С.К. Жакыпбека, С.М. Машимбаева, М.Ж. Абдирова, К.А. Жиренчина [11], которые дополнили и расширили источниковую базу изучения проблемы.

К. Кусайынулы в своей работе «Читая документы о казахско-русских отношениях в XVIII–XIX вв.» [12] дает подробный анализ земельной политики царизма в Казахстане во второй половине XVIII в., раскрывает последствия проводимых царизмом административных реформ 1822–1824 гг. Автор справедливо подчеркивает необходимость изучения законодательных и официальных документов по истории Казахстана, в которых отражена колониальная сущность царского самодержавия.

В работе С. Ешмухамбетова и С. Жакеева «Из истории казахов» [13] содержатся некоторые указы царского правительства, хронологический перечень указов с 1731 по 1896 гг. с кратким изложением их содержания. Другой коллективный труд — «История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.» [14] представляет собой сборник документов и материалов по вопросам образования и развития Букеевского ханства. Данный труд существенно дополняет источниковую базу документальными материалами по истории Казахстана в колониальный период.

Огромный блок исторических источников по данному периоду хранится в архивах Казахстана и России. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан имеются следующие фонды: Ф.4 – Областное правление оренбургскими киргизами, Ф.6 – Канцелярия оренбургского генерал-губернатора, Ф.345 – Областное правление сибирскими киргизами, Ф.338 – Омское областное управление, Ф.374 – Пограничное управление сибирскими киргизами, Ф.64 – Канцелярия Степного генерал-губернаторства, Ф.369 – Акмолинское областное правление, Ф.370 – Уральское областное правление, Ф.44 – Семиреченское областное правление, Ф.85 – Управление мангышлакского приставства, Ф.25 – Тургайское областное правление, Ф.15. – Семипалатинское областное правление. В этих фондах содержится огромный материал: сведения по устройству управления в различных областях Казахстана, указы царского правительства различных периодов, проекты и материалы положений, протоколы заседаний комиссий, инструкции, переписки государственных чиновников, проекты создания уездов, нотариальных контор, земских смет и т.д.

Достаточное количество информации хранят фонды Российского государственного военно-исторического архива: Ф.1433 – Управление командующего Сырдарьинской линии, Ф.1435 – Штаб войск Сырдарьинской области, Ф.1436 – Штаб войск Семиреченской области, Ф.1441 – Отдельный оренбургский корпус, Ф.1449 – Штаб войск Западной Сибири, Ф.16 – Иностранские экспедиции канцелярии военной коллегии, Ф.1396 – Штаб Туркестанского военного округа. В этих фондах хранится большой необработанный материал по военной колонизации Казахского государства, который в основном носил секретный характер. Например, документы о строительстве военных укреплений на территории Казахстана, переписка с военным министром и ведомством по вопросу строительства крепостей и освоения новых территорий, различная переписка с азиатским департаментом, с департаментом военных поселений и войсковым правлением Сибирского казачьего линейного войска, с военными губернаторами. В данных фондах хранятся приказы по войскам, рапорты и донесения, предложения и записки, сводки и донесения, проекты положений о военном устройстве Киргизской степи, Сырдарьинской, Семиреченской линий, указы Правительствующего сената и т.д. В частности, в этом архиве были выявлены: проект положения о военном устройстве Киргизской степи и Сыр-Дарьинской области, положение об управлении отдельным Оренбургским корпусом. Данные архивные материалы представляют огромную ценность для изучения и дальнейшего исследования вопросов военной колонизации Казахстана. В архиве сохранились сведения о военных операциях на территории Старшего жуза, Средней Азии, об осаде, штурме и взятии русскими войсками крепости Ак-Мечеть, Туркестана, о подавлении национально-освободительного движения казахов, о разграничении земель и возможности заселения Семиреченского края переселенцами из русских губерний и т.д. По материалам этих фондов можно документально проследить и проанализировать, как русское правительство осуществило военное завоевание южных земель Казахстана, каково было его истинное отношение к местному населению.

Значительный материал по истории Казахстана XVIII — начала XX вв. хранится в фондах Российского государственного исторического архива: Ф.1265 – 1-й Сибирский комитет, Ф.1265 – 2-й Сибирский комитет, Ф.1291 – Министерство внутренних дел, Ф.1374 – Генерал-прокурора Сената, № 1263 – Комитет министров, № 1152, 1153, 1149 – Дела Государственного совета, Ф.1341 — 1-й департамент Сената, Ф.1405 – Министерство юстиции, Ф.1281 – Совет министров и др. В этих фондах хранятся материалы об истории нашего государства. Например, материалы землеустройства и отнятия земли у казахов, взаимоотношения казахов с калмыками и другими народами, документы, касающиеся принятия российского подданства, отправки воинских команд на усмирение казахов, внедрения и увеличения налогов и податей, открытия внешних округов, дела о волнениях среди казахов, о распространении русского языка и православия среди местного населения, проекты открытия школ, церквей, а также различные записки, циркуляры, рапорты, отчеты царских чиновников в многочисленные инстанции царской администрации.

В отдельную группу источников можно выделить официальные и неофициальные издания проектов положений, записки, рекомендации, инструкции, отдельные сборники государственных чиновников царского аппарата управления, которые хранятся в редком фонде Национальной библиотеки Республики Казахстан. Среди них следующие: «Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской области» (1867 г.), «Сборник законов по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России» (1909 г.), «Журнал заключительного заседания комиссии, учрежденной военным губернатором Семиреченской области для пересмотра Степного положения» (1891 г.), «Инструкция волостным управителям, аульным старшинам и аульным съездам Тургайской области» (1894 г.), «Проект положения о Киргизских степях» и т.д.

Самостоятельную группу источников представляют ходатайства, предложения, заявления, прошения, письма, донесения, доклады и т. д. различных официальных и частных лиц. Для изучения истории края данного периода большое значение имеют всеподданнейшие записки и доклады, авторами которых были представители царской администрации. Например, «Записка об устройстве Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства» (1884 г.), «Записка тургайского губернатора И.М. Страловского о преобразовании Тургайской области» (1909 г.), «Журнал заключительного заседания комиссии, учрежденной приказом... для пересмотра Степного положения 1891 г.» (1902 г.), донесение М. Тевкелева «О приезде его к хану Абулхаиру» (1731 г.) и многие другие. На важность данных источников и необходимость их изучения обращает внимание исследователь русского права С.И. Антонова: «Такого рода «записки» и «доклады» дают значительно более полное, чем сами законодательные акты, представление о причинах их появления, в них с большей откровенностью выражена правительственная оценка политической обстановки в стране и состояния самого правительственного лагеря» [15; 29].

Большой круг источников связан с материалами высших государственных учреждений России, которые в той или иной степени влияли на делопроизводство в крае и издание законодательных актов: Государственного совета, Правительствующего сената, Комитета министров, Совета министров, азиатского департамента, Государственной думы и т. д. Вопросы, относящиеся к Казахстану, рассматривались во всех этих государственных органах. Материалы данных учреждений, которые хранятся в архивах Российской Федерации, являются ценными источниками изучения истории Казахстана XVIII — начала XX вв. Для рассмотрения вопросов, касающихся непосредственно Сибири и Казахстана, в июне 1821 г. был образован особый комитет, который получил название «Сибирский». В нем были сосредоточены все сведения об экономическом и социально-политическом состоянии края: статистические отчеты, донесения с мест, записки, прошения, законодательные акты и пр. Материалы Сибирского комитета помогают историкам воссоздать объективную картину истории нашего государства в составе империи.

Достаточное количество материалов обсуждения законодательных предложений и инициатив отложилось в местных областных и уездных учреждениях государственной власти — в канцеляриях губернаторов, генерал-губернаторов, военных губернаторов и т.п. Эти материалы интересны тем, что дают конкретное представление о положении дел отдельных районов, в частности, касающихся территории Казахстана. В пояснительных записках, докладах, переписках местных губернаторов с представителями центральных органов управления многие мысли о необходимости политической, экономической и духовной колонизации края, вопросы землеустройства казахов и переселенцев, вопросы о земельных отношениях, о регулировании конфликтов и т. д. звучат открыто, чего нельзя сказать о законах того периода. Например, докладная записка генерал-губернатора Западной Сибири

«Об открытии в Киргизской степи внешних округов» со сведениями об отношении к этому киргизов от 6 августа 1830 г., письмо оренбургского генерал-губернатора областному правлению оренбургскими киргизами «О выработке новых положений об управлении киргизами» от 3 июля 1865 г.

Интересны в качестве источников сведения, содержащиеся в отчетах сенаторских ревизий, организованных царским правительством в различные регионы Казахстана. Эти ревизии помогали получить сведения о состоянии дел на окраинах, собрать материал для подготавливаемых реформ, ближе познакомиться с деятельностью местных органов управления. В результате деятельности этих ревизий отложилось большое количество документов, которые были получены из первых рук, минуя соответствующие канцелярии. Например, материалы, собранные М. Сперанским, легли в основу Устава 1822 г., а материалы сенатора Ф. Гирса были использованы при составлении Положения 1886 г. Материалы данных ревизий являются важными источниками для выявления сущности проводимой царизмом политики в целом и на окраинах России в частности. Однако сведения в таких документах в большей степени ограничены официальными рамками: почти все эти документы возникали в ответ на объявленную правительством программу.

Большой интерес для исследователя представляют дореволюционные периодические издания, так как именно в них нашли отражение мнения, отзывы, суждения представителей различных социальных кругов, общественных и политических деятелей по многим вопросам политического и социально-экономического развития Казахстана. На страницах журналов и газет («Тургайские областные ведомости», «Военный сборник», «Русский вестник», «Русская старина», «Туркестанские ведомости», «Русский архив», «Сибирская жизнь», «Семиреченские областные ведомости» и др.) публиковался разнообразный материал, который помогает восстановить историческую действительность, ответить на многие спорные вопросы нашей истории.

Наиболее значительную группу источников по истории Казахстана XVIII — начала XX вв. составляют законодательные документы и документы, сопутствующие их появлению. Царские законы в значительной мере отражали основные этапы общественно-политического и социально-экономического развития не только самой метрополии, но и ее колоний. Изучение этих законов показывает, какими средствами царское правительство обеспечивало себе сверхприбыли (с первых дней присоединения Казахстан рассматривался как источник сырья для российского развивающегося капитализма), как осуществлялось завоевание присоединенных территорий. Законодательные акты Российской империи содержат богатейший материал, характеризующий организацию центрального и местного аппарата управления краем, функции и права органов власти, судопроизводство, налоговую систему, административное деление, раскрывают сущность и характер политики самодержавия в земельном вопросе по отношению к казахскому населению, показывают взаимоотношения царских чиновников с местной знатью и т.д. Русский исследователь права Б.М. Кочаков писал: «Законодательные акты непосредственно выражают деятельность чиновников государственного аппарата как представителей господствующего класса и исполнителей его воли. Поэтому изучать историю правительственной политики без привлечения, прежде всего, законодательного материала как непосредственного остатка политики господствующего класса — невозможно» [16; 320]. Российские законы раскрывают истинную суть политики самодержавия в отношении «инородцев», их закабаления, отнятия земель, переселенческой политики, политики русификации, христианизации и, в конечном итоге, потери независимости казахским народом.

Основные законодательные акты Российской империи изучаемого периода были напечатаны в специальных официальных и неофициальных изданиях и в периодической печати. В таком виде они сохранились до настоящего времени. Обращение к опубликованным источникам важно тем, что именно по опубликованному тексту тот или иной закон практически осуществлялся в жизни. К опубликованным изданиям законодательных актов исследуемого периода относятся: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), Собрание узаконений и распоряжений правительства, Свод законов Российской империи.

Полное собрание законов Российской империи является одним из исторических источников, в котором собраны основные законодательные акты по истории Казахстана XVIII — начала XX вв. Законодательных актов, регулирующих общественно-политические, административные и социально-экономические отношения на территории Казахстана и отражающих суть колонизаторской политики самодержавия, в Полном собрании законов Российской империи было выявлено около полутора тысяч (не учтены законодательные источники по казачеству), и они имеются почти в каждом томе данного издания. Полные сведения и анализ законодательных источников Российской империи по исто-

рии Казахстана нового периода содержатся в работах Г.Е. Отеповой [17]. Многие исследователи по достоинству оценили большое значение законодательных источников для изучения социально-экономической и политической истории России и Казахстана исследуемого периода. Видные казахские ученые С.Д. Асфендияров, М. Тынышпаев, Е. Бекмаханов, Г.С. Сапаргалиев, С.К. Жакыпбек, С.З. Зиманов и другие неоднократно писали о необходимости изучения законодательных документов и сами вводили в научный оборот многие источники законодательства.

Таким образом, проведенный нами обзор исторических источников показал, что имеется достаточное количество русских источников, которые были опубликованы в различные периоды или хранятся в фондах архивов России и Казахстана. Вопросы истории Казахстана в составе Российской империи вызывают много споров, дискуссий, разногласий на протяжении длительного времени. Дать ответы на многие вопросы, волнующие до сих пор не одно поколение историков, ученых, общественность, помогут именно исторические источники. Сегодня основная задача историков и других исследователей, которые занимаются изучением истории нашего государства в составе Российской империи, заключается в их систематизации, обработке, критическом анализе. Те же многочисленные документы, которые еще до сих пор хранятся в архивах, необходимо выявлять и публиковать для широкой общественности.

Список литературы

- 1 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А.И. Левшин. — Алматы: Санат, 1996. — 656 с.
- 2 Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / И.И. Крафт. — Оренбург: Типография П.Н. Журинова, 1898. — 532 с.
- 3 Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях / И.И. Крафт. — Оренбург: Типо-литография П.Н.Журинова, 1898. — 214 с.
- 4 Крафт И.И. Из Киргизской старины / И.И. Крафт. — Оренбург: Типо-литография Ф.Б.Сачкова, 1900. — 157 с.
- 5 Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах / А.Е. Алекторов. — Казань, 1900. — 991 с.
- 6 Материалы по истории КССР (1785–1828). — М.-Л.: АН СССР, 1940. — Т. 4. — 543 с.
- 7 Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до ВОСР). — Алма-Ата: АН КазССР, 1960. — Т. 1. — 441 с.
- 8 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сб. документов и материалов. — Алма-Ата: Наука, 1961. — 740 с.
- 9 Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Сб. документов и материалов. — Алма-Ата: Наука, 1964. — 573 с.
- 10 История Казахстана в русских источниках XVI–XX в. Сост. И.В.Ерофеева. — Алматы: Дайн-Пресс, 2005. — Т. 10.
- 11 Жакыпбек С.К. и др. История Казахстана (XVIII – начала XX в.). Сб. документов и материалов. — Алматы: Қазақ университеті, 2001. — 314 с.
- 12 Кусайынулы К. Читая документы о казахско-русских отношениях в XVII–XIX вв. / К. Кусайынулы. — Алматы: Данекер, 2001. — 140 с.
- 13 Ешмухамбетов С. Из истории казахов / С. Ешмухамбетов, С. Жакеев. — Алматы: Жалын, 1999. — 528 с.
- 14 История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сб. документов и материалов / Сост. Б.Жанаев, В.А.Иночкин, С.Х. Сагнаева. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 1120 с.
- 15 Антонова С.И. Материалы законодательства периода капитализма как исторический источник: учеб.-метод. пособие. — М.: МГУ, 1976. — 49 с.
- 16 Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX–начала XX в. / Б.М. Кочаков // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей. — М.-Л.: АН СССР, 1937. — С. 319–371.
- 17 Отепова Г.Е. История Казахстана на страницах Полного собрания законов Российской империи: учеб. пособие / Г.Е.Отепова. — Павлодар: ПГПИ, 2009. — 169 с.

Г.Е. Отепова, В.Н. Алиясова, А.С. Ильясова, А. Сомонжуноглы XVIII–XX ғасыр басындағы Қазақстан тарихы бойынша орыс дереккөздерін шолу

Мақалада XVIII–XX ғ. басындағы Қазақстан мен Ресей мұрағаттарындағы дереккөздеріне шолу жасалған. Ресей Империясының құрамындағы Қазақстан тарихы бойынша талдау негізінде жасалған дереккөздердің негізгі түрлері аталған. Ресей мемлекеттік тарихи мұрағаты, Ресей мемлекеттік әскери-тарихи мұрағаты, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағатының

материалдары, орыс саяхатшыларының ғылыми экспедицияларының нәтижелері, жерді пайдалану туралы материалдар, халық санағының құжаттары, революцияға дейінгі мерзімді басылымдар, Қазақстанның облыстарында құрылған статистикалық комитеттердің есептері мен баяндамалары үлкен қызығушылық тудырады. Авторлар Қазақстан тарихын нақты деректер арқылы, сонымен қатар публицистік және ғылыми материалдар, сол кездегі куәгерлер, саяхатшылар, патша және жергілікті шенеуліктерден алынған мәліметтер негізінде қарастыруды ұсынады. Ресей Империясы құрамындағы Қазақстан тарихы жайлы мәселелер ұзақ уақыт бойы көп дау, пікірталас, келіспеушіліктер тудыруда. Ресей мен Қазақстанның мұрағат қорларында сақталған немесе әр кезеңде жарияланған көптеген орыс тіліндегі дереккөздердегі мәліметтер аталмыш сұрақтардың көбіне жауап беруге мүмкіндік берді.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, мұрағаттық дереккөздер, орыстың деректі көздері, заңнамалық актілер.

G.E. Oteпова, V.N. Aliyasova, A.S. Ilyassova, A. Somonzhuogly

Review of Russian sources on the history of Kazakhstan XVIII – early XX centuries

The article reviews historical sources from the archives of Kazakhstan and Russia in the period from the XVIII till early XX century. This were named the main types of sources that underlie the analysis of the history of Kazakhstan within the Russian Empire. The great interest are the materials of the Russian State Historical Archive, the Russian State Military Historical Archive, the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan, the results of scientific expeditions of Russian travelers, land use materials, census documents, pre-revolutionary periodicals, reports of statistical committees that were formed in regions of Kazakhstan. The authors of the article proposed to consider the issues of the history of Kazakhstan through the prism of actual data, as well as on the basis of journalistic and scientific materials, information obtained from eyewitnesses, travelers, tsarist and local officials of that time. The questions of the history of Kazakhstan within the Russian Empire cause a lot of controversy, discussions, disagreements for a long time. To give answers to many questions that concern not a single generation of historians, scientists and the public allow a large number of Russian sources that were published in different periods or stored in the archives of Russia and Kazakhstan.

Key words: history of Kazakhstan, archival sources, Russian documentary sources, legislative acts.

References

- 1 Levshin, A.I. (1996). *Opisanie kirghiz-kazachikh ili kirghiz-kaisatskikh ord i stepei* [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisach hordes and steppes]. Almaty: Sanat [in Russian].
- 2 Kraft, I.I. (1898). *Sbornik zakononii o kirghizakh stepnykh oblastei* [Collection of Legislation on Kyrgyz Steppe Regions]. Orenburg: Tipografiia P.N.Zhurinova [in Russian].
- 3 Kraft, I.I. (1898). *Sudebnaia chast v Turkestanskom krae i stepnykh oblastiakh* [The judicial part in the Turkestan region and steppe regions]. Orenburg: Tipo-litografiia P.N.Zhurinova [in Russian].
- 4 Kraft, I.I. (1900). *Iz Kirghizskoi stariny* [From the Kirghiz antiquity]. Orenburg: Tipo-litografiia F.B.Sachkova [in Russian].
- 5 Alektorov, A.E. (1900). *Ukazatel knih, zhurnalnykh i hazetnykh statei i zametok o kirghizakh* [Index of books, magazine and newspaper articles and notes on Kyrgyz]. Kazan [in Russian].
- 6 *Materialy po istorii KSSR (1785-1828)* [Materials on the history of the Soviet Socialist Republic (1785–1828)]. (1940). (Vol. 4). Moscow-Leningrad: AN SSSR [in Russian].
- 7 *Materialy po istorii politicheskoho stroia Kazakhstana (so vremen prisoedineniia Kazakhstana k Rossii do VOSR) (1960)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the VOSR)]. (Vol. 1). Alma-Ata: ANKazSSR [in Russian].
- 8 *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vv.* (1961) [Russian relations in the 16th–18th centuries. Sat documents and materials]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 9 *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVIII–XIX vv.* (1964) [Kazakh – Russian relations in the 18th – 19th centuries. Sat documents and materials]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 10 Erofeeva, I.V. (2005). *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX v. History of Kazakhstan in the Russian sources of the XVI – XX centuries*. Almaty: Dain-Press [in Russian].
- 11 Zhakypbek, S.K. (2001). *Istoriia Kazakhstana (XVIII – nachala XX v.)* [History of Kazakhstan (XVIII – early XX century)]. Almaty: Kazak universiteti [in Russian].
- 12 Kusajnyuly, K. (2001). *Chitaia dokumenty o kazakhsko-rossiiskikh otnosheniakh v XVII–XIX vv.* [Reading the documents about the Kazakh-Russian relations in the XVII – XIX centuries]. Almaty: Daneker [in Russian].
- 13 Eshmuhambetov, S., & Zhakeev, S. (1999). *Iz istorii kazakhov* [From the history of the Kazakhs]. Almaty: Zhalyyn [in Russian].
- 14 Zhanaev, B., Inochkin, V.A., & Sagnaeva, S.H. (2002). *Istoriia Bukeevskoho khanstva. 1801–1852 hh.* [History of the Bukeev Khanate. 1801–1852: Sat. documents and materials]. Almaty: Daik-Press [in Russian].

15 Antonova, S.I. (1976). *Materialy zakonodatelstva perioda kapitalizma kak istoricheskii istochnik* [Materials of the legislation of the period of capitalism as a historical source]. Moscow: MHU [in Russian].

16 Kochakov, B.M. (1937). Russkii zakonodatelnyi dokument XIX-nachala XX v. [Russian legislative document of the XIX – early XX century]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny – Auxiliary historical disciplines*, 319–371. Moscow-Leningrad: AN SSSR [in Russian].

17 Oteпова, G.E. (2009). *Istoriia Kazakhstana na stranitsakh Polnoho sobraniia zakonov Rossiiskoi imperii* [The history of Kazakhstan on the pages of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Pavlodar: PHPI [in Russian].

A.S. Sagatova, K.S. Tleugabylova

*Karaganda State Technical University, Kazakhstan
(E-mail: asem.sagatova@list.ru)*

Guarantee of peace is the field of spiritual consent

The spirit of the Great Steppes is a pledge of peace and stability, happiness and wellbeing, friendship and brotherhood, the prosperity of our country. The ideals of the national wealth derives from great humanistic ideas. The evidence of this is the modernization of the history of national culture, reverence for heritage and tradition of ancestors, its place in the world civilization. The work has comprehensively studied the issues of the spiritual revival of the succession of the generation in the modern world. The article analyzes the aspects of friendship and kinship, traditions formed by many generations, contributing to the development of inter-ethnic harmony and prosperity of the future nation. The study of the centuries-old wisdom of the people serves as a spiritual continuous connection between generations. Ancestors surprised other countries, not only with their intelligence, attention and ability of native people, they also believed that independence would be the stage of happy future in their history. In the dynamic period, the national history of the Kazakh people from ancient times to the present day provides an opportunity for large-scale research in terms of national ideology.

Keywords: ethnic harmony, peace, cooperation, Assembly, spiritual values, national identity, moral, the spirit of the nation, national-cultural development.

It is a platform which connects our past, present, and future. I am convinced that the most important mission of spiritual modernization is to reconcile the various strands of our national sense of identity and culture. From the N. Nazarbayev's article «Course towards the future: modernization of Kazakhstan's identity». The example of serving the good of the country is the great role of the Assembly of Kazakhstani people - the unity of the multiethnic, multi-confessional personality, the unity of society in the regulation of different ethnic relations, ensuring uniform stability.

«In the historical destiny of every country, initiatives that will leave a deep mark will succeed only if they fully meet the needs and aspirations of the people and will have a long life [1; 6].

The harmony of cultures is a guarantee of peace and harmony. There is no doubt that this normal situation is a sign of interethnic harmony. It is well-known that our land is multinational and multilingual. On the one hand, it intends to live in harmony, peace, stability in our country. Because morality is the basis of any religion. And the essence of morality is people's love, good will, true intentions. Spirituality agreement marks the national consciousness, spiritual and moral principles and moral criteria relating unable to field tells the ideals of important development in the history of human civilization.

The origin of morality is always the pureness of the heart. It has been developed on the basis of ancient national attitudes, national consciousness phenomena, values and harmony with nature. Therefore, it is possible for each of us to have fellow countrymen living in our land, to have brotherly affection, compassion, support and assistance to one another and we wish so. This, in turn, is the evidence of the overwhelming majority of humanitarian values. That is the interconnection of the native place with ethnical homogeneity and the spiritual-cultural continuity of their continuity, spiritual-cultural transformation and development. That is in the social environment, it is a manifestation of the intrinsic nature of the creatures. It is especially noteworthy that the President noted that the role of the older generation, which has a reputation in the people's memory, in the modern world, intellectual achievements, the aesthetic taste-concept, the national political and cultural heritage of the local people, the dominance of symbols is a manifestation of inclusion.

The members of the Assembly are working diligently to pursue good goals for interethnic, friendship, good neighborly relations. Kazakh humanistic tradition is based on spiritual-moral values, social partnership, intellectual culture, interethnic accord, international cooperation.

Nowadays, many people do not understand that humanization in education is focused on the formation of relations of morality and tolerance and the priority of moral values in the concept of different views and principles of life.

Keeping national identity, it is essential to promote the national spirit in the tradition of the ancestor tradition. This national values as the determining factor in the national life of our people and its relevance in

determining the source of knowledge how far the reconstruction of the depths of the times the necessity of modern life.

It is a national consciousness that defines the complex and diverse history of our people, reflects the dignity and ultimately suits its spirit. Identifying and analyzing the values oriented to national identity and consciousness in the history of the country - the most active role of the continuity of generations of these values, who have the power and influence to unite, encourage and consolidate the majority.

In fact, the deepening of the essence and meaning of these historical legacies, which is of great importance today, proves the triumph of historical justice. Spiritual heritage of our people means communication of generations and time harmony. It is a direction that guides the spirit of our ancestors and directs the younger generation to goodness and patriotism. Therefore, the more modern civilization advances, the more important it is for the future generations.

In general, every nation has a great influence on its survival, its geographical environment and its natural world. In contrast, the great harmony and harmony of the human nature of the Great Steppe with the nature of ancestral tradition is surprisingly amazing. At the same time, we can see from this harmony the values that characterize behavior of our people and the spiritual world that are under the national consciousness. The behavior of the Kazakh people depends on the environment, in particular, in the field of living. Being alert, forgiving, generous, understanding the essence of everything in the conversation, analyzing each word and responding with its thought, all of this demonstrates the simplicity of the nature of our people. In most folk arts, especially in the search for human behavior, special attention is paid to the values of morality and goodness. In particular, the relationship between people, interactions between people, life-long generation, human growth, aging, life span, lifestyle, respect between parents and children as well as urgent issues which can't be overlooked in various life situations. And the practice of nomadic life is associated with Mother Nature and the organization of everyday life. In daily life there are many qualities, such as the attitude of older people, respect for the elderly, caring for the weak. «All this has accumulated the entire public and private life of nomadic people who came together to formulate unwritten codes of moral, everyday ethical principles» [2; 103].

The wisdom of Kazakh thinkers is a reflection of the cultural and spiritual achievements of the environment in which they lived. Morality has always been a source of wisdom and occupies an appropriate place in the work of poetic creation. We have a lot of people from education which in love to mankind because the team of ancestors is «humane art». Philosophical knowledge and wisdom, which is the success of the wisdom of people: the wisdom of the elderly, national tradition, culture, history, genealogy, philosophy, moral philosophy, the true scientific basis, all of these does not claim that arguments are the subject. In the mastery and application of the achievements of spiritual wisdom people have the most important title of «human».

The most basic principle is morality. The basis of humanity is people who must always remain human. And characteristic is the spiritual wealth of the human soul. Popular wisdom in human life is a kind of world, an unique world, with wisdom and ideas of moral behavior involved in the Affairs of human behavior. The understanding of human wisdom is based on deep reflection, reasoning, understanding of many things, experiencing difficulties, contemplative thoughts, secrets, dreams and ideals. Therefore, wisdom is the spiritual food of mankind, the treasure of spiritual penetration into humanity. And humanity is a phenomenon in the sense of creating and improving people. The core of the problem of raising children is life experience, people's tradition and ultimately wisdom. It would be appropriate to say that wisdom and morality cannot exist without each other.

As you can notice, the values, along with the homeland, the people and the parent, are combination of humanity and conscience. The most striking example of training and modeling of generations of nomadic Kazakh people living on nomadic Kazakh nation is the fact that the soul is pure, that is a sign of education - the presence of conscience. Our ancestors were able to confiscate everything they wanted for their purity. That is why moral values are considered to be the most valuable values in the human race. People say that «Father-high rock, the Mother-fluid spring, the child-pure graft». The strong bond between these three in the family is an unshakable and harmonious Union, not only with blood but with deep love. Our wise ancestors, who absorbed the essence of their native land, one of the two words of humanity, preached the wisdom and dignity of their people.

At the heart of public life, popular wisdom has raised the issue of human problems, as well as its true and false beliefs, personality and dignity, as the root of national ideology. Because behavior is shaped by nurture. And the Foundation of wisdom is the education of future generations, which are the core of the in-

tegrity of life. Thus, one of the main features of the life of our people is education. It is about all culture of the Kazakh people, traditions, wisdom, proverbs, fairy tales, legends, poems, games, secrets and mistakes. Education for children is an evergreen line of work that keeps people from a continuous lifecycle that is unbearable and indestructible. Mukhtar Auezov wrote: «Exemplary education of the pure light of mankind should be in the person. In order to achieve the goals of the child, the teacher must have a deeper mind. When he grew up on the path of parenting, a deeper thought should also be turned to a person's ability to care for his busiest future. No matter how pure a man is, he cannot be perfect. A parent is a high mind that keeps his desires clean and keeps him clean» [3; 15]. High spirituality of the Kazakh people is taken from the rich life experience, humanity, set, unity and citizenship. As you can see, the questions of upbringing will be diverse. Each of them is like the world of wisdom. All of this is accompanied by human moral qualities. T.H. Ryskaliyev in his book «Example of wisdom and understanding» (review of the history of philosophy) speaks about education in this way: «Education is something that has become a tradition along with the history of mankind... The common educational requirement for all mankind is to teach young people to become human. And the ways of education depend on the traditions, customs, history, mentality, spiritual development of each nation. For Kazakh people the way of becoming a man are determined by the respect of the older, listening, following the path of his father, the way his mother, dignity, obedience, art education, desire to work. We need to find ways to become wise in all areas» [4; 181]. The main task is to educate the generation in the spirit of national traditions and customs. Traditionally, Atamura — accumulated experience of our people to educate our people for centuries, inherent to our children. The Kazakh people has taught generations of humanity, respect, hospitality. The philosophy of the people was the source of upbringing generation. After all, all these quotes, aphorisms, Chronicles gave rise to education. We find it in stories about the elderly on the Council, the stages of past art Chronicles and stories. The continuity of generations of people who recognized the diversity of word-formers of our people, who understood the word «eloquent of language in art», is means spreading the so-called national education and the contribution of our ancestors. In other words, the spirit of ancestral tradition is an ocean of folk wisdom. Kazakhs paid special attention to the fact that the child was brought up correctly and became a good person. The child was brought up not only by his parents, but also by the whole countryside. It is also tradition that has existed for thousands of years since the history of the ancient world. Our people honor traditions, respect elders and treat hospitably to all people—all this pledge of good education. The upbringing of the girl and the boy had a difference, as they say, «the Son will be born—the pride of the people, the daughter will be born—the beauty of the earth», Special relationship with dignity, respect for place of residence, country of birth and country. If in the notion of our ancestor's land, water – treasure and wealth, then homeland is an alternative idea seats, where you were born. Therefore, the highest peak of human consciousness should be a warm sense of upbringing. The one who honors his homeland, will honor its heroes. The basic principle of humanity is that it is necessary to protect the parents, people and homeland.

The lead of state N.A. Nazarbayev in his article «Orientation to the future: spiritual revival» expresses: «a Person is the owner of great emotions, not just infinite intelligence. Place of birth - a place where everyone came to the country of praise, a sacred place where you live, grunge and alive. No matter where he goes, there won't be a soul that doesn't make his heart unbearable. One of the most important example of true patriotism is a great contribution to the Motherland, its culture and traditions. It is the Foundation of any cultural genetic code that is truly a nation, not a community of people. Our ancestors did not just protect a vast territory. They protected us, the future of the nation, their offspring. They assured us of our homeland, which attempted a lot of strangers, without giving at least some of the enemies» [5].

The basis of folk wisdom-values in the spiritual world of the Kazakhs. The kindness, hospitality, obedience, duty, morality, honor, etc. Each of them is a valuable heritage of human qualities. Conscience, courage, determination, perseverance helps to overcome difficulties which appears on the way of goal achievements. One of them is the tradition of hospitality, and its attitude to culture is primarily recognized as a guarantee of cooperation and unity of people. Traditionally, hospitality is a guarantee of friendship and cooperation between the countries. If you say so, the Kazakh dastarkhan is a Holy place. It's not just a dish, it's a mutual affection. In front of such a beautiful table as dastarkhan inner self, affection, cognition, respect of each person reflects his personality. The conversation at table had much to do with delicate, which caused some of the branches of the national traditions of the past, and the generosity of the elders, smaller problems and trump the charges were the result of extensive work. Ultimately the decision problem for the Kazakh dastarkhan shows that the dastarkhan is sacred.

Ability to reach a mutual consent and understanding is an art, those it is a part of our culture. In the works of art, the Kazakh steppes have a great influence on cultural influences and how much value it has brought. However, we conclude that the culture of the Kazakh steppe was recognized as a complex and multifaceted phenomenon with a deep tradition. And the mechanism of acceptance of national cultural values, i.e. «perception Tool», is always connected everywhere with each nation and each generation.

Therefore, the development of human emotions in each person is considered on the basis of the level of development of the nation, the spirit of the nation. And, in fact, the moral spirit of the whole nation (one nation) comes from the moral sense of every person (personality and community). Spirit, in turn, «state of exhaustion, high spirituality, high status, authority and aspiration of people». Its basis is history, customs, traditions, heroic deeds of ancestors, words of edification, wise words, souls of ancestors and their inexhaustible power. It is a flurry of words and lofty ideals that draw attention to the noble dreams of the people who influence it. Kazakhstan nation is famous for its devotion to its high, dominant, spacious, luxurious, bright, purposeful, strong-willed ancestors. Here comes the spiritual image of the nation» [6; 167].

Almost all of this leads to humanistic values. The main source of the Kazakh point of view is a man and his environment, and the relationship between them is based on humanistic principles, although the content of the book contains many examples of humanism. The humanistic outlook of nomads is the basis of the national identity of our people, their humanity and quality of life. If one understands the humanistic meaning of the words of edification, it is obvious that the highest level in the spiritual development of man is moral consciousness. This reflects the special value of educated, high humanistic consciousness for the Kazakh people.

Another point that determines the humanistic content of the Kazakh wisdom is the power that unites the unity of the Kazakh spirit, solidarity and civic harmony, honesty and justice. People who valued their dignity through the dignity of life recognized themselves as part of the natural world and recognized unity and solidarity among Nations as a fundamental force of fundamental sovereignty. Therefore, peace, unity, loyalty and justice are the motives of humanism, and they try to keep it as the Apple of the eye. As if the breeze of the dance is preserved in the minds of the country that was proud of it, and it is as if it is the breeze of humanity, honor and dignity. Maiky bi said:

The basis of unity-abundance
The basis of abundance-a holiday
With clasped hands
With sharpened swords
Become the birthplace of one
Let the sky be clear
Let the sun Shine
If it is just to reign
The agreed people will be [7; 16].

Understanding, that solidarity and unity are in the center of the countries, Maiky bi assured this to his people.

The concept of consciousness, which is the main place in the spiritual values of Kazakhstan, is an honor. B. Kasenov analyzed the socio-spiritual, historical and philosophical essence of the word of honor in his monograph «Namys». According to the author, dignity is «respect for our nation, conscience, behavior, heroism, citizenship, fate, mercy, indifference to evil, dignity, honor, friendship, peace, hospitality and respect» [8; 16].

When we look at the essence of these contradictory qualities in human beings, we say, «we can follow the right path». «Pride is a deep, broad concept, contradictory spiritual power», the author says: «Dignity is a whole system of the most sacred feelings accumulated and preserved as cultural and spiritual wealth in the entire nation of nomadic life. And its beginning is the conscience of the nation. Although every word of shame and conscience is sacred to man, the evolutionary development of these precious little details forms the image and pride of the nation» [8; 18].

Religious state of independent Kazakhstan, the concept of freedom of faith and religion, tolerant inter-religious relations, interethnic and interreligious harmony in the image of Kazakhstan, the concept of our head of state on peace and justification of interreligious harmony in the present time is very important. The spiritual values of humanism and the development of the education system, the development of a humane outlook, the embodiment of social and industrial trends begin the path to spiritual unity of the people.

Adaptation of the country to innovations and breakthroughs is a democratic basis of society. The modern «reality» of democratic progress - mutual cooperation, tolerance, learning from others; to open their

home country, to worship their homeland; to respect our status; differentiation of the potential of the Holy area; to answer the question of education of the younger generation through education, national traditions of our country. And all of this is evidence of today's civilization and future generations.

The thoughts mentioned above reflecting the value and attractiveness of the idea «Mangilik El».

Transformation of cognitive object into the object of research, spirituality is the key to the modernization of the humanitarian tradition. The formation of the scientific basis of national and cultural development, its replenishment with innovative initiatives is the cornerstone of the position of our First President and the purpose of today's life. It should not be forgotten that descendants should bear in mind the interests of all Nations in their efforts to strengthen the stability of our land, civic harmony and inter-ethnic harmony as they are now.

The President stressed that Kazakhstan is a multinational state: «... all people living in Kazakhstan should take deep root in the essence of our unity. After all, we have to look into our past and see our future. Today time again turned to our attention. Our generation is responsible for preserving the heritage of our ancestors, strengthening our updated state and moving to a qualitatively new level that meets the requirements of civilized world community. The spirit of our ancestors makes each of us understand that we are responsible for the future of our country. Today, we owe it to our ancestors to act, to keep pace with the past, to strive for the future, to live in peace and harmony with other Nations, to respect their culture, traditions and customs. In Kazakh language there is a saying: «Power is in unity». And this, in turn, requires respect for the culture, language and traditions of Kazakh people and our nation as a whole» [9; 67].

The purpose of the Assembly of peoples of Kazakhstan is not only to improve interethnic relations, but also to give freedom to the development of national identity (language, history, culture, customs and traditions) to representatives of different nationalities living in Kazakhstan, as well as improvement of the perfection of the country in achieving peace and stability in the society. Moreover, hospitable, generous and talented people of different nationalities express their zeal to the Kazakh people, respect for the language, history, culture and traditions of the Motherland. This is almost a model of tolerance culture in Kazakhstan.

Achieving spiritual maturity through the ambitious spirit in our blood from the previous generation is the road to the future. The essence of it is that friendship between the people is one of the goals of prosperity, peace and harmony.

References

- 1 Қазақстан халқы Ассамблеясы: алғашқы қадамдары (1995–1997 жж.): құжаттар мен материалдар жин. / М.Х. Жақыповтың жалпы ред. — Астана: «Жасыл Орда» ЖШС, 2015. — 206 б.
- 2 Назарбаев Н. Тарих толқынында / Н. Назарбаев. — Алматы: Атамұра, 1999. — 296 б.
- 3 Әуезов М. Жиырма томдық шығармалар жинағы / М. Әуезов. — Алматы: Жазушы, 1984. — Т. 15. — 328 б.
- 4 Рыскалиев Т.Х. Даналық пен түсініктің үлгілері (философия тарихына шолу) / Т.Х. Рыскалиев. — Алматы: Ақыл кітабы, 1999. — 240 б.
- 5 Назарбаев Н.Ә. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру / Н.Ә. Назарбаев // Егемен Қазақстан. — 2017. — 12 сәуір.
- 6 Кішібеков Д. Қазақ менталитеті: кеше, бүгін, ертең / Д. Кішібеков. — Алматы: Ғылым, 1999. — 200 б.
- 7 Төрқұл Н. Билер сөзі – ақылдың көзі / Н. Төрқұл. — Алматы: Қазақстан, 1996. — 240 б.
- 8 Қасенов Б.Қ. Намыс (философиялық эссе) / Б.Қ. Қасенов. — Қарағанды, 1999. — 254 б.

A.S. Sagatova, K.S. Tleugabylova

Рухани келісімнің өрісі мен өресі — бейбітшілік кепілі

Ұлттық мәдениетіміздің тарихи аясының кеңейіп, қайта жаңарып өркендеуі, халқымыздың мұралары мен дәстүрлерін қастерлеу — оның дүниежүзілік өркениеттер арасындағы өзіндік дербестігінің айғағы. Мақалада бабалар дәстүрін асқақтатуда олардың рухани-мәдени құндылықтық асыл мұраларының қазіргі таңдағы ұрпақтар сабақтастығының рухани жаңғыру кемеліне көтеру мәселелері жан-жақты зерделенген. Жалпы ұлттық болашақтың ұтымды ізденістері ретінде ел мүддесі мен тағдырына қатысты ұлтаралық келісім мен татулықтың өркен жаюына ықпал еткен бабаларымыздан талай ұрпақтары қалыптастырған достық пен туысқандық дәстүрінің қырлары тереңінен сараланған. Халқының мыңжылдық даналығын бойына сіңірген ұрпақтар жалғастығының рухани дәнекер ретіндегі рөлі зор. Ұлт мүддесіне қатысты зерделі, саналы ой-пікірлерді ортаға салған ұлттың ұлағатты тұлғаларының іс-әрекеті, қызметі ұлттық танымға, рухани өмірге кең өріс әкелді.

Халқымыздың азаматтық тарихы жаңаша байыпталған уақытта ежелгі дәуірден күні бүгінге дейінгі кезең ұлттық мұрат тұрғысынан зерделеніп, кең құлашты зерттеулерді қолға алғызды. Ұлы Дала рухы – еліміздің береке-бірлігі, игілігі мен ырзығы, бейбіт өмір мен тұрақтылығы, достығы мен бауырмалдылығының болашақ бағдарының арқауы.

Кілт сөздер: этникалық үйлесім, бейбітшілік, ынтымақтастық, Ассамблея, рухани құндылықтар, ұлттық сәйкестік, адамгершілік, ұлт рухы, ұлттық-мәдени даму.

А.С. Сағатова, К.С. Тлеугабылова

Духовное согласие — залог и гарантия мира

Идеалы общенационального достояния берут свое начало из великих гуманистических идей. Свидетельством этому являются модернизация истории национальной культуры, уважение обычаев и наследия предков, место страны в мировой цивилизации. В работе всесторонне изучены вопросы духовного возрождения, преемственности поколений в современном мире. Проанализированы аспекты дружбы и родства, традиции, сформировавшиеся многими поколениями, способствовавшие развитию межнационального согласия и процветанию нации. Изучение многовековой мудрости народа служит духовной, непрерывной связью между поколениями. В динамичный период национальная история казахского народа с древнейших времен до наших дней дает возможность для широкомасштабных исследований с точки зрения национальной идеологии. Дух Великой Степи — залог мира и стабильности, счастья и благополучия, дружбы и братства, процветания нашей страны.

Ключевые слова: этническая гармония, мир, взаимоотношения, Ассамблея, духовные ценности, национальная идентичность, мораль, дух нации, национально-культурное развитие.

References

- 1 Zhakipov, M.H. (2015). *Kazakhstan khalky assambleiasy: alhashky kadamdary (1995-1997) [Assembly of people of Kazakhstan: first steps (1995-1997)]*. Astana: «Zhassyl Orda» ZhShS» [in Kazakh].
- 2 Nazarbayev, N.A. (1999). *Tarikh tolhynynda [In the stream of history]*. Almaty: Atamura [in Kazakh].
- 3 Auezov, M.O. (1984). *Zhiyrma tomdyk shyharmalar zhinahy [Twenty-volume collection of works]*. (Vol. 15). Almaty: Zhazushy [in Russian].
- 4 Ryskaliyev, T.H. (1999). *Danalyk pen tusiniktin ulhilery (philosophia tarihynda sholu) [Examples of wisdom and concept (history of philosophy)]*. Almaty: Akyl kitabyy [in Kazakh].
- 5 Nazarbayev, N.A. (2017). *Bolashakka bahdar: rukhani zhanhyru [Orientation to the future: spiritual maturity]*. *Ehemen Kazakhstan – Egemen Kazakhstan* [in Kazakh].
- 6 Kishibekov, D. (1999). *Kazakh mentalitety: kewe, buhin, erten [Kazakh mentality: yesterday, today, and tomorrow]*. Almaty: Nauka [in Kazakh].
- 7 Torekul, N. (1996). *Biler sozi — akylдын кози [The Biy's word - source intelligence]*. Almaty: Kazakhstan [in Kazakh].
- 8 Kasenov, B.K. *Namys (philosophiialyk esse) [Honor (philosophical essay)]*. Karaganda [in Kazakh].

Z.G. Saktaganova, G.A. Mukataeva

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: gauhar-mukhataeva@yandex.kz)*

The role of Kazakhstan women in the years of the Great Patriotic War (based on materials of Central Kazakhstan)

The years 1941-1945 will live long in the memory of our people. The Great Patriotic War became the most tragic page in the history of the twentieth century. One of the most terrible in consequences and the most heroic in the feats and sacrifice of the Soviet people page of history. Women, along with men, children and old people, carried all the burdens of the Great War on their shoulders; they wrote many glorious pages in the chronicle of war. Women at the front were involved almost everywhere, they were doctors, drivers, pilots, snipers, signalwomen, scouts, reporters, gunners, tank crews, mechanics, served in the infantry. Women actively participated in the partisan movement. The article is devoted to the study of the role of women based on materials of Central Kazakhstan, fighting participants during the Great Patriotic War of 1941–1945. Their multifaceted activities and contributions to the Victory during the Great Patriotic War. The article considers the individual Kazakh women's fates of on the front roads of the war. Karaganda women during the Great Patriotic War showed themselves as spirit-resistant patriots, inspiring soldiers for feats in the name of the Motherland.

Keywords: Great Patriotic War, history of Kazakhstan, women, front, Central Kazakhstan, Karaganda girls, heroes, fighting feats.

The past days will not erase the glorious feats of the Soviet people from the face of the earth; the further history goes, the more significant become the events of those days. During the war, Kazakhstan sent 1,200 thousand people to the front line, including 82 thousand communists (2/3 of the pre-war numbers), 242 thousand Komsomol members (almost 70 %) and 5183 women and girls, as well as over 700 thousand in the labor army and special construction units. Is it a lot or a little? As a result of the census of 1939, 6.2 million people lived in Kazakhstan. Even taking into account the deployment in the republic of approximately 1.5 million evacuated residents of the front line and repressed peoples, the percentage of mobilization turned out to be very large [1; 450].

Kazakhstanis also participated in battles from the western border to the Pacific, where they had to destroy militaristic Japan. The number of people from Kazakhstan that took part in the war was 1,196,164, including in the labour army 700,000 Kazakhstanis, 4 cavalry regiments, 12 divisions and 50 different regiments. Thus, the human resources accounted for 60 % [2; 230–236].

During these difficult days, all the strength and power, men and women, regardless of age, nationality, non-party members and party members, Komsomol members, non-Komsomol members were all united to defend the Motherland [3; 5, 4; 71]. Here it's necessary to note that the military service in the USSR was an honorable duty not only for men, but also for women. The duty of women to military service in the USSR was recorded in an article 13 of the «Law on Universal Military Obligation», adopted in September 1939 [5]. According to this article, the People's Commissariats of Defense and the Navy were given the right to take into the army and the fleet women who had medical, veterinary and special technical training, as well as to attract them to training sessions. It was specifically noted that during wartime, women who had such training could be drafted into the army and navy for auxiliary and special service. According to an article 31 of the same Law, women aged from 19 to 50 years taken on record were included in the second category reserve [6; 4].

Based on the resolutions of the State Defense Committee, which was established on June 30, 1941 [7; 59–77], mass mobilization of women was carried out on March 25, and April 13 and 23, 1942 in order to serve in air defense forces, communications, internal security, on military highways, in the Navy and the Air Force, and in military communications. Girls with good health, who had to be at least 18 years old, were subject to the mobilization. The process of mobilization was carried out under the control of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union and local Komsomol organizations. At the same time, everything was taken into account: education (preferably not less than 5 classes), membership in the Komsomol, health status, absence of children. A lot of the girls were volunteers. However, there were also cases of unwillingness to serve in the ranks of the Soviet army. Such girls were sent to the place of conscription.

The first mobilization in the army ranks was in 1941. There are no exact figures on the number of those called up; the archive contains the lists of draftees in the documents of the Regional Military Commissariat [8; 76–92]. In general, the mass mobilization of women in the ranks of the army was carried out from April 1942 to May 1942, at that time 300 thousand women were mobilized to the air defense forces, just in June–July 1942, 30 thousand women were sent to the rear of the front and fleet, and in October 1942, the State Defense Committee issued a decree on the mobilization of 25 thousand women in the air-naval fleet. During the war, 5 mobilizations were carried out among female Komsomol members [6; 3].

During the years of the Great Patriotic War, along with all the people, Soviet women both at the front and in the rear showed unprecedented heroism. At the front in different periods of the war fought from 800 thousand up to 1 million women, hundreds of thousands of them fought against the invaders in partisan formations, over 15 million women worked in the rear of the country, making the military-economic potential for victory. Just in Kazakhstan, among volunteers, who submitted applications for conscription, 40 % of them were women [9; 3].

The contribution to the Victory, made by Kazakhstan women, among them by the women of Central Kazakhstan, is invaluable, they all stood up to defend the Motherland. The population of Central Kazakhstan was 442,501 people, of which in the Karaganda region on January 1, 1941 accounted for 323,001 people, in the Zhezkazgan region the number was 119,500 people. In general, in the Karaganda region, the number of mobilized to the front from June 22, 1941 to the end of 1945 accounted for 44,956 people [10; 35].

Unfortunately, according to the documents of the state archive of the Karaganda region, it is almost impossible to track the number of all our people, who were sent to the frontline and mobilized as volunteers, moreover, it is extremely difficult to track the number of women of Central Kazakhstan mobilized to the front. From the first months of the war, the number of soldiers mobilized to the front was concealed in documents of military office, therefore, it is quite difficult to trace these data on the materials of the regional archive. In these difficult days, women of all ages, professions, nationalities stood up to defend the Fatherland, all to whom the honor and independence of the Motherland was valuable. It is worth to say that according to V.S. Murmantsova, among 25 thousand volunteers' applications, received in 1941 from residents of the Karaganda region of Kazakhstan with a request to send to the front, over 10 thousand applications came from women [9; 5].

Documents from the funds of the State Archive of the Karaganda region (SAKR) indicate that by the end of 1941 more than 25 thousand applications had been submitted to the military commissariats of the Karaganda Region, 10 thousand of which belonged to girls and women [11; 7]. In August 1941, the Lenin military office of the Karaganda region received the following applications «to voluntarily serve in the ranks of the Red Army and send to the front: middle initial composition of 6 people; junior initial composition of 9 people; ordinary composition of 320; not fit for military service of 146; female of 125 people» [12; 20].

The first military units started to form in the early years of the war. This was specific not only to Kazakhstan, such actions were carried out throughout the country. According to the orders of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) and the State Committee of Defense of the USSR, the ranks of the Red Army had to be urgently filled. People of the Karaganda region formed 387-th Perekop Infantry Division, 72-nd Krasnogradskaya Krasnoznamennaya Infantry Division, 310-th Novgorod Infantry Division. The 387th Infantry Division was formed in Akmolinsk. It consisted of people of conscription age from the Karaganda, Akmola, and Kustanai regions. It fought on the Bryansk front, near Moscow, on the Stalingrad direction, participated in the storming of the Perekop shaft (for which it received the honorary title of Perekopskaya), freed Sevastopol, and took part in the capture of Bucharest [13; 66]. The 72-nd Krasnogradskaya Krasnoznamennaya Infantry Division was forming as the 29th Infantry Division from the mobilized residents of the Karaganda and Akmola regions in late 1941–1942 and fought in the 64th Army in defensive battles near Stalingrad, in the Battle of Kursk, in the battles for Kharkov, etc. In 1943 «Krasnogradskaya» division received its honorary name for liberation from the occupants the city of Krasnograd [14; 135]. In the summer of 1941 residents of the Karaganda, Akmola, Kustanai, Turgai and Dzhezkazgan regions were conscripted to the 310-th the Novgorod Lenin's Order Krasnoznamennaya Infantry Division. The division fought on the outskirts of Leningrad, in the battles near Novgorod received its honorary title «Novgorod», liberated Karelia, participated in the East Pomeranian and Berlin operations [15; 143, 144].

Karaganda people defended Moscow, Leningrad, Stalingrad, participated in the Battle of Kursk, liberated Ukraine, Moldova, Romania, Hungary, Austria, Czechoslovakia.

The heroism of Soviet women surprised not only their contemporaries, it still delights us. In fact, every third person who submitted an application to the frontline in our region were girls and women. Every fifth, who submitted an application to the front for the Lenin military office, were girls and women. In May 1942, 50 girls, graduates from one school in Karaganda fought on different fronts of the Great Patriotic War and this case is unique in the history of the region. Among them are the following volunteers: Rakhila Yeralina, Dameli Zhakeeva, Lyubov Vasina-Tsaplina, Ksenia Gorbunova, Raisa Kuzmenko-Kutishcheva, Taisiya Lytzar, Nadezhda Borisova-Bolshakova, Agrafena and Elena Anishchenko, Anna Kornienko, Evdokiya Sadmanova, Maria Ososkova, Zeyrova Osteyina, Elena Anastina, Anna Anishchenko, Maria Zueva, Valya Zyrenkova, Valya Sviridova, Anna Klientova, Maria Zhuravleva, Pelageya Gabich, Anastasiia Sgrabilova, Anna Golubeva, Lyubov Tsybina, Elena Yakhnova, Nina Ivleva and others. Their names can be found in the lists of the personnel of the Stalingrad, Kalinin, North-Western, Belorussian, Ukrainian fronts, some have ended their service on the liberated territory of Germany. After the war, many returned to Karaganda [16; 88–140].

The whole families went to the frontline. From the Anishchenko family, the three sisters from Karaganda at once went voluntarily to the front: Anishchenko Agrafena, Anishchenko Anna and Anishchenko Elena [17; 83].

At the same time, 30 volunteer girls from Balkhash went to the frontline. Not all of them returned from the fronts of World War II. In the Book of Memory of the Karaganda Region (according to data known until 1998) is given the death toll (17,679 people) on the fronts of World War II (without the former Zhezkazgan region), of which 16 are women [18–20].

As already was noted, it is difficult to systematically track the process of mobilization in the Karaganda region by months or years in the documents of the regional military office. The vast majority of statistical materials are encrypted with special codes, which makes it impossible to read them. However, the available archival documents allow us to continue to study the Great Patriotic War and the contribution of our countrymen, including women, to the Great Victory. Many of those who went to the front were not able to see this glorious Victory.

Women accounted for up to 80 percent of fighters in communications units. They worked as a telephonist, telegraph operators, radio operators, linear supervisors, delivered mail to the subunits, they did everything that had influence on the decision of large and small military operations.

Marshal of the Soviet Union, V.I. Chuykov, commander of the 62-nd army, who fought for Stalingrad, wrote about how faithfully the signalwomen carried out the order of the commander. The commanders were confident that under all conditions the connection would be provided. «When the artillery and mortars fired on this point, bombs fell from airplanes, enemies surrounded position, women still would not leave without an order, even if they are death threat» [21; 133].

During the war, intelligence played a huge role. The success of battles depended on how good was insight into the enemy, location of his fire system, the number of troops on the front line and in the rear, his intentions, action plans. All these data the military command could get through intelligence. Women in intelligence build up themselves physically, studied military arts, types of weapons and tactics of the enemy, mastered the art of radio communications, mastered public health, were ready for any ordeals. One of the few female intelligence officers during the war was Yeralina Rakhila from Central Kazakhstan [16; 12].

Thousands of Soviet women served in the Air Force. For example, according to V.S. Murmantsova in 1944 in the 13th Air Army of the Trans-Baikal Front there were 1,749 women, in the 10th Air Army of the Far Eastern Front over 3000, and as part of the 4th Air Army of the 2nd Belorussian Front, which included the 4th Guards women's aviation regiment - 4376 women, of which 237 are officers, 862 are sergeants. And it should be noted that for the first time in the history of the Soviet Air Force, when aviation regiments were created, consisting entirely of women: the 46th (formerly 588th) Guards Air Regiment of night bombers, the last fires inflicted on the enemy was near Berlin; The 125th (formerly 587th) Guards Aviation Regiment of daytime bombers, which fought from Stalingrad to East Prussia and the 588th Fighter Women's Aviation Regiment of Air Defense. Like all the wars of the Air Force, the women of the aviation regiments fought bravely against the enemy. Among them were Karaganda women: a gunner-radio operator Dameli Zhakeeva who flew 360 aircraft, including: IL-2 - 275, PE-2 - 85 times, motorists, guards sergeant Anishchenko Agrafena and Gorbunova Kseniya, Anna Klientova (Balykina) was aircraft engineer, Lyubov Vasina-Tsaplina was a master of aviation weapons and Raisa Kuzmenko-Kutishcheva, who served in the 659th Fighter Regiment [16, 22; 12]

The most significant role in terms of quantity and contribution among other qualifications played female medical workers. During the years of the Great Patriotic War, the work of medical workers was especially significant in the USSR; there were about 40,000 women among those awarded with orders and medals. Out of the total number of doctors, of which there were about 700 thousand in the army, almost 300 thousand were women (42 %), and among surgeons the female proportion was 43.4 %. Women (paramedics, sisters, medical instructors) made up the majority, it was them who made up more than 80 %. Among the doctors and nurses were Kazakh girls, Karaganda women our countrywomen, especially there were many females in the list of called up medical workers [9; 6, 7].

The Central Women's Sniper School prepared for the front 1061 snipers and 407 instructors of the sniper case. School graduates at the front killed 11,280 enemy officers and soldiers. There were snipers among the veterans of Karaganda, one of them was Maria Efimovna Shinkevich, a graduate of the Central Female School of Snipers [23; 166].

Among the girls and women of Central Kazakhstan, there are those, who during the Great Patriotic War mastered male professions with men, who fought in different parts, in different types of troops, and mastered military equipment in a short time, among them were pilots, tankmen, radio operators, scouts, and partisans.

Many participant women of the Great Patriotic War were not born in Central Kazakhstan, fate connected them with Kazakhstan in the post-war years. But our land has become their Fatherland, their home, and their fate is closely intertwined with the fate of our region. Among them: the Hero of the Soviet Union, Vera Khoruzhaya, who worked in the city of Balkhash [24; 115], the participants of the Resistance and partisan movements Elizaveta Gelfond, Vera Moskaleva, Galina Petrova, a scout woman Evdokia Zhirnyak, Nina Malanina, Maria Malysheva, Julia Karpachan; a translator Serafima Ponomareva [12, 3], signalers Lyubov Nikerova, Galina Egorova, Valentina Tyurina, Marina Reveguk, Nadezhda Chumak, Natalia Golub, Galina Peletskene; radio operators Margarita Kovalenko, Elena Bolotina; machine gunners Maria Belikova, Evdokia Belova; doctors Rakhima Kushkimbaeva, Nina Sorokina; nurses Valentina Alekseeva, Lyudmila Antonova, Maria Gassan, Maria Gurinova, Alexandra Korovina, Nadezhda Smirnova, Sofia Ivacheva; aviation officers Elena Minaeva; a driver Anna Kashina, medical instructor Nina Shulgina; hospital attendant Olga Orlova; anti-aircraft gunners Maria Artemyeva, Valentina Danilko, Maria Potapova and others [15, 16, 22, 23].

Heroic feats of 1571 Kazakh women who fought during the Great Patriotic War in the difficult days for the country are well known. And many of them did not return from the front line [25; 70–72].

During the Great Patriotic War, Kazakh girls showed vivid examples of endurance and perseverance. On the front lines of the Great Patriotic War were famous tank crews, natives of Central Kazakhstan. Tank girls became living legends. These are female tankers Kulzhamila Talkanbaeva and junior sergeant Zhamal Baytasova, scout Kulken Tokbergenova, radio operator and machine gunner Zhamila Beysenbayeva.

On August 22, 1944, an article about the tank crew of Kazakh girls from the Karaganda region for the first time appeared in the regional newspaper «Sovetskii Karagandy». A fighter Topatay Zhunusov wrote about them with admiration in 1944 to the regional newspaper, his field post 28054 - O [26]. In the battles for the liberation of Soviet Lithuania distinguished herself a female tanker, junior sergeant Zhamal Baitasova. She destroyed several earth-and-timber emplacements and bunkers of the fascists, participating in the breakthrough of the German defense when destroying the beautiful cities of Lithuania. A lot of fighting feats were to the girls' names, only thanks to the efforts of Kulzhamili Talkanbaeva in just one battle five enemy firing points were destroyed. A female tanker Kulken Tokbergenova showed heroism in battles, she was awarded three times for fulfilling the command orders. A machine gunner and radio operator Zhamilya Beysenbayeva distinguished herself in the battle of one of the tank crews.

A scout-topographer, a native of Nurinsky district of Karaganda region Rakhila Yeralina. She studied at school No. 20 in Karaganda, and in May 1942 was sent to the front line at the age of 20 among volunteers. Rakhila Yeralina of those who were included in the 50 female volunteers, who wrote an application to the military commissariat. The military commissariat sent her to preparatory courses at the Saratov Aviation Intelligence School. At the short-term military training of intelligence officers they were taught fly on a plane and jump with a parachute. The girls learned to shoot important military objects of an enemy, to show films. After completing the courses, she found herself at the most difficult part of the war, Stalingrad. Rakhila as part of a crew of 3 people flew to the rear of the enemy and shot enemy objects. Once their plane was shot down, but they managed to save films and found the partisans. In 1944, during the execution of the next combat mission, Rakhila was seriously wounded, and was treated at the hospital for six months, and returned to Karaganda. In 1949 she entered the Alma-Ata Medical Institute, worked for 27 years as the chief doctor of Karaganda. She was awarded the medal «Excellence in Health» for 30 years of work in health care [27].

A pilot, sniper and signaller, a native of Karaganda region Dameli Zhakeeva. Among the 50 volunteer girls was sent to the front line in 1942. Initially studied at the Volsk Aviation School in Saratov, the studies lasted 2 months instead of 9. There Damela mastered the mechanics qualification and learned to shoot. To rotate a machine gun at 360 degrees, you need to apply a force of 72 kg., she weighed only 40 kg, was the smallest, therefore she became the radio operator. She served in the air regiment during the war. From August 1942 to January 1944, she fought in the North Caucasus front. From 1944 she was on the Baltic, Leningrad and First Belorussian fronts. In 1943, on August 16, sergeant Zhakeeva was wounded in her right hand and lost one finger. After the hospital she was transferred to the 367th Aviation Regiment. She received a baptism by fire at Stalingrad, participated in the liberation of Siauliai, Kaunas and the capture of Berlin. The only Kazakh women who celebrated the Victory Day in Berlin. Dameli Zhakeeva has the following awards: «For the liberation of Stalingrad», «For Military Merit», «Order of the Patriotic War of I degree» During post-war time she worked in Karaganda, had responsible positions [16, 17].

Military doctor of the 3rd category Gulimzhan Karsybekova. She early became an orphan, and was brought up by her uncle in the Karkaraly district of the Karaganda region. In 1942, she graduated from the Alma-Ata Medical Institute completing 2 years of accelerated program. Participated in breaking the blockade of Leningrad. She was as a medical doctor in Europe: Poland, Czechoslovakia, Germany. For the liberation of Novgorod, she was awarded the Order of Lenin and World War of II degree, more than 10 medals, including the medal «For Victory over Germany», the Emblem of the Honored worker of higher school of Kazakhstan. In 1979, she was recognized as an honorary citizen of the city of Karaganda [23, 122–124] for her unbearable contribution to the military-patriotic education of the younger generation, and for her active participation in public life [28; 12].

Military railway worker, junior lieutenant, a native of Osakarovsk district of Karaganda region Umit Tolkybekova. In 1940 she graduated from school number 1 in Osakarovka, and in 1941 voluntarily went to the front line. The military commissariat sent her to the railway transport. She served on the West-Eastern military railroad as an assistant to the fireman of the train. She was seriously wounded near Moscow and in 1942 returned to her homeland

A military signalwoman Raushan Madieva. On August 1, 1942 she went to the front line, served as part of the 116th Infantry Regiment as a signalwoman. She took part in the liberation of Moscow, Leningrad. Victory Day celebrated in Poland. She was demobilized from the war in 1946, and worked at a mine's sub-station as a woman on duty [17; 90].

The military doctor, the senior lieutenant of the medical service Rakhima Koshkumbaeva was born in Orenburg. A 1942 graduate of Almaty Medical Institute. On June 17, 1943 she was enlisted in the ranks of the army. Initially, she was sent to the Moscow Medical Administration for a 3-month course of a young soldier, then she was sent to the surgical hospital of the First Voronezh Front, then to the evacuation hospital. There are wonderful memories in the woman's life. Despite the fact that there was the bloody war, she met her future husband in 1944, in Poland. From 1947 until retirement, she worked in the Ulyanovsk district of the Karaganda region at the Sverdlov State Farm in the local hospital as head doctor [24].

Maida Aymaganbetova worked as an employee of the newspaper «Sovetik Karagandy» before the war. Along with 50 girls, Karaganda went to the front line in 1942, and in 1943 she returned [17; 84, 85].

Nurse Gaziza Omarbayeva participated in many battles. In one of the battles in the Soldus area (Latvian SSR), while assisting the wounded man, he was shot by an enemy's bullet. For her exemplary performance of combat missions, she was awarded government awards [17; 240].

Machine gunner Aymereke Bekbolatovna Kubeeva was born on May 27, 1927 in the city of Uralsk, West Kazakhstan region. As a volunteer went to the Stalingrad front. In the army, she was a machine gunner of anti-aircraft artillery of the 10th battery of the 1873th anti-aircraft artillery regiment. Along with the Hero of the Soviet Union, Aliya Moldagulova, near the city of Stalingrad, she was a scout of the reconnaissance company. After the third injury, he was sent to the 250th communications recovery train of the Red Army [23; 258, 259]. From June 1942 to February 1943 participated in the Battle of Stalingrad and the defense of the Caucasus, in the liberation of Kiev, Rostov-on-Don, Voronezh, Rivne, Shepetivka, East Prussia. She was released from active duty in 1945, and lived in the town of Priozersk, Karaganda region. She was awarded medals «For Courage», «For Military Merit», «For Victory over Germany», commemorative medals of the Armed Forces and Victory.

Hundreds of thousands of lines can be written about each war veteran woman that glorify their courage. Their contribution to the Great Victory was immense, and a generation of people, who did not know the war, bow their heads before their heroism [29].

Women of Central Kazakhstan, along with men, actively participated in the defense of the Motherland, fighting shoulder to shoulder with men. Despite their young age, girls impress with their bravery. We have to respect the names of women who participated in the Great Patriotic War, who by this very action had already shown great heroism.

The contribution of women from Central Kazakhstan will be an eternal example, evoking pride and admiration of present and future generations.

References

- 1 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): [в 5-т.]. Т. 4 / К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Б.Е. Кумеков и др. — Алматы: Атамұра, 2009. — 768 с.
- 2 Балақаев Т., Алдажұманов Қ. Қазақстан еңбекшілері майдан қызметінде (1941–1945 жж.). — Алматы: Ғылым, 1985. — 325 б.
- 3 ГАКО. Ф.222. Оп.1. Д.2. Л.5.
- 4 ГАКО. Ф.62. Оп.1. Д.72. Л.71.
- 5 Закон о всеобщей воинской обязанности. 1939 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/suvorov2/>.
- 6 Петрова Н.К. Женщины Великой Отечественной войны. — М.: Вече, 2018. — 696 с.
- 7 ГАКО. Ф. 63. Оп.2. Д.52. Л.59–77.
- 8 ГАКО. Ф. 64. Оп.2. Д.63. Л.76–92.
- 9 Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне / В.С. Мурманцева. — М.: Знание, 1987. — 64 с.
- 10 Книга памяти. Боздақтар. Жинақтама том / Құраст.: П.С. Белан, Н. Едігенов. — Алматы: Қазақстан, 1995. — 480 б.
- 11 ГАКО. Ф.67. Оп.3. Д.175. Л.7.
- 12 ГАКО. Ф.65. Оп.2. Д.54. Л.20.
- 13 Казахстан в Великой Отечественной войне: Очерки. Вып. 1 — Алма-Ата: Наука, 1968. — 289 с.
- 14 Дубицкий А. На грозном ветру / А. Дубицкий. — Алма-Ата: Казахстан, 1970. — 184 с.
- 15 Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия. — Алматы, 2008. — 528 с.
- 16 Лукпанов Е.С. Боевые подруги / Е.С. Лукпанов, М.С. Сембаев. — Караганда, 1995. — 140 с.
- 17 Сактаганова З.Г. Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / З.Г. Сактаганова, Ж.Ж. Турсынова, А.Ж. Смагулов. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2016. — 256 с.
- 18 Книга памяти. Боздақтар. Карагандинская область. — Т. 1. — Алматы: Қазақ энцикл., 1994. — 496 с.
- 19 Книга памяти. Боздақтар. Карагандинская область. — Т. 2. — Алматы: Қазақ энцикл., 1995. — 624 с.
- 20 Книга памяти. Боздақтар. Карагандинская область. — Т. 3. — Алматы: Қазақ энцикл., 1998. — 542 с.
- 21 Чуйков В.И. Беспримерный подвиг / В.И. Чуйков. — М.: Политиздат, 1965. — 159 с.
- 22 Темиргалиева К. Воевали и работали на равных с мужчинами / К. Темиргалиева // Индустриальная Караганда. — 2006. — 7 марта. — С. 12.
- 23 Балқаш. Тарих беттері (1936–2007): Құжаттар мен материалдар жин. — Қарағанды: «Арка және К» ЖШС, 2007. — 438 б.
- 24 Солдаты Победы. Карагандинцы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. — Караганда, 2015. — 423 с.
- 25 Асқаров Т. Аруларымызды ардақтай білейік / Т. Асқаров // Сарыарқа. — 1995. — № 2. — 70–72-б.
- 26 Советтік Қарағанды. — 1944. — № 106(2356). — 22 тамыз.
- 27 Кәрімов Р. Қазақтың ұшқыш қыздары / Р. Кәрімов // Сыр бойы. — 2018. — 4 тамыз.
- 28 Исакова Г. Жизнь как подвиг / Г. Исакова // Индустриальная Караганда. — 2002. — 1 мая. — С. 12.
- 29 Голуб Е. Женщины войны / Е. Голуб // Нура. — 2000. — 4 марта.

З.Г. Сактаганова, Г.А. Мухатаева

Қазақстандық әйелдердің Ұлы Отан соғысы жылдарындағы рөлі (Орталық Қазақстан материалдарының негізінде)

Ұлы Отан соғысы XX ғасыр тарихындағы ең азапты күндер болды. Тарих беттерінің ішіндегі кеңестік адамдардың тағдырындағы ең көп құрбандыққа барған, зардаптары ауыр және де көп ерліктер жасалынған сәттер. Әйелдер ерлермен бірдей, балалармен және ақсақалдармен Ұлы Отан соғыстың ауырпашылықтарын өз иықтарында көтеріп шығып, соғыс шежіресін даңқты беттермен толтыра алды. Әйелдер қан майданда түрлі әскери мамандықты меңгеріп, майданның әр тұсында шайқасты, олардың арасында дәрігер де, жүргізуші де, ұшқыш та, мерген де, байланысшы да, барлаушы да, тілші де, артиллерист те, танкист те, механик те болды, жау әскерде де қызметтерін өтеді, әйелдер партизан

козғалыстарына да белсенді қатысқан. Мақала Орталық Қазақстан материалдарының негізінде әйелдердің 1941–1945 жж. Ұлы Отан соғысы жылдарындағы жауынгерлік іс-қимылдарына қатысуын, олардың Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Жәніске қосқан үлестері туралы мәселелерді зерттеуге арналған. Мақалада Ұлы Отан соғысы жылдарындағы майдан жолындағы жекелеген қазақ әйелдерінің тағдыры қарастырылды. Ұлы Отан соғысы жылдарында қарағандылық әйелдер өздерін Отан үшін ерлік жасай алатын жауынгерлер, рухтары биік патриоттар ретінде көрсете білді.

Кілт сөздер: Ұлы Отан соғысы, Қазақстан тарихы, әйелдер, майдан, Орталық Қазақстан, қарағандылық қыздар, батырлар, әскери ерліктер.

З.Г. Сактаганова, Г.А. Мухатаева

Роль казахстанских женщин в годы Великой Отечественной войны (по материалам Центрального Казахстана)

Великая Отечественная война стала самой трагической страницей в истории XX в. — одна из самых страшных по последствиям и самым героическим по подвигам и жертвенности советских людей страница истории. Женщины вместе с мужчинами, детьми и стариками вынесли на своих плечах все тяготы войны, они вписали в её летопись немало славных страниц. Женщины на фронте были задействованы практически везде, они были медиками, шоферами, летчицами, снайперами, связистками, разведчицами, репортерами, артиллеристами, танкистами, механиками, служили в пехоте, женщины активно участвовали в партизанском движении. Статья посвящена исследованию роли женщин-участниц боевых действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., выявлен их вклад в Победу. В статье рассматриваются отдельные женские судьбы казахских женщин на фронтовых дорогах войны. Отмечено, что карагандинские женщины в годы Великой Отечественной войны показали себя как стойкие духом патриотки, вдохновляющие воинов на подвиги во имя Родины.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история Казахстана, женщины, фронт, Центральный Казахстан, карагандинские девушки, герои, боевые подвиги.

References

- 1 Akishev, K.A., Baipakov, K.M., & Kumekov, B.E. (2009). *Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. (Vols. 1-5; Vol. 4). Almaty: Atamura [in Kazakh].
- 2 Balaqaeв, T., & Aldajumanov, K. (1985). *Kazakstan enbekshileri maيدan kызmetinde (1941-1945 zhzh.)*. [Kazakh workers in the service of the front (1941-1945)]. Almaty: Hylım [in Kazakh].
- 3 GAKO. F. 222. op. 1, d. 2. l. 5. [State archive of Karaganda region]. Karaganda [in Kazakh].
- 4 GAKO. F. 62. op. 1, d. 72. l. 71 [State archive of Karaganda region]. Karaganda [in Kazakh].
- 5 Zakon o vseobshei voinskoй obiazannosti (1939) [The law on universal military duty]. *militera.lib.ru*. Retrieved from <http://militera.lib.ru/research/suvorov2/> [in Russian].
- 6 Petrova, N.K. (1939). *Zhenshchiny Velikoi Otechestvennoй voiny* [Women of the great Patriotic war]. Moscow: Veche [in Russian].
- 7 GAKO. F. 63. op. 2, d. 52. l. 59–77 [State archive of Karaganda region]. Karaganda [in Kazakh].
- 8 GAKO. F. 64. op. 2, d. 63. l. 76–92 [State archive of Karaganda region]. Karaganda [in Kazakh].
- 9 Murmanzeva, V.S. (1995). *Sovetskie zhenshchiny Velikoi Otechestvennoй voiny* [Soviet women of the great Patriotic war]. Moscow: Znanie [in Russian].
- 10 Belan, P.S., & Edigenov, N. (1995). *Kniha pamiati. Bozdaktar. Zhinaktama tom* [Book of memory: Summary volume]. Almaty: Kazakhstan [in Kazakh].
- 11 GAKO. F. 67. op. 3, d. 175. l. 7 [State archive of Karaganda region]. Karaganda [in Kazakh].
- 12 GAKO. F. 65. op. 2, d. 54. l. 20 [State archive of Karaganda region]. Karaganda [in Kazakh].
- 13 Kazakhstan v Velikoi Otechestvennoй voine (1968) [Kazakhstan in the great Patriotic war]. Almaty: Nauka [in Kazakh].
- 14 Dubitskii, A. (1970). *Na hrozovom vetru* [In a stormy wind]. Almaty [in Kazakh].
- 15 *Karahanda. Karahandinskaia oblast: Entsiklopedia* (2008) [Karaganda. Karaganda region: Encyclopedia]. Almaty [in Kazakh].
- 16 Lukpanov, E.S., Sembaev, M.S. (1985). *Boevye podruhi* [Fighting girl friend]. Karaganda [in Kazakh].
- 17 Saktaganova, Z.G., Tursynova, J.J., & Smagulov, A.J. (2016). *Zhenshchiny Tsentralnoho Kazakhstana v hody Velikoi Otechestvennoй voiny* [Women of Central Kazakhstan during the great Patriotic war]. Karaganda: Izdatelstvo KSU [in Kazakh].
- 18 *Kniha pamiati. Bozdaktar. Karahandinskaia oblast* (1994) [Book of memory. Karaganda region]. Vol. 1. Almaty: Kazakh entsiklopedia [in Kazakh].
- 19 *Kniha pamiati. Bozdaktar. Karahandinskaia oblast* (1995) [Book of memory. Karaganda region]. Vol. 2. Almaty: Kazakh entsiklopedia [in Kazakh].

- 20 *Kniha pamiati. Bozdaktar. Karahandinskaia oblast* (1998) [*Book of memory. Karaganda region*]. Vol. 3. Almaty: *Kazakh entsiklopedia* [in Kazakh].
- 21 Chuykov, V.I. (1998). *Besprimernyi podvih* [*Unprecedented feat*]. Moscow [in Russian].
- 22 Temirgalieva, K. (2006). *Voevali i rabotali na ravnykh s muzhchinami* [Fought and worked on equal terms with men]. *Industrialnaia Karahanda – Industrial Karaganda*, 7 March, 12 [in Kazakh].
- 23 Balkash. *Tarikh betteri (1936-2007). Kuzhattar men materialdar zhinahy* (2007) [*Book of memory*]. Karaganda: ZhShS «Arka zhane K» [in Kazakh].
- 24 *Soldaty Pobedy. Karahandintsy v hody Velikoi Otechestvennoi voiny* (2015) [*Soldiers Of Victory. Karaganda during the Great Patriotic war*]. Karaganda [in Kazakh].
- 25 Asqarov, T. (1995). *Arularymyzdy ardaktai bileiik* [Take care of women]. *Saryarka – Saryarka*, 2, 70–72 [in Kazakhstan].
- 26 *Sovetik Karahandy – Soviet Karaganda*, (1944), 106 (2356), 22 Auhust [in Kazakh].
- 27 Karimov, R. (2018). *Kazaktin ushkysh kizdary* [Soviet female pilots]. *Syr boiy – On the banks of the river Syr Darya*, 4 August [in Kazakh].
- 28 Iskakova, G. (2002). *Zhizn kak podvih* [Life as a feat]. *Industrialnaia Karahanda – Industrial Karaganda*, 1 May, 12 [in Kazakh].
- 29 Golub, E. (2000). *Zhenshchiny voiny* [Women of war]. *Nura – Nura*, 4 March [in Kazakh].

А.М. Жаркенова

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: zharkenova2011@mail.ru)*

Полиэтнический состав населения Северного Казахстана в конце XIX — начале XXI вв.: исторические особенности, современные тенденции и перспективы

В статье рассмотрены особенности формирования полиэтнического состава населения Северного Казахстана с 1897-го по 2016 г. включительно. Ключевым фактором превращения моноэтнического региона с казахским населением в многонациональный, с длительным преобладанием русско-славянского компонента, стали масштабные миграции, связанные с приоритетами социально-экономической политики сначала царской России, а затем советского государства. Начиная с 90-х годов XX в. миграции меняют вектор в сторону оттока немецкого, русского, украинского и других этносов за пределы Казахстана и в дальнейшем зарубежье. Автор приходит к выводу, что в настоящее время казахскому этносу удалось в некоторой степени вернуть утраченные позиции, увеличив свою численность и удельный вес, тем не менее и в дальнейшей перспективе будет сохраняться полиэтническая структура населения в регионе при практически равном представительстве двух крупнейших этносов — казахов и русских.

Ключевые слова: этническая структура, полиэтнический состав, русско-славянский компонент, миграция, миграционное сальдо, старение населения, естественный прирост.

Современная этническая структура населения Северного Казахстана формировалась в течение длительного периода, во время которого она неоднократно претерпевала серьезные изменения и трансформации. Еще в середине XIX века население региона обладало почти моноэтнической структурой с полным преобладанием казахов. С конца XX в. и до образования суверенного государства динамика этнического состава характеризовалась постоянным расширением представительства различных этносов, доминированием русско-славянского компонента и снижением удельного веса казахов. В целом по Казахстану только к 25-летию независимости казахи вернули свое демографическое преимущество, став наиболее многочисленным этносом. Что касается Северного Казахстана, то и сегодня казахи не составляют первую по численности группу не только в отдельных районах, но даже в целом по областям региона. Главным фактором роста численности русских в составе населения региона явился миграционный процесс. Практически все современные авторы (А.Н. Алексеенко, Е.П. Зимовина, Н.В. Алексеенко и другие), как и более ранние исследователи (М-А.Х. Асылбеков, Н.Е. Бекмаханова и другие), в качестве основного фактора изменения этноструктуры населения Казахстана называют миграцию. Так, Н.В. Алексеенко пишет, что «с конца XIX в. (перепись населения 1897 г.) до конца века XX (перепись населения 1989 г.) ведущей этнической компонентой в динамике численности населения являлись русские. За обозначенный период их стало больше в 11,2 раза, тогда как казахов — в 1,8 раза, т.е. темпы роста числа русских были в 6,2 раза выше. Удельный вес русских в составе населения Казахстана быстро рос, достигнув максимума к концу 50-х – началу 60-х г. Удельный вес казахского этноса в эти годы снижается до минимального значения» [1; 87].

Выделяется несколько этапов миграции, в которые происходили наиболее существенные изменения этнического состава населения Казахстана. «Наиболее активно протекали они в 1939–1970 г. — более половины всех проживающих в конце 80-х г. русских Казахстан получил именно в этом временном диапазоне» [2; 89]. В 30-е годы и в период Великой Отечественной войны насильственная миграция серьезно увеличила полиэтничность Казахстана за счет десятков депортированных народов, репрессированных и ссыльных.

В 90-е годы XX в. миграция приобрела обратный вектор — за пределы Казахстана устремились потоки русских, украинцев, белорусов, немцев и других этносов. Отрицательное миграционное сальдо приняло угрожающие для национальной безопасности масштабы. Стремительно теряющая население страна стала активно предпринимать меры по росту иммиграции, началась репатриация этнических казахов-оралманов. В начале XXI в. миграционное сальдо приобретает устойчивые положи-

тельные характеристики, эмиграция идет на спад в результате достижений в социально-экономической сфере и исчерпания миграционного потенциала европейских этносов.

Соглашаясь с авторами в части влияния миграционного фактора на численность и полиэтнический состав населения Казахстана, отметим, что миграции являлись следствием и средством социально-экономической политики и активизации процессов сначала капиталистической модернизации (реформы Александра I и П. Столыпина), затем советской (индустриализация, коллективизация, реформы Н. Хрущева, Л. Брежнева, перестройка М. Горбачева, распад СССР) и форсированной модернизации в современный период.

С 1897 г. и по настоящее время этническая структура населения Казахстана находится в постоянном движении, меняются представительство разных этносов, их численность и удельный вес. Казахи, представлявшие в середине XIX в. моноэтническое общество, уже к переписи 1897 г. начинают утрачивать это свойство. По переписи 1959 г. они подходят к самой низкой планке своего удельного веса в составе населения, затем идет рост, продолжающийся и в настоящее время. С 1897 по 1959 гг. шел интенсивный рост численности и удельного веса русских, украинцев, белорусов, немцев и татар, сменившийся позднее поначалу небольшим, а затем все более усиливающимся спадом.

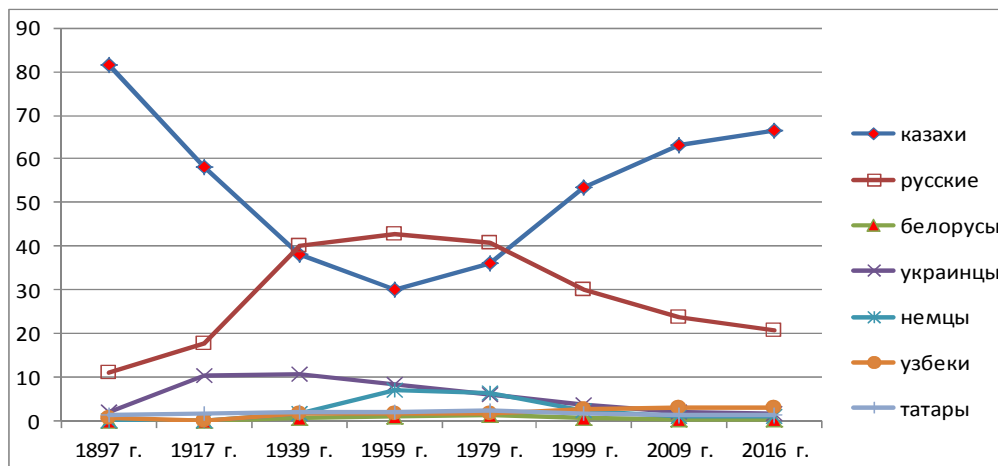

Рисунок. Динамика численности основных этносов в 1897–2016 гг.

Из приведенного рисунка видно, как происходило изменение удельного веса казахов, русских, украинцев, белорусов, немцев, узбеков и татар в общем составе населения в период 1897–2016 гг. Казахи еще не подошли к уровню, соответствующему 1897 г. Русские вернулись к черте 1926 г., а украинцы — к уровню 1897 г. Удельный вес немецкого населения упал до показателей 1939 г., когда начались процессы депортации. Доля белорусского и татарского этносов, достигнув максимума в 1979 г., пошла на спад. Кроме казахов, из основных этносов только узбекам удалось несколько увеличить свой удельный вес.

Этнодемографическое развитие Северного Казахстана наряду с общими тенденциями всегда имело и имеет свои отличительные особенности. Сегодня регион представлен четырьмя областями — Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской. Одной из главных проблем Северного Казахстана является сокращение численности населения, в то время как в стране в целом процесс снижения сменился ростом. Численность населения Северного Казахстана в 1897–2016 гг. приведена в таблице 1 [3].

Т а б л и ц а 1

Численность населения Северного Казахстана в 1897–2016 гг. (тыс.чел.)

Годы	Северный Казахстан	Казахстан
1	2	3
1897	682,6	5 118,5
1926	1 971,8	6 503,0
1939	1 619,1	6 151,1

1	2	3
1959	2 753,1	9 309,8
1970	3 708,9	12 848,5
1979	4 008,5	14 684,2
1989	4 429,6	16 464,4
1999	3 387,0	14 953,0
2009	2 756,3	15 982,4
2016	3 828,5	17 670,5

С момента Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и до последней советской переписи 1989 г. численность жителей Северного Казахстана росла высокими, а в отдельные периоды сверхвысокими темпами. Исключение составляет период с 1926 г. по 1939 гг., когда в результате насильственной коллективизации, вызвавшей массовый голод, произошло сокращение населения на 352,679 тыс. чел. (Это только по официальным данным переписи 1939 г., результаты которой во многом спорны.)

За 1897–1926 гг. численность населения региона увеличилась в 2,9 раза, или на 1 280,2 тыс. чел., в то время как общая численность населения Казахстана выросла на 1 395 тыс. чел. То есть практически весь прирост был обеспечен северными областями — почти 92 %.

В 1939–1959 гг. численность Северного Казахстана выросла в 1,7 раза, или на 1 134 тыс. чел., а по Казахстану — на 3 158 тыс. чел. Доля региона в приросте составила почти 36 %. В 1959–1970 гг. рост произошел в 1,3 раза, а доля в общем приросте уменьшилась до 30 %. Как мы видим, наиболее высокие темпы роста численности населения в Северном Казахстане были обусловлены теми же социально-экономическими процессами, что и в целом по Казахстану, но выражены более выпукло.

С 1989 г. идет спад численности населения, достигший максимума в 2009 г., после чего наблюдается рост. В 1999 г. по сравнению с 1989 г. сокращение составило 1 042 тыс. чел., тогда как по Казахстану — 1 511 тыс. чел. Следовательно, доля региона в сокращении общей численности населения составила почти 69 %. Максимальное снижение количества жителей в северных областях было зафиксировано переписью 2009 г., когда в сравнении с 1989 г. оно превысило 1 660 тыс. чел. После 2009 г. начинается постепенный рост.

В результате в 2016 г. численность населения региона превысила уровень 1999 г. на 441,57 тыс. чел., но была ниже уровня 1989 г. более чем на 600 тыс. чел. Население региона на 2016 г. составило 3 828 570 чел., т.е. около 21,7 % от общей численности в Республике Казахстан. Очень хотелось бы надеяться, что тенденция роста численности населения не прервется.

Развитие этнической структуры населения Северного Казахстана также обладает своими особенностями. На протяжении исследуемого периода национальный состав несколько раз изменялся. При этом выделяются периоды, в которых эти изменения были наиболее заметными. С 1897 г. этноструктура населения региона определяется несколькими основными этносами, доля которых наиболее существенна.

В изменении численности основных этносов Северного Казахстана в 1897–2014 гг. наблюдались разновекторные процессы. Казахское население показывало рост (за исключением 1926–1939 гг.), активизировавшийся с 1959 г., и в особенности с 1989 г. Динамика численности основных этносов Северного Казахстана в 1897–2014 гг. приведена в таблице 2 [4].

Таблица 2

Динамика численности основных этносов Северного Казахстана в 1897–2014 гг. (тыс.чел.)

Годы	Казахи	Русские	Украинцы	Белорусы	Немцы	Татары	Поляки	Узбеки	Чеченцы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1897	389,2	123,5	46,8	Н.д.*	1,5	9,9	Н.д.*	0,6	Н.д.*
1926	788,0	526,4	154,3	Н.д.*	39,0	25,5	29,1	0,4	Н.д.*
1939	445,8	689,6	305,2	4,1	49,4	28,0	41,1	Н.д.*	Н.д.*
1959	512,3	1 242,3	395,9	64,3	333,9	50,0	40,3	1,6	16,7
1970	743,0	1 732,6	487,7	11,8	388,3	78,9	45,4	4,4	5,5

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1979	896,6	1 893,9	451,4	101,7	405,6	92,0	43,8	3,5	6,0
1989	1 075,6	2 044,2	452,7	100,6	450,7	99,6	44,1	4,9	10,6
1999	1 205,0	837,6	182,9	64,4	199,4	70,8	31,8	2,3	5,0
2009	1 213,1	1 221,6	231,6	49,1	111,5	61,3	18,9	3,6	8,9
2014	1 275,0	1 192,4	148,9	35,7	78,1	56,5	23,3	4,1	7,5

Н.д.* – нет данных.

Увеличение обеспечивалось главным образом в результате повышения естественного прироста, а с 2009 г. небольшую роль стал играть фактор возвращения репатриантов. В 1926–1939 гг. численность казахов сократилась на 342,2 тыс.чел. из 1 314,0 тыс.чел. общих потерь населения. Тогда как численность других основных этносов показала увеличение за счет масштабного миграционного притока, перекрывшего потери от голода. О роли миграции в росте численности некоренных этносов говорят темпы прироста. В 1926 г. численность русских увеличилась в 4,3 раза, украинцев — в 3,3 раза, тогда как казахи показали рост в 2 раза. В 1959 г. по сравнению с 1939 г. количество русских выросло на 552 с лишним тысячи; если округлить цифровые данные, то украинцев — на 90 тыс. чел., а казахов — всего на 67 тыс. Численность русских, немцев, татар, поляков и узбеков увеличивалась до 1989 г., украинцев и белорусов — до 1970 г. А чеченцы уже в 1970 г. резко снизили численность по сравнению с 1959 г. в результате возвращения из насильственной ссылки в родные места. Максимальное количество русских и украинцев в этнической структуре населения региона отмечено в переписи 1989 г. — 2 044 277 чел. и 452 726 чел. соответственно. Казахов же было в два раза меньше, чем русских — 1 075 686. Тогда же удельный вес русских в составе населения Северного Казахстана достиг максимума — 46 %, а казахов снизился до 24,3 %. Доля украинцев составила 10,2, немцев — 10,1, белорусов — 2,3 %.

Таким образом, удельный вес славянских этносов в 1989 г. в регионе в совокупности достигал 54,5 %, вместе с немцами — 64,6 %. По сравнению с 1897 г. доля русских увеличилась на 27,9 пункта, а казахов — сократилась на 32,8 пункта. Наиболее высокая численность белорусов — 115 897 чел. имела в 1970 г. В 1989 г. численность немцев достигла максимальной отметки в 450 711, тогда же отмечена самая большая численность татар (99 665 чел.), поляков (44 198 чел.), узбеков (4 937 чел.), чеченцев (10 617 чел.).

В 1999 г. все этнические группы, кроме казахов, показали сокращение: русские — в 2,4, украинцы — в 2,3, немцы — в 2,25, белорусы — в 1,6, поляки — в 1,4 раза.

Большой интерес представляют данные переписи 2009 г. в сравнении с 1999 г. В 2009 г. произошло увеличение численности русских, казахов, украинцев, узбеков и чеченцев. Сократилось количество белорусов, немцев, татар, поляков. При этом русские показали гораздо больший рост, чем казахи. То же касается и украинцев. Численность русских выросла по сравнению с 1999 г. с 837 661 до 1 221 646 чел. (на 383 985), украинцев — с 182 942 до 231 685 чел. (на 48 743), тогда как казахи показали рост с 1 205 027 до 1 213 190 чел. — на 8 163 чел.

2014 г. ознаменовался разновекторными тенденциями в изменении численности этнических групп в регионе. Так, казахское население продемонстрировало продолжение роста, а русское, украинское, белорусское, немецкое, татарское и чеченское население — спад. Поляки и узбеки несколько увеличили свою численность. В процентном соотношении в 2014 г. казахи составили по региону 43,3 %, а русские — 40,5 %. При этом в разрезе областей процентное соотношение казахов, русских и других этносов распределяется неравномерно. Казахи составляют свыше 50 % в Акмолинской и Павлодарской областях, меньше всего их в Северо-Казахстанской области — 34,62 %. Русские составляют почти 50 % в Северо-Казахстанской и 41,58 % в Костанайской области. Больше всего украинцев в Костанайской области — 8,60 %. Белорусы составляют 1,54 % в Костанайской области и 1,4 % — в Акмолинской. По 3,54 % немцев проживает в Акмолинской и Костанайской областях. В общей численности населения Северо-Казахстанской области 2,16 % поляков и 2,17 % татар. Чеченцы и узбеки больше концентрируются в Акмолинской области. Более высокий процент азербайджанцев, башкир и корейцев представлен в составе населения Костанайской области. По сравнению с этнической структурой населения всего Казахстана в регионе продолжает сохраняться иное соотношение. Так, доля

казахов в стране приближается к 67 %, а в Северном Казахстане — в среднем 43,9 %. Доля русских в РК — около 21 %, а в регионе — 40,35 %. На сегодняшний день этническая структура Северного Казахстана представлена шестью основными этносами. Удельный вес казахов составляет 43,9 %, русских — 40,35 %, украинцев — 5,52 %, немцев — 3,26 %, татар — 1,92 %, белорусов — 1,14 %. Доля седьмого по численности этноса — поляков уменьшилась до 0,88 %. При этом происходит повышение долей других этносов — азербайджанцев, чеченцев, башкир, узбеков. Об изменениях удельного веса этнических групп Северного Казахстана в 2016 г. можно судить по данным таблицы 3 [5].

Т а б л и ц а 3

Доля этносов в общей численности областей Северного Казахстана на начало 2016 г. (%)

Этносы	Акмолинская область	Костанайская область	Павлодарская область	Северо-Казахстанская область
Казахи	50,40	39,71	50,87	34,62
Русские	33,58	41,58	36,49	49,76
Украинцы	4,54	8,60	4,60	4,35
Белорусы	1,40	1,54	0,62	1,01
Немцы	3,54	3,17	2,79	3,54
Поляки	1,08	0,17	0,12	2,16
Татары	1,81	1,84	1,87	2,17
Азербайджанцы	0,28	0,43	0,27	0,32
Узбеки	0,18	0,14	0,17	0,09
Чеченцы	0,44	0,22	0,24	0,11
Корейцы	0,19	0,44	0,14	0,08
Башкиры	0,26	0,43	0,17	0,12

Если для всего Казахстана, по прогнозам некоторых демографов, «при нынешней динамике доля казахского населения к 2030 г. приблизится к 90 %» [6], это позволяет говорить о возврате к мононациональной структуре. Но анализ, проведенный нами, опровергает возможность развития такого сценария для северных областей страны. В среднесрочной и дальнейшей перспективе регион будет оставаться полиэтничным, с практически равным представительством двух основных этносов — казахов и русских.

При этом следует учитывать, что основным риском для полиэтничного состава населения региона является повышенная эмиграция, сохранение отрицательного сальдо миграции. Именно миграция стала главным фактором резкого сокращения численности этносов в регионе. Это последствия, а каковы ее причины, предстоит выяснить. Некоторые российские авторы считают миграцию этнической, распространяя ее, прежде всего, на русское и русскоязычное население. Но, учитывая сокращение численности других этносов (узбеков, татар, чеченцев) примерно в 2 и более раз, вряд ли такое утверждение является обоснованным. Кроме того, анализ миграционных процессов в этнической среде показал, что среди отдельных этносов — украинцев, белорусов — механическое движение началось гораздо раньше рубежных лет. Уже с конца 70-х годов миграционный фактор перестал играть главную роль в приросте населения.

На наш взгляд, существует цикличность миграций, обусловленная социально-экономическими и историческими факторами, когда поочередно выдвигаются на первый план то эмиграция, то иммиграция. Возможно, эта гипотеза спорна, но полагаем, что она имеет право на существование. Анализ динамики численности, этнического состава, миграционных процессов в Северном Казахстане в период 1897–1999 гг. может служить подтверждением этого предположения. Через сто лет после начала массового переселения в регион миграция поменяла вектор и сменилась эмиграцией, в которой большей активностью отличались представители переселившихся этносов.

Недостаточная изученность природы самого этноса, его движения, роста, старения и других параметров не позволяет в полной мере обосновать наш тезис. Наша задача в этом смысле лишь обозначить проблему для ее последующего изучения.

Сокращение численности населения вызывает серьезные опасения у властей республики. Предпринимается ряд мер для улучшения ситуации. Стала применяться практика переселения из трудноиз-

быточных районов Юга в северные области. Кроме того, согласно квоте в 2016 г. большая часть оралманов также будет расселяться в областях Северного Казахстана. В постановлении Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2016 г. № 83 регионами для расселения переселенцев определены Костанайская и Павлодарская области [7].

К примеру, в Северо-Казахстанской области «с начала года и до августа из зарубежных стран в область переехали 59 казахских семей — всего 122 человека. 23 семьи переехали из Узбекистана, восемь семей — из Монголии, семь семей — из России, 19 семей — из Китая, одна семья — из Таджикистана, одна — из Кыргызстана» [8].

Ещё одной серьёзной демографической проблемой в Северном Казахстане является низкий уровень естественного прироста, характерный для русского и славянского населения с 70-х годов, обусловленный процессами демографического перехода к суженному воспроизводству. В 2015 г. естественный прирост в северных областях был в 2–6 раз ниже, чем в среднем по Казахстану. Динамика его движения в 2012–2015 гг. показала, что наиболее низкие его значения имелись в Северо-Казахстанской области — 1,39–2,33, а сравнительно более высокие — в Павлодарской области — 6,38–7,03 промилле. Но, как видим, имеется некоторый рост, который должен стать устойчивой тенденцией.

В связи с этим необходима выработка специальной программы демографического развития населения Северного Казахстана, в которой должны быть четко определены приоритеты, конкретные направления и практические меры.

На наш взгляд, главными приоритетами должны стать сохранение и развитие полиэтнического состава населения региона. С ними тесно связаны и два других приоритета — эффективная внешняя и внутренняя миграционная политика; повышение рождаемости и улучшение демографических показателей населения Северного Казахстана.

В целях реализации этих приоритетов следует предусмотреть меры следующего характера:

- материальное стимулирование переселения в сельскую местность и города региона;
- выдача кредитов на организацию малого и среднего бизнеса в областях Северного Казахстана;
- целевое распределение и материальная поддержка выпускников вузов Казахстана в сельскую местность северных областей, в особенности врачей, учителей и дефицитных для села специалистов;
- создание новых рабочих мест в селах и малых городах;
- установление повышенного коэффициента к заработной плате в регионе.

Отдельного рассмотрения требуют меры по повышению рождаемости. Согласно данным Комитета по статистике в Северо-Казахстанской области самый низкий коэффициент рождаемости. Стимулировать рождаемость в Северном Казахстане может введение единовременного пособия по рождению ребенка не с четвертого, как сейчас предусмотрено в стране, а уже со второго. А за каждого последующего нужно увеличивать размер такого пособия.

Отечественные специалисты давно предлагают такие меры если не для всего Казахстана, то, по крайней мере, для стремительно пустеющих северных областей. «Кроме того, можно было бы рассмотреть, по примеру РФ, возможность предоставления земельного участка в 10 соток под ИЖС тем семьям, где родился третий ребенок. Можно было быкратно увеличить детские пособия на севере, допустим, начиная со второго ребенка. К примеру, в России материнский капитал на второго ребенка составляет примерно \$12 тыс., которые можно использовать для получения ипотеки, образования и других нужд. В Казахстане тоже можно было бы назначить подобную выплату по второму и третьему ребенку на аналогичных условиях» [9].

Отдельные меры уже получают воплощение. Так, в Северо-Казахстанской области уже начала действовать программа стимулирования рождаемости «Фонд поколений», в соответствии с которой с четвертого ребенка семьям оказывается материальная поддержка в виде единовременной выплаты в 226 тыс. тенге. Эта программа обеспечит уверенность в будущем, укрепит престиж института многодетных семей, а также позволит уменьшить показатель сиротства в регионе, поскольку распространяется она и на усыновленных детей.

Но этого явно недостаточно, как сказано выше, необходимо установить выплаты со второго ребенка. Решение демографических проблем Северного Казахстана сегодня возможно реализовать через повышение рождаемости, а также эффективное регулирование внутренних и внешних миграционных процессов.

Таким образом, исходя из осуществленного анализа, можно сделать следующие выводы.

Негативные тенденции сокращения численности населения Северного Казахстана стали сменяться более позитивными. Хотя в общем росте численности населения Казахстана до определенного времени регион менее всего участвовал в достижении позитивных результатов, но с 2009 г. наблюдается тенденция его роста, усилившаяся в 2013–2014 гг. А в 2015–2016 гг. произошел настоящий бум, количество его жителей резко увеличилось с 2 945 598 до 3 828 570 чел.

Во всех областях региона без исключения идет рост городского населения. А Павлодарская область по уровню урбанизации вошла в тройку лидеров по стране. Лишь в Северо-Казахстанской области продолжается сокращение численности сельского населения, хотя его темпы замедлились.

Происходят крупные изменения в этнической структуре населения региона. Быстрыми темпами увеличивается численность казахов, начиная с 2009 г. они вышли по этому показателю на первое место в Акмолинской и Павлодарской областях. Исключение составляют СКО и Костанайская области, где по-прежнему лидирует русское население, но разница достаточно быстро сокращается. На третьем месте по численности в Северном Казахстане находятся украинцы, за ними следуют немцы, татары и белорусы. Растет численность корейцев, азербайджанцев, турок, дунган, курдов, башкир, чеченцев и таджиков.

Тенденции последних лет показывают динамику сокращения численности и удельного веса европейских этносов — русских, украинцев, белорусов, поляков и немцев. Казахское население отличается рост численности по всем областям региона, только в Северо-Казахстанской области произошло его снижение. Другой тенденцией является рост численности корейцев, турок, азербайджанцев, таджиков, башкир и курдов во всех северных областях.

Таким образом, в настоящее время национальная структура населения Северного Казахстана является по-прежнему полиэтнической, в которой самыми крупными этническими группами являются казахи и русские. В отдельных областях русское население продолжает оставаться самым многочисленным. В Акмолинской и Павлодарской областях доминирует казахское население, в Костанайской и СКО более многочисленны русские. В связи с этим не следует рассматривать этнический состав населения как жестко структурированную дуальную систему, можно говорить только о наличии лишь ее самых общих контуров. Кроме того, демографическая политика в РК главным приоритетом, ценностью и преимуществом рассматривает именно многонациональность.

Кроме того, дуализация этнической структуры нами воспринимается как условная схема, в которой одна сторона представлена казахами, восстановившими свое значение как титульного этноса, а другая — русскими вкупе с другими славянскими и европейскими этносами. В общей сложности европейское население (русские, украинцы, белорусы, немцы) и сегодня является наиболее многочисленным в регионе.

Население Северного Казахстана имеет самые низкие показатели рождаемости по республике. Сегодня расширенное воспроизводство населения РК поддерживается за счет репродуктивности коренного казахского населения, а также других восточных этносов — узбеков и уйгуров. У европейских и славянских этносов — немцев, русских, украинцев и белорусов смертность превышает рождаемость. Именно поэтому происходит сокращение численности населения Северного Казахстана, где наиболее высок удельный вес славянского и европейского населения с низким уровнем естественного прироста из-за более старого возрастного состава.

В Казахстане довольно четко прослеживаются процессы старения населения, связанные с разницей демографического поведения европейских и азиатских этносов. В связи с этим наиболее проблемными с точки зрения воспроизводства населения являются северные области РК, где возможны негативные сценарии развития. Аутсайдером по всем демографическим показателям является Северо-Казахстанская область, где крайне низок коэффициент естественного прироста, высокие показатели смертности и наблюдается самая низкая продолжительность жизни.

Поэтому государством предпринимаются попытки стимулирования рождаемости. В Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 гг. предусматривается «качественный рост экономики, который ... будет основан на ... развитии человеческих ресурсов», необходимых для индустриально-инновационной экономики [10].

Решение данной проблемы зависит от улучшения демографической ситуации и обеспечения устойчивого роста численности населения. Для достижения предусмотренного Стратегическим планом развития Республики Казахстан до 2020 г. роста численности населения на 10 % необходимо обеспечить дальнейший рост рождаемости, увеличение общей продолжительности жизни и положительное сальдо миграции.

В результате активизации внешней миграции в 1992–2004 гг. Казахстан лишился более двух миллионов человек. Определили данный итог в основном миграционные потери русских и немцев. Пик отрицательного сальдо пришелся на 1994 г., когда миграционные потери составили 410,4 тыс. человек. В последующие годы процесс оттока из Казахстана носит скачкообразный характер, чему способствовали внешние причины.

Начиная с 2004 г. в стране вновь сложилось положительное сальдо миграции населения, страна вновь из донора возвращается в статус реципиента.

Северный Казахстан наиболее затронули миграционные процессы, на протяжении всего периода все области региона имели отрицательное сальдо миграции. Только в 2015 г. в Акмолинской области появилось положительное сальдо миграции. Самой неблагополучной в миграционном плане, не только в регионе, но и в стране, является Северо-Казахстанская область, в которой с 1991 г. сохраняется отрицательное миграционное сальдо. Лишь к 2015 г. наблюдается сокращение абсолютных значений миграционного сальдо.

Миграция оказала сильное влияние на этническую структуру населения региона, поскольку массовый отток русских, немцев, приток казахов привели к возникновению новой пропорции, в которой казахское население вернуло себе первенство, а русское — заняло вторую позицию по численности. В некоторых районах и областях русские по-прежнему сохраняют большинство. Сегодня миграционная активность населения Северного Казахстана реализуется в основном во внутренней миграции, которую определяют казахи. Центром притяжения стала столица Астана, в пополнении численности которой вносят вклад казахи, русские, украинцы, корейцы и другие этносы.

Регион слабо затронут международной трудовой миграцией, при этом в Северный Казахстан направляются мигранты не только из других регионов республики, но и других стран. Создание Евразийского экономического союза в большой степени будет способствовать развитию процессов трудовой миграции, в которых примут участие и представители Северного Казахстана.

Современный этнический состав Казахстана представлен почти 140 этносами, из которых около 16 составляют свыше 1 % в общей численности населения. Полиэтническая структура населения страны, несмотря на серьезные изменения, продолжает сохраняться. Даже 70 % казахского населения не является признаком моноэтнического общества, в других государствах процент титульного населения гораздо выше. Можно говорить о тенденции в контексте того, что казахи сумели вернуть утраченное демографическое преимущество за короткий период.

Северный Казахстан сохраняет все признаки полиэтничности, обладая при этом своеобразием национальной структуры, обусловленным объективными историческими предпосылками. На протяжении длительного периода его национальный состав определялся постоянно растущим удельным весом и численностью русского и европейских этносов, при уменьшении доли коренного казахского. При этом в отдельные периоды прирост общей численности русского населения в Казахстане определялся именно северными областями. Полиэтническая структура населения северных областей Казахстана в большей мере, чем в целом по стране формировалась под воздействием миграции, вызванной политическими и социально-экономическими причинами.

В период независимости динамика этнодемографических процессов привела к установлению почти паритетного представительства казахов и русских в составе населения региона с некоторыми вариациями в отдельных областях. Иных перспектив развития Северного Казахстана, кроме как многонационального, нет. Это стратегический приоритет демографического развития всей страны, подтвержденный в Доктрине национального единства.

Северный Казахстан сегодня относится к наиболее проблемным в демографическом аспекте регионам с сокращающимся населением, отрицательным миграционным сальдо, самым низким коэффициентом естественного прироста. Для решения острых демографических проблем в регионе предлагается разработка специальной программы, которая позволит обеспечить поступательное и устойчивое развитие полиэтничного населения региона. Ее содержание заключается в повышении эффективности регулирования миграции и увеличении рождаемости через меры материального и морального стимулирования.

Список литературы

1 Алексеевко Н.В. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв.: историко-демографическое исследование / Н.В. Алексеевко, А.Н. Алексеевко. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2009. — 131 с.

- 2 Алексеевко Н.В. Население Казахстана за 100 лет, 1897–1997 гг. / Н.В. Алексеевко. — Усть-Каменогорск: Вост.-Казахстанский гос. ун-т, 1999. — 157 с.
- 3 Сост. автором по данным: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. — Режим доступа: <http://stat.gov.kz/getImage?id=ESTAT118979>.
- 4 Сост. автором по данным: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=; Численность населения Республики Казахстан по статистике. — Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2015. — 28 с.
- 5 Сост. автором по данным: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. — Режим доступа: <http://stat.gov.kz/getImage?id=ESTAT118979>.
- 6 Муминов, А. К 2030 году Казахстан на 90 % будет состоять из казахов [Электронный ресурс] / А. Муминов // Курсив.kz. — Режим доступа: https://www.kursiv.kz/news/obshchestvo/k_2030_godu_kazakhstan_na_90_budet_sostoyat_iz_kazakhov_eksperty_222.
- 7 Постановление Правительства Республики Казахстан, от 18 февр. 2016 г., № 83 «О регионах для расселения оралманов» // Әділет: информ.-правовая система нормативных актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000083>.
- 8 Иса Д. Как обустроятся оралманы, переехавшие на север? [Электронный ресурс] / Д. Иса // Радио Азаттық. — Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/Content/responsive/RFE/ru-KZ/img/logo.png>.
- 9 Мамышев Ж. ... о демографической ситуации в Северном Казахстане. Как нам обустроить Северный Казахстан? [Электронный ресурс] / Ж. Мамышев // КазТАГ: Каз. телеграф. агентство. — 2014. — 11 авг. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/gazeta019.php>.
- 10 Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 года: утв. Указом Президента Республики Казахстан, 1 февр. 2010 г., № 922 // Әділет: информ.-правовая система нормативных актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000922_.

А.М. Жаркенова

Солтүстік Қазақстан халқының ХІХ ғасырдың соңы – ХХІ ғасырдың басындағы полиэтникалық құрамы: тарихи ерекшеліктері, тенденциялары және перспективалары

Мақалада 1897–2016 жылдар аралығындағы Солтүстік Қазақстан халқының полиэтникалық құрамының қалыптасуының ерекшеліктері қарастырылған. Қазақ ұлтынан құралған моноэтникалық аймақтың көпұлтты және де оның ішінде ұзақ уақытқа дейін орыс-славян компоненттерінің басым болуы, патшалық Ресейдің, кейін Кеңес өкіметінің әлеуметтік-экономикалық бағытының шешуші факторы — кең көлемдегі көші-қон саясаты екені атап көрсетілген. Қазақстаннан алыс және жақын елдерге кері көші-қон векторы ХХ ғасырдың 90-шы жылдарынан бастау алғандығы, оның ішінде: неміс, орыс, украин және басқа ұлттардың кері ағымы туралы баяндалады. Автор титулдық ұлттың сандық және үлес салмағы жағынан осы кезеңге дейін азайғандығын, ал қазіргі таңда біртіндеп бұрынғы қалпына келе бастағандығын, алайда Қазақстанның Солтүстік өңірінде алдыңғы уақытта әлі де ең негізгі қазақ және орыс ұлттарының басымдылығы сақталатындығын тұжырымдайды.

Кілт сөздер: этникалық құрылымы, полиэтникалық құрамы, орыс-славян компоненті, көші-қон, көші-қон сальдосы, халықтың картаюы, табиғи өсімі.

А.М. Zharkenova

The polyethnic composition of the population of Northern Kazakhstan in the late XIX–XXI centuries: historical features, current trends and prospects

In the article features of formation of polyethnic structure of the population of Northern Kazakhstan since 1897 and till 2016, inclusive are considered. It is emphasized that a key factor in the transformation of a mono-ethnic region with the Kazakh population into a multinational with a long predominance of the Russian-Slavic component has been large-scale migration associated with the priorities of social and economic policy, first of tsarist Russia, and then of the Soviet state. Since the 1990s, migrations have changed the vector towards the outflow of German, Russian, Ukrainian and other ethnic groups outside Kazakhstan and far abroad. The author comes to the conclusion that at the present time the Kazakh ethnos managed to restore to some extent the lost positions, having increased its number and share, nevertheless, in the long term, the

polyethnic structure of the population in the region will remain, with an almost equal representation of the two largest ethnic groups - Kazakhs and Russian.

Keywords: ethnic structure, polyethnic composition, Russian-Slavic component, migration, migration balance, population aging, natural increase.

References

- 1 Alekseenko, N.V., & Alekseenko, A.N. (2009). *Slavianskoe naselenie Kazakhstana XVIII–XX vv.: istoriko-demograficheskoe issledovanie [Slavic population of Kazakhstan XVIII–XX centuries: historical and demographic study]*. Ust-Kamenogorsk: Media-Alians [in Russian].
- 2 Alekseenko, N.V. (1999). *Naselenie Kazakhstana za 100 let, 1897–1997 hh. [The population of Kazakhstan for 100 years, 1897–1997 years]*. Ust-Kamenogorsk: Vostochno-Kazakhstanskii gosudarstvennyi universitet [in Russian].
- 3 Sostavleno avtorom po dannym: Perepisi naseleniia Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Censuses of the population of the Russian Empire, the USSR, 15 new independent states]. *Demoskop Weekly*. Retrieved from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=; Chislennost naseleniia Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosam na nachalo 2016 hoda [Population size of the Republic of Kazakhstan for individual ethnic groups at the beginning of 2016]. *Ministerstvo natsionalnoi ekonomiki Respubliki Kazakhstan. Komitet po statistike – Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Committee on Statistics*. Retrieved from: <http://stat.gov.kz/getImage?id=ESTAT118979> [in Russian].
- 4 Sostavleno avtorom po dannym: Perepisi naseleniia Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Censuses of the population of the Russian Empire, the USSR, 15 new independent states]. *Demoskop Weekly*. Retrieved from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=; Chislennost naseleniia Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosam na nachalo 2015 hoda. Ser. 14. Demografiia [The population of the Republic of Kazakhstan for individual ethnic groups at the beginning of 2015. Ser. Demography]. *Ahentsvo Respubliki Kazakhstan po statistike – Agency Republic Kazakhstan according to statistics*, 28. Astana: Ahentsvo Respubliki Kazakhstan po statistike [in Russian].
- 5 Sostavleno avtorom po dannym: Chislennost naseleniia Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosam na nachalo 2016 hoda [Population size of the Republic of Kazakhstan for individual ethnic groups at the beginning of 2016]. *Ministerstvo natsionalnoi ekonomiki Respubliki Kazakhstan. Komitet po statistike – Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Committee on Statistics*. Retrieved from: <http://stat.gov.kz/getImage?id=ESTAT118979> [in Russian].
- 6 Muminov, A. K 2030 godu Kazakhstan na 90 % budet sostoiat iz kazakhov [By 2030, Kazakhstan will consist of 90 % of Kazakhs]. *Kursiv.kz*. Retrieved from: https://www.kursiv.kz/news/obshestvo/k_2030_godu_kazakhstan_na_90_budet_sostoyat_iz_kazakhov_eksperty_222 [in Russian].
- 7 O rehionakh dlia rasseleniia oralmanov: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan, 18 fevralia 2016 h. No. 83 [On the regions for the resettlement of oralmans: Government Decision Rep. Kazakhstan, Feb. 18 2016 No. 83]. *Adilet: inform.-pravovaia sistema normativnykh aktov Respubliki Kazakhstan – Adilet: information-legal system, standard. acts of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000083> [in Russian].
- 8 Isa, D. Kak obustraivaiutsia oralmany, pereekhavshie na sever? [How are Oralmans settled to the north?]. *Radio Azattyk*. Retrieved from: <http://rus.azattyq.org/Content/responsive/RFE/ru-KZ/img/logo.png> [in Russian].
- 9 Mamyshev, Zh. (2014). ... o demograficheskoi situatsii v Severnom Kazakhstane. Kak nam obustroit Severnyi Kazakhstan? [about the demographic situation in Northern Kazakhstan. How do we equip North Kazakhstan]. *KazTAH: Kaz. telegraf. ahentsvo – KazTAH: Kaz. telegraph. agency*. Retrieved from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/gazeta019.php> [in Russian].
- 10 Stratehicheskii plan razvitiia Respubliki Kazakhstan do 2020 hoda: utv. Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan, 1 fevralia 2010 h., No. 922 [Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2020: approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan, 1 Feb. 2010 No. 922]. *Adilet: inform.-pravovaia sistema normativnykh aktov Respubliki Kazakhstan – Adilet: information-legal system, standard. acts of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000922> [in Russian].

А.Ю. Быков

*Российско-Сингапурский Деловой Совет, Москва, Россия
(E-mail: cso@rstradehouse.com.КК)*

Взаимоотношения Оренбургской администрации и высшей казахской знати в первой половине XVIII в.

В статье рассмотрены исторические процессы социальных отношений в Казахстане в первой половине XVIII в. на уровне элиты. Изучен опыт первых административных работников, назначенных в Казахстан Петром I и его наследниками. Взаимоотношения между ханством, его аппаратом управления и, по сути, колониционной администрацией ранее интерпретировались как процесс добровольного присоединения Казахстана к России. Автор привержен концепции взаимоадаптации и продолжает исследование взаимоотношений не только на основе 1731 г. В работе изучены и другие контакты различных представителей казахской элиты с административным персоналом молодой Российской Империи. В результате исследований подчеркивается роль султана Барака в треугольнике взаимоотношений Младшего, Среднего жузов и аппарата Российской Империи. Новизна данной темы в том, что дана не только характеристика значения добровольности в присоединении Казахстана к России, но и сложность зарождения процессов этнополитической взаимоадаптации казахской и русской элит. В статье использовано большое количество архивных источников, которые только с недавнего времени начали передаваться Российской Федерацией в Республику Казахстан, что усиливает содержание и пользу данного исследования для развития культурно-исторических российско-казахстанских отношений.

Ключевые слова: Казахское ханство, Младший жуз, Средний жуз, Оренбургская администрация, хан Абулхаир, административные структуры.

Номинальное включение в состав Российской империи казахов Младшего и Среднего жузов потребовало организации местного управления. Первоначально оно существовало в форме комиссий, наделенных чрезвычайными и особыми полномочиями, а затем было создано Оренбургское генерал-губернаторство. Вместе с тем долгое время российские власти не распространяли структуры имперской системы управления на казахское население, сохранявшее широчайшую автономию во внутренних вопросах. Осуществление системы протектората с элементами вассалитета ограничивалось включением, и то зачастую тайно, в административные структуры лишь отдельных представителей традиционной казахской знати.

Во второй четверти XVIII в. из знати ак суйек наибольшей популярностью в казахском народе пользовались ханы Абулхаир и Абулмамбет, султаны Барак, Ералы, Нуралы и Аблай, а также представители знати кара-суйек батыры Джаныбек, Букенбай и бии Казбек и Толе. Каждый из них в той или иной степени пытался усилить собственное влияние. Одним из средств добиться этого являлись взаимоотношения (сотрудничество или противостояние) с российской администрацией.

Казахские ханы и султаны неоднократно обращались к правительству России с просьбой о постройке для них городов и укреплений, выделении им особых российских воинских подразделений для урегулирования внешних и внутренних вопросов и о снабжении их огнестрельным оружием новейших образцов, артиллерией и боеприпасами [1]. Наиболее часто такие просьбы поступали от хана Абулхаира и его детей. Несмотря на желание включить аллогенов в имперскую стратификацию, правительство и местная Оренбургская администрация долгое время не поддерживали этих требований казахов, опасаясь их отложения [1; 287], ограничиваясь присылкой посольств и подарков, а также оказанием дипломатического давления на внешних врагов казахов, в первую очередь на джунгар.

Определенную и немаловажную роль в становлении своеобразной системы протектората с элементами вассалитета играли и межличностные отношения представителей имперской администрации и традиционной казахской знати. Так, следует признать удачным выбор правительством главой комиссии по решению всех «казахских» вопросов этнического татарина, сохранившего конфессиональную принадлежность суннитскому исламу, генерал-майора А.И. Тевкелева [2], которого казахи почетно именовали Тевкель-мырза. Другой ключевой фигурой Оренбургской администрации середины XVIII столетия, несомненно, следует считать первого генерал-губернатора И.И. Неплюева. Между ним и Тевкелевым сложились доверительные, конструктивные взаимоотношения. Так, Тевкелев, ре-

гулярно посещая ставку Абулхаир-хана и заверяя хана в личной дружбе и преданности, в отчетах обычно поддерживал позицию Неплюева, который полагал, что главной причиной внутреннего неурядиства казахской степи являлся именно хан Абулхаир, постоянно интриговавший башкир, калмыков против российских подданных, а временами и против Оренбургской администрации.

Абулхаир предпочитал вести дела именно с Тевкелевым, считая, что последний может в наибольшей степени содействовать удовлетворению его просьб. Связывали их и общие увеселительные застолья, также рассматривавшиеся российскими властями как средство удержания знати нерусских народов в зависимости от Российской империи. Так, 8 июля 1748 г. (т.е. за месяц до собственной гибели) Абулхаир писал Тевкелеву по приезде последнего из ставки хана: «А за ваше благополучное в Орск возвращение радуемся немало. Токмо за неимением вина куража нет. Я было о присылке того и пшеничной муки до прибытия вашего в Орск писал, только вразумил, что без воли вашей того чинить не могут» [3]. Диаметрально противоположным было отношение Абулхаир-хана к Неплюеву. Дело доходило до того, что в разговорах делался «выговор от Абул Хаира Неплюеву... в непристойных терминах» [4; 300]. Тевкелев в этих условиях зачастую выступал в качестве посредника в их отношениях [4; 107].

Власть хана Абулхаира достигла апогея в период джунгаро-казахских войн, когда он возглавлял всеказахское ополчение, но с ослаблением интенсивности военных действий (в том числе и благодаря приему казахов в российское подданство) авторитет правителя стал постепенно снижаться. Его претензии на признание общеказахским ханом не были поддержаны большинством представителей родовой знати. Помимо прочего, серьезным фактором в таком решении являлось генеалогическое происхождение Абулхаира, принадлежавшего к чингизидскому роду Осекидов, тогда как большинство казахских ханов происходили от Жади́га. Власть Абулхаира признавалась к концу 1730-х гг. лишь значительной частью казахов Младшего жуза и некоторое время отдельными племенами Среднего жуза, султаном-правителем которых был сын Абулхаира Ералы [4; 107]. По сообщениям представителей русской администрации 1743–1744 гг., хан Среднего жуза Абулмамбет предпринимал попытки утвердить султаном среди киреев своего сына — Большого Булата, однако родовые старшины не признали его претензий, апеллируя к первенству Абулхаира перед Абулмамбетом и заявляя, что «Ер-Али не своим владеет, а по отце ево» [5]. Некоторое время власть Абулхаира признавали и приаральские каракалпаки [6]. Также недолго он был и правителем Ташкента [6; 9]. Однако иерархия казахских владетелей не была статичной. С ослаблением внешней угрозы на первый план выходили уже не сила и доблесть, а иные качества, которые требовались в мирный период жизнедеятельности кочевника. По-видимому, Абулхаир не сумел должным образом адаптироваться к изменяющимся условиям, в результате его позиции в казахской степи и за ее пределами ослабевали.

После смерти хана Семеке (Шемяка-хан в русских источниках) ханом Среднего жуза был избран Жади́гид Абулмамбет, но его власть была номинальной. Он довольствовался управлением Туркестаном и внешними признаками почтения. Реальную власть уже на рубеже 1730-х–1740-х гг. сосредоточили в своих руках султаны Аблай и Барак, при доминировании второго. «Абулмамет хан... удалился он в город Туркестан, смежной к Средней орде, и в правление ординское вступили тогда родственник его Барак, и помянутый брат его Аблай Солтан» [6; 8]. По мнению М.П. Вяткина, значительную роль в ослаблении позиций Абулмамбета в Среднем жузе сыграли интриги и открытые вооруженные действия хана Абулхаира, поддержанные одним из сильнейших батыров Среднего жуза Джанибеком [7]. Альянс Абулхаира с Джанибеком сложился еще в период «Актабан шубырынды». Постепенно Абулмамбет потерял власть и над Туркестаном. Здесь в середине 1740-х гг. владельцами были его сын Пулат-султан и племянник Сеит-хан [8; 359]. Лишь в конце 1740-х гг. при поддержке Барака Абулмамбет восстановил свою власть над Туркестаном [8, 9].

Таким образом, власть казахских владетелей была весьма непрочной и обычно кратковременной, противостояние родов и жузов во многом дополнялось генеалогическими противоречиями, что создавало иллюзию междинастической борьбы. Власть представителей поколения Осека, полученная ими по праву личной храбрости и военно-организаторского таланта во время антиджунгарских войн, постепенно ослабевала. Происходило усиление позиций отдельных представителей поколения Жади́га, но общей тенденцией были упадок централизации управления и ослабление полномочий султанов и ханов.

В Старшем жузе в это время власть была сосредоточена в руках различных султанов и старшин, но постепенно она переходила в руки представителей кара-суйек. Наибольшим влиянием пользовался Толе бий Алибек-улы. Значительная часть патронимических объединений Старшего жуза в 1735–

1745 гг. признавала зависимость от Джунгарии [9], незначительная — от среднеазиатских владетелей. Вместе с тем межжуровые связи сохранялись, и позиция знати Старшего жуза существенным образом влияла на ситуацию в Младшем и Среднем жузах, а также на взаимоотношения их владетелей с российской администрацией.

Хан Абулхаир, надеявшийся при поддержке российских властей стать общекзахским ханом, не достигнув своей цели и стремясь поддержать свою силу, статус и вождистские позиции, постепенно стал предпринимать шаги, которые подрывали союзные отношения с Россией и не соответствовали условиям принятия в подданство в европейском понимании международного права того времени. Более того, Абулхаир неоднократно руководил нападениями казахов на пограничные российские укрепления, а также на кочевья калмыков и башкир [10]. Исследователи и многие современники обычно отмечали, что казахи имели слабое вооружение, преимущественно луки и копья. Так, В.И. Даль писал: «Не воображайте, впрочем, киргиза (казаха. — А.Б.) горским наездником: он вооружен весьма плохо, но по свойству степного жителя, не менее того труслив, и пятисотенный полк уральцев (уральских казаков. — А.Б.) может исходить все пространство Зауральских степей» [11]. В то же время на вооружении у казахов имелось огнестрельное фитильное оружие. Несмотря на то, что приводимые ниже данные, вероятнее всего, завышены, они все же ставят под сомнение устоявшееся в науке представление о чрезвычайно низком уровне вооружения казахов. Из донесения генерал-майора фон Штокмана от 1744 г. следует, что казахи Младшего и Среднего жузов «при случае всеобщего их к какой-либо войне предвосприятия или замешания легко может собраться в обоих до 30 тысяч человек, и более дельных людей с огненным оружием», а прикаспийские казахи владели и артиллерией, захваченной во время нападения на купеческие суда [12; 4]. Россия не желала усиления технико-тактических качеств вооружения казахов, полагая, что оно может быть использовано не только против ее интересов, но и против собственно российских поселений. Не случайно, что 26 августа 1739 г. хану Абулхаиру было отказано в присылке ему пушек и пушкарей [12; 287]. Крупнейшие нападения на волжских калмыков были совершены 6 мая и 5 августа 1746 г. В последнем случае в набеге принимали участие свыше 1500 вооруженных ружьями казахов. Попытка донских казаков, дислоцированных в Кизляре, силой отбить добычу казахов привела лишь к частичному успеху, «за множеством их, киргиз-кайсак» [12; 386]. Многочисленные требования российских властей различного уровня о возврате пленных, угнанного скота и имущества чаще всего успеха не имели [12; 386, 387].

Милитаристские наклонности Абулхаира, во многом обусловленные самой системой организации кочевого социума, в первую очередь ее экзополитарностью, не находили одобрения со стороны российских властей и способствовали складыванию напряженных отношений между ханом Младшего жуза Абулхаиром и оренбургским генерал-губернатором И.И. Неплюевым. Это приводило к изменению отношений русской администрации и к иным представителям традиционной казахской аристократии.

Если первоначально российские власти рассматривали Абулхаира в качестве основного рычага реализации собственных интересов в регионе, приведения к присяге новых родов и этнических групп (хивинцев, каракалпаков, туркмен) и развития русско-казахской интеграции, то к 1740-м гг. он стал рассматриваться в качестве одного из основных препятствий для дальнейшего динамического развития этих процессов. Более того, Абулхаир сам усиливал формирование такого имиджа, нападая на принявших при его же непосредственном участии и посредничестве российское верноподданство казахов и каракалпаков. По сообщениям Гладышева, посетившего казахскую степь в 1742–1743 гг., казахи под предводительством хана Абулхаира, султанов Нуралы и Ералы, а также при поддержке Джанибек-тархана вторглись в кочевья каракалпаков. Объясняя причину этого, Абулхаир заявлял, что каракалпаки отказались платить «по прежнему обыкновению... на зимнее время запаса не малого числа» [12; 253]. Каракалпаки мотивировали свой отказ тем, что «состоят уже в российском подданстве», наравне с Абулхаиром [12; 253]. Несмотря на протесты представителей российской власти, казахи «ходили на них (каракалпаков. — А.Б.) войною, и напав нечаянно побили из них не малое число людей, а многих побрали в полон, да и в протчем великое причинили им раззорение» [12; 252]. В 1747 г. те же казахские владетели вновь планировали поход против верхних каракалпаков [12; 38].

В такой ситуации оренбургские власти изменили свою позицию и перестали поддерживать претензии Абулхаира и его потомков на власть в Хиве, полагая, что это не только не привлечет среднеазиатские этнические группы в российское подданство, но, напротив, будет способствовать частичному отложению принявших российское подданство родов казахов. Кроме того, российские власти опасались осложнения внешнеполитической напряженности в регионе, в частности, обострения от-

ношений с Персией, также претендовавшей на среднеазиатские владения. В результате, по рекомендации Неплюева, Найденова и Уразина, в 1745 г. Сенат отказался поддержать претензии сына Абулхаир-хана султана Нуралы на власть в Хивинском ханстве, даже несмотря на то, что «хивинцы призывали его, Нуралы, к себе на ханство» [12; 357, 358]. Такое же решение было принято российским правительством и по отношению к потерявшему власть в Среднем жузе султану Ералы. Причем это было сделано, несмотря на ходатайство «персидского шаха сына... между Хивою и Бухарию обращающегося» [12; 358]. Напротив, в 1747 г. российские власти благожелательно восприняли утверждение на ханском престоле Хивы противника Абулхаира, казахского султана Каипа. Каип происходил из поколения Жадига, был сыном султана Батыра, являвшегося правителем поколения алимулы (Младший жуз) и не признававшего власть Абулхаира.

Таким образом, российские власти не препятствовали ослаблению позиций Абулхаир-хана среди казахов, а зачастую даже прямо или косвенно способствовали этому. Абулхаир в таких условиях пытался найти иную внешнеполитическую поддержку, в том числе среди недавних врагов — джунгар. По свидетельству посетившего Джунгарию поручика А. Левашова, датируемому 1745 г., у Галдан-Цэрена в аманатах «в знак соседственной дружбы» содержался 17-летний сын Абулхаира [12; 358]. Одновременно Абулхаир пытался найти оппонентов представителям оренбургских властей среди членов российского правительства. Несколько раз он отправлял письма на имя императрицы Елизаветы и канцлера А.П. Бестужева-Рюмина с жалобами на действия губернатора И.И. Неплюева [13; 41]. Однако эти попытки были безуспешны. Напротив, они имели ряд нежелательных для Абулхаира последствий. Во-первых, высшие сановники и лично императрица безапелляционно поддержали позицию генерал-губернатора. Во-вторых, непоследовательные и, что особенно важно, вооруженные действия Абулхаира против российских подданных вынудили российское правительство, в конце концов, принять решение о применении против казахов, подведомственных Абулхаиру, военных сил посредством поддержки выступлений против них донского и уральского казачества, башкир, калмыков и не подвластных Абулхаиру казахов [13; 41–45].

Внешнеполитическая ситуация в Центрально-Азиатском регионе, в частности в Прииртышье, во второй половине 1740-х гг. для России осложнилась. Джунгары стали вновь угрожать российским поселениям в Сибири, и местные власти старались привлечь казахов к охране и защите сибирских линий [13; 380]. Правительство, в частности, поддержало подобное предложение фон Штокмана и рескриптом канцлера Бестужева-Рюмина постановило в случае реальной угрозы нападения джунгар на сибирские укрепления «киргиз-кайсаков противу оных калмыков поднять» [14; 292]. Более того, российские власти доносили, что казахи, стремясь обезопасить себя от набегов джунгар, производят поджоги травы, уничтожая тем самым пастбища, потенциально привлекательные последним, косвенно этим защищают российские крепости по Иртышу [15; 75].

Это было тем более актуально, что российским властям стало известно об агитации Галдан-Цэрена среди казахов с целью организации совместных военных действий против российских укреплений. Так, в 1744 г. правитель Джунгарии присылал к «Барак салтану и к тамошним киргизским старшинам нарочных в тот образ, дабы они с ними были заодно, возбуждая их сим, что российские люди завоевали у них, зенгорцев (джунгар. – *А.Б.*), реку Иртыш, а от них киргиз-кайсак, отняли Яик и построили свои крепости; а впредь де могут и так далеко завладеть, что к кочеванию и места им не останется» [16]. Барак отказался от прямого ответа, затягивал переговоры, а сам параллельно вел переговоры с российскими властями. В итоге Барак заявил джунгарским послам, что подведомственные ему казахи не подвергаются притеснениям со стороны российских властей, а от торговли с Россией казахи извлекают значительные выгоды, «а такое неприятельское дело начав, надобно думать как скончат; и тако, их отпустил от себя, не дав никакого писменного ответа» [16; 255].

Часть принявших российское подданство казахских владельцев продолжали поддерживать достаточно тесные отношения с Джунгарией. Так, владетель одного из найманских родов Кучук-хан кочевал «смежно с джунгарами» [16; 361]. Отказавшись от прямых переговоров со второй половины 1740-х гг., султан Барак поддерживал контакты с джунгарскими владельцами через Кучук-хана. Султаны Барак, Аблай и около двадцати казахских старшин в том же году отдали джунгарам своих детей в аманаты [16; 47]. Более того, казахи Среднего жуза принимали участие в некоторых военных походах западных монголов. Так, в декабре 1745 г. начальник Сибирских линий Г.Х. Киндерман доносил Сенату, что казахи совместно с джунгарами «абдыкаримовцов и раззорили де у оных три городка да владыческого их сына взяли в полон» [16; 372]. По донесению оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева Сенату, хан Среднего жуза Абулмамбет в это же время пытался при посредничестве

джунгар вернуть себе управление Туркестаном, с той же целью ездил к хунтайджи и утвердившийся в городе Сеит-хан [16; 377-381]. Вполне убедительным представляется мнение И.В. Ерофеевой, отмечавшей, что стремление ряда казахских султанов к сближению с джунгарами в середине 1740-х гг. определялось в значительной мере стремлением вернуть утраченные владения в Семиречье [17].

В Ташкенте джунгары осуществляли управление через собственных ставленников, но, видимо, казахи также принимали участие в управлении городом и округой. Во всяком случае, к 1744 г. относится следующее сообщение Коллегии иностранных дел: «Находящийся в Большой Орде знатнейший Тюлябий... пребывание свое более в Ташкенте имеет и около оно и городки свои заводит» [18]. В 1745 г. город был захвачен персидскими войсками [19]. Затем власть над округой вновь перешла в руки казахских владетелей. Летом 1745 г. джунгары попытались восстановить свой суверенитет над Ташкентом и частью Семиречья. Галдан Цэрэн призвал на помощь султана Барака и хана Абулмамбета. Хан Среднего жуза, надеясь на усиление собственного статуса в жузе и на получение в управление присырдарьинских городов, поддержал претензии джунгар. В то же время Барак прямого ответа не дал [19; 321-325], а позднее и вовсе поддержал антиджунгарские выступления Толе бия, отравившего направленных к нему джунгарских послов и заключившего союз с Абдулкарим бекком [19; 325, 326]. Фактически уже с 1745 г. Толе бий восстановил свою власть над Ташкентом, хотя все же оставил свою ставку на некоторое время «недалеко от Ташкента [где] и свой городок имеет» [19; 326]. Известно, что в 1748 г. управление Ташкентом и округой официально вновь осуществлялось Толе бием [19; 148]. Часть казахов, независимо от Барака и Толе бия, также поддерживала антиджунгарское движение, лидером которого являлся правитель Ходжента Абдулкарим бек [19; 377].

Султаны поколения Абулхаира также пытались в это время вмешаться в среднеазиатские дела. В первую очередь, в вопрос об управлении Хивой и каракалпаками. Нуралы просил российское правительство оказать ему вооруженную поддержку воинскими командами и артиллерией против утвердившегося на хивинском престоле султана-жадигида Каипа Батыр-улы. В удовлетворении просьбы было отказано [19; 181]. Как и в Среднем жузе, где часть казахов занимала про-, а часть — антиджунгарские позиции, так и в Младшем жузе представители поколения алимулы выступали в поддержку Хивы сначала против хана Абулхаира, а затем и Нуралы. В этом они опирались на поддержку ряда казахских родов Среднего жуза.

Российское правительство продолжительное время официально не вмешивалось в среднеазиатские дела, ограничиваясь защитой «собственных» рубежей по Уралу, Иртышу и Горькой линии. В одной из инструкций подчеркивалась необходимость «уклоняться от всякого вмешательства в взаимные распри владетелей Средней Азии» [19; 51]. В то же время российские власти тщательно отслеживали динамику развития политических процессов в этом регионе, стараясь сохранить и упрочить собственные позиции. Попытки вмешательства Абулхаира в среднеазиатские конфликты были восприняты российскими властями как действия, наносившие ущерб интересам Российской империи. Попытки Тевкелева, возвращенного после семилетнего перерыва в казахскую степь в 1747 г., коренным образом изменить ситуацию к успеху не привели.

Российские власти с этого времени стали рассматривать возможность поддержки притязаний на власть иных казахских султанов и ханов, особенно из владетелей Среднего жуза, как один из основных вариантов противодействия нежелательному развитию центральноазиатских дел. Появились даже проекты устранения Абулхаира от ханского достоинства. Так, после неоднократных предложений И.И. Неплюева, 31 января 1747 г. Правительствующий Сенат направил в Коллегию иностранных дел рекомендации для Тевкелева, в которых, между прочим, отмечалось: «...Ежели он, Абулхаир хан, той своей злобы и противностей не отстанет, чтоб ево от ханства отставить, а вместо ево выбрав, ханом произвести из доброжелательных старшин». В рекомендациях говорилось, что этого пока не следует официально вносить в инструкцию Тевкелеву, а нужно изложить в устной форме. Однако уже 1 мая 1747 г. было поручено такую письменную инструкцию Тевкелеву «отправить немедленно» [19; 13]. Кроме того, в полученной 7 июля того же года Тевкелевым инструкции отмечалась необходимость напомнить Абулхаиру о его верноподданстве, о необходимости прекращения грабительских набегов на Яицких линиях и в Поволжье [19; 32]. Если это не возымеет действия, рекомендовалось первоначально пригрозить применением силы, а затем, «если не прекратятся предезности, придется к этой крайней мере приступить» [19; 34].

Еще до принятия Барака в подданство Российской империи, но имея таковое ввиду, начальник Оренбургской экспедиции В.А. Урусов рекомендовал оказывать поддержку подданным султана Барака в случае возникновения у них конфликтов с джунгарами [20]. В качестве оппонента Абулхаиру

Неплюевым рассматривалось несколько кандидатур. Наибольший интерес и доверие вызывал у него именно султан Барак. Это определялось его политической силой в казахской степи, широкими связями со среднеазиатскими правителями и джунгарами. В июне 1747 г. Барак обратился к Неплюеву с просьбой об освобождении находившихся под стражей казахов Мухаммета и Давлет бая [21; 27-30]. Этот повод, а также вопрос о разрешении казахам бесположенной торговли на Сибирских линиях были использованы оренбургскими властями для расширения контактов с султанами-жадигидами Среднего жуза. Оба означенных вопроса были разрешены к «удовольствованию киргис-кайсацкому» [21; 37].

В патронимической родоплеменной структуре казахского общества в первой половине XVIII в. происходили серьезные изменения. Неоднократно роды переходили из одного племени в другое, под воздействием политических факторов формировались новые племенные образования. Этот процесс накладывался на типичное формирование новых родовых подразделений (ру), связанное с семипоклоленной системой кровного (иногда мнимого) родства казахов. С другой стороны, эти же изменения вносили коррективы во внутривполитические коллизии в казахской степи.

Источники сохранили сведения, что в первой половине XVIII в. из трех казахских жузов «Средняя Орда признается здесь многолюднее и богаче протчих орд» [22, 1]. Основой политической силы Среднего жуза во внутривполитической иерархии являлось экономическое благосостояние ее населения. По сведениям И. Рейнсдорфа и П. Рычкова, «сия Орда пред Меньшею подлинно люднее и богаче, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше... да и народ в сей Орде посостоятельнее» [22; 158].

В патронимической структуре казахского общества протекали важные процессы, оказавшие серьезное влияние на внутривполитические процессы. В Младшем жузе из трех племенных союзов — алимулы, байулы и жетыру — лишь первые два известны ранее XVIII в. Семиродцы (жетыру) как союз сформировались в начале XVIII в. из разрозненных родовых объединений для защиты от притеснений более многолюдных соседей [23; 110, 111]. Однако, несмотря на укрупнение, это патронимическое объединение являлось в Младшем жузе слабейшим. Инициатором такого объединения являлся хан Тауке. Ему же приписывается инициатива объединения в один союз племен в Среднем жузе уаков, киреев и таракты. Причем, несмотря на численное доминирование киреев, реальная власть в новом объединении принадлежала уакам. Это следует как из семантики: уаки стоят на первом месте в словарном обороте, так и из письменных источников того времени, свидетельствующих, что племя уаков являлось самым богатым в Среднем жузе [23; 107]. Есть сведения о попытке сформировать отдельный род из полувисимого сословия теленгутов, а также о том, что одно из племен Среднего жуза — конрат — перешло в состав Старшего жуза. Причем источники отмечают силу этого племени и сохранившуюся его связь с племенами Среднего жуза [23; 109].

В середине 1740-х гг. Абулхаир и его сыновья признавались правителями среди байулы (султан Нуралы), жетыру (султан Айшуак) и нескольких родов киреев (султан Ералы). Сильнейшее объединение Младшего жуза — алимулы — признало власть султана Батыра из поколения Жадига. В Среднем жузе аргыны признавали власть Аблая и Барака, найманы, уаки и таракты — Барака, кипчаки — Абулмамбета и Барака, конраты — Тауке и Барака. Из этого следует, что власть и влияние Абулхаира все более ослабевали, а возрастали власть и влияние Барак-султана. Вполне естественно, что их отношения обострились, а их интересы столкнулись. Более конструктивные контакты Барака с государствами Средней Азии и Джунгарией, поддержка его действий фактическим лидером Старшего жуза Толе бием, а также «ставка» на него, в противовес Абулхаиру, со стороны российской администрации сделали во второй половине 1740-х гг. Барака сильнейшим владетелем среди казахов. В этих условиях конфронтация между ним и Абулхаиром за вождистское преобладание была неизбежна.

Абулхаир, теряя, и Барак, приобретая влияние и политический вес, искали случая ослабить позиции соперника. Русские источники сообщают о многолетней вражде Абулхаира и Барака и «бывшим у них долговременно между усобным ссорам» [24]. В 1744 г. Абулхаир предпринял попытку силой отложить от Барака казахский род алтай из племени аргын Среднего жуза. Опираясь на поддержку найманского, аргынского и тарактинского племен, Барак нанес Абулхаиру поражение, уже в тот период серьезно поколебавшее авторитет хана как среди казахов, так и в глазах российской администрации. Одной из предпосылок успеха Барака являлся союз со знатнейшим в Среднем жузе Казбек бием из аргынского рода каракесек. Бии и батыры самого алтайского рода также не поддерживали претензий хана Младшего жуза на гегемонию. В своем «объяснении» И.И. Неплюеву они заяви-

ли, что «ежели впредь какие дураки у нас к воровству хотя мало склонятся, то увидим мы, кто в правде состоять будет Абулхаир ли хан с Джамбеком или мы с Барак Солтаном да Казбек бием» [25]. После этого случая позиции султана Барака усилились настолько, что оренбургский генерал-губернатор в своем донесении Сенату от 10 июля 1744 г. отметил: «Тот Барак Солтан между всеми киргиз-кайсацкими владельцами за знатнейшего и многолюднейшего почитается» [25; 211]. Средоточению еще большей полноты власти в руках султана Барака в этот период помешало джунгарское вмешательство. Однако его достаточно гибкая позиция с ориентацией на Россию, а затем и открытая поддержка антиджунгарских выступлений казахов Старшего жуза вновь повысили его авторитет. Более того, его власть стали признавать часть родов Старшего жуза и часть нижних и верхних каракалпаков. В результате возникли условия пролонгации перешедшего на некоторое время в латентную форму конфликта с Абулхаиром и его детьми, стремившимися восстановить свою власть над каракалпаками и утвердиться в поколении алимулы, кочевья которого к тому же граничили с Хивой, где также продолжалась борьба за власть, в том числе с участием различных казахских «партий».

После очередного вмешательства Персии в хивинские дела, свержения правившего незначительное время хана Карагузы, потомка хана Старшего жуза Жолбарса, и утверждения на хивинском престоле казахского султана Каипа Батырханова Абулхаир и Нуралы попытались вторгнуться в хивинские пределы, однако они не нашли поддержки со стороны родовой знати. В донесении Неплюева в Коллегию иностранных дел по этому поводу отмечалось, «что де Нуралы салтан, Абулхаир ханов сын, потому что оной Карагузя ему Нуралею, был троюродной брат, на них хивинцов, для нападения собранием иттить хотел, токмо де киргисцы ево от того отвратили якобы тем, что ежели с ними поспориться, то им киргисцам в вымене их товаров способу не будет» [26]. В 1747 г. Абулхаиру пришлось отказаться и от похода против каракалпаков [27; 38].

Опасаясь нового вторжения, как это уже было в 1742 и 1743 гг., часть нижних каракалпаков в числе 3200 семей, «отделясь от протчих, пошли уже сами в киргизскую орду кочевать», признав над собой власть султана Барака [27; 83]. В ответ на это Абулхаир в ультимативной форме потребовал выдать ему каракалпаков [27; 84], но Барак проигнорировал его требования.

Барак попытался к тому же заключить династический союз между Жадигидами и среднеазиатскими правителями, а затем поддержал личные претензии султана Батыра, отца хивинского хана Каипа, к Абулхаиру.

Барак-султан отдавал свою дочь замуж за Каип-хана. С согласия хана Абулхаира его племянник султан Досалы разграбил брачный караван, а нареченную невесту хивинского хана взял себе в жены [27; 67]. Этот инцидент, а также решение «каракалпакского» вопроса стали поводом (а в определенной и мере и причиной) нападения Барака на аул Абулхаир-хана. В письме от 24 августа 1748 г. Тевкелев писал Неплюеву об убийстве Абулхаира: «Подлинно де старшины знают, что ево Батырь султана интригами сват ево Барак солтан ево Абулхар хана убил до смерти» [27; 68].

Как отмечалось выше, Абулхаир и сам искал встречи с Бараком. Он направлялся в кочевья каракалпаков, подведомственных Бараку, с требованием «их от него к себе отдачи и персонального свидания» [27; 83]. Барак выехал ему навстречу, имея численный перевес вооруженного сопровождения [27; 67]. Суммируя материалы различных «сказок» и писем, Неплюев писал об этом событии следующее: Барак, «седши з бывшими при нем киргисцами на лошадей, не сказав ничего, вдруг на него, хана, учинил нападение, и при том де хан по несколькой драке с стороны Баракковой одним киргисцем так жестоко ударен копьём, что и с лошади упал, а Барак де султан, сверх того, слезши с своей лошади, ево, хана, уже лежачего раза с три в живот ножом приколол. И тако он, хан, того ж часа и умер, и Барак со своими людьми отъехал. Но у киргисцов, как с ево ханской, так и з Баракковой стороны, драки при том не было...» [28]. Последнее свидетельствует, что Абулхаир потерял к этому моменту свой вес даже в глазах ближайшего окружения.

Смерть Абулхаира на время резко изменила ситуацию в степи, вновь сделав ее трудно предсказуемой для российских властей. С одной стороны, единственным сильным султаном, претендовавшим на верховную власть, был Барак. С другой стороны, свои претензии на общеказахское ханское достоинство выдвинул старший сын Абулхаира Нуралы. Позиции Барака ослаблялись угрозой «отмщения» (кровной мести), грозившей перерасти в войну между жузами и родами. Позиции Нуралы сами по себе были непрочными, поскольку он прежде не пользовался доверием даже среди большинства родовых старшин и султанов Младшего жуза. (Забегая вперед, следует отметить, что неспособность Нуралы на решительные действия против Барака окончательно подорвала его авторитет, а сам

он стал фактической марионеткой в руках оренбургских губернских властей, заключивших его, в конце концов, под домашний арест в Уфе и лишивших его даже номинального ханского звания.)

Первоначально Нуралы заявил о своей решимости немедленно совершить кровную месть. Об этом же заявили его братья Ералы, Досалы, а позднее и находившийся в аманатах Айшуак. Этот шаг был во многом вынужденным, поскольку таковы нормы обычного казахского права, и отказ от них привел бы к полной утере властных полномочий Абулхаиридами. Родовые старшины чиклы также заявили о необходимости совершения кровной мести против султана алимулинского поколения Батыра [29], но при этом часть этого рода выступала в качестве охраны караванов Батыра. По более поздним сообщениям А.И. Левшина, казахи Младшего жуза алимулинского поколения рода каракете также выступили против Барака и Батыра, на стороне Абулхаиридов, и, по приказанию хана Нуралы, «ограбили на р. Сагыз многих хивинцев и туркменцев, шедших под прикрытием киргиз-казаков того же алимулинского поколения, но чиклинского рода» [30].

В 1749 г., на поминках по Абулхаиру, собрание старших поколений байулы и жетыру постановило напасть на кочевья Барака. Однако, поскольку военная сила последнего внушала страх и уважение, необходимо было найти союзников против Барака. По донесению полковника Яковлева, в качестве основного союзника были избраны джунгары. Союз облекался в форму брачного договора. За хунтайджи решено было выдать «дочь Абулхаиру, от калмычки рожденную». Переговоры об этом с джунгарами было поручено вести султану Карабашу [31; 143]. Однако пока велись переговоры, невеста умерла, а другую дочь Абулхаира, также рожденную от жены-калмычки Баяны, по имени Намруна, несмотря на решение курултая, взял себе в жены султан Досалы [31; 154].

Российские власти стремились предотвратить как союз казахов Младшего жуза с Джунгарией, так и убийство султана Барака [31; 79]. Оренбургское начальство также стремилось уменьшить вероятность раскола между Жадигидами, в частности, выступления султана Среднего жуза Аблая против Барака [31; 80]. Причину такой позиции раскрыл в своем письме оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев. Он указывал, что интересы России требовали, «чтоб оной Барак при нынешних обстоятельствах, как бы что ни было, спасся и устоял, для высочайших е.и.в. интересов, а особливо на предбудущее время, не без потребности, ибо против фамилии Абулхаир хановой (ежели того нужда позовет) для баланса равного ему нет» [32]. В качестве одного из средств сдерживания Оренбургская администрация использовала подарки к тризне по Абулхаиру его родственникам. Так, жене погибшего хана, ханше Попай, прислана была черная материя для траурного платья [33; 82]. Однако важнейшим рычагом оказания влияния на ситуацию в казахской степи стал в этот период вопрос о конфирмации нового хана.

Уже в письме от 24 августа 1748 г., т.е. спустя всего несколько дней после гибели Абулхаир-хана, Тевкелев писал в донесении из казахской степи Неплюеву о необходимости оказать влияние на процесс избрания хана. А еще «лучше б домогатца главного хана указом зделать; понеже ежели кто у них указом зделан будет, тот может и милость помнить». Более того, этот вопрос рассматривался в качестве важного правового прецедента [34; 68]. Использование впредь такого механизма предполагало усиление зависимости казахской аристократии от России. 14 сентября того же года Неплюев вошел в Коллегию иностранных дел с подобным предложением. В качестве наиболее приемлемого кандидата рассматривался султан Нуралы, которого к тому же «все Малой Орды киргисцы почитают ныне за главного» [33; 79, 80].

Уточняя программу действий, Тевкелев и Неплюев, выплачивая хану регулярное жалованье, предложили правительству использовать корыстолюбие казахской знати и традиционный казахский обычай олжа. Стремление его получения должно было, по их мнению, способствовать тому, чтобы даже выбранные без ведома российского правительства ханы стремились к утверждению. «Тот султан, ведая, что лишается е.и.в. милости и жалованья ханства не примет [без утвержденья], да и старшины не захотят, чтоб хан их был без жалованья, ибо у них древней обычай, яко полученное им должен он всем старшинам разделять» [33; 63]. Неплюев к тому же предложил, чтобы хан получал положенные по штату 300-400 руб. при ежегодной личной аудиенции генерал-губернатора по приезде в Оренбург [33; 64]. Коллегия иностранных дел одобрила этот проект, уточнив, что «хан для ежегодного свидания приезжать не обязан, но письма ежегодно присылать должен» [33; 66].

Нуралы был избран ханом в 1748 г., а его конфирмация российским правительством состоялась в 1749 г. Официально он был провозглашен не ханом казахов Младшего жуза, а ханом казахов. Это формально поддерживало его претензии на общеказахское ханское достоинство, а практически было сделано для противопоставления Нуралы султанам и хану Среднего жуза, сохраняя потенциал на-

пряженности и создавая, таким образом, более широкую опору губернской власти [34]. Вместе с тем российское правительство не желало вооруженной борьбы и гражданской войны, а потому в качестве условия утверждения в ханском достоинстве российские власти потребовали от Нуралы, помимо прочего, прекращения вражды с Бараком.

Под воздействием политики Оренбургской администрации, а также путем переговоров со старшинами Среднего и Старшего жузов постепенно стало меняться и отношение родовой знати Младшего жуза к Бараку. Если еще в августе-сентябре 1748 г. старшины готовы были поддержать военные действия против жадигидов, а Барак вынужден был искать убежище в Старшем жузе, имея постоянно до 5 тыс. вооруженных джигитов [35; 146-148], то постепенно ситуация менялась. На этот процесс оказывали влияние и иные факторы.

Посетивший ставку Барака в пригороде Ташкента Икане Матвей Арапов доносил, что тот, несмотря на опасения мести, не только сохранил значительные полномочия среди подвластных ему казахов Старшего и Среднего жузов, но и расширил их, приблизив к уровню организации государственной власти. Он «владеет ими так, как настоящий их хан и не только подати с них берет, но в Икане чрез них и дом себе построил и прочие работы исправляет, а сверх того... те улусы, в которых он Барак прежде убития ханского владельцем был, намерены прикочевать к нему Бараку и совокупясь иметь ево у себя по прежнему владельцем» [35; 150, 151]. Подведомственные ему казахи из племен найманов, аргынов и конратов готовы были к началу крупномасштабных военных действий против казахов Младшего жуза в случае агрессивных действий со стороны последних [35; 147-151].

Решительная поддержка Барака родовыми старшинами Среднего жуза привела к тому, что значительная часть знати кара-суйек Младшего жуза перестала разделять идею вторжения в кочевья Среднего и Старшего жузов. Уже в 1748 г. российские власти доносили, что вероятность крупномасштабных военных действий в казахской степи невелика, а если и будет совершено покушение на Барака, то абулхаириды попытаются «небольшою партией напасть на него нечаянно» [36; 81]. Летом 1750 г. Нуралы вновь предпринял попытку организовать нападение на аулы Барака и баракидов, но поддержки среди родовой власти Младшего жуза не нашел. Более того, последние заявили хану, что «им с Среднею Ордою драться не для чего». Российские власти также неоднократно отклоняли просьбы Нуралы о предоставлении в его распоряжение «войска для отмщений Бараку» [37]. Одновременно с этим власти Сибири и Оренбурга заверяли Барака в том, что не будут предпринимать никаких репрессий в его отношении в связи с убийством Абулхаира [36].

В конце концов, дело было решено передать на суд съезда биев, который оправдал Барака [38]. Знать кара-суйек стремилась к окончательному примирению, и, по предложению Джанибек-батыра, между потомками Абулхаира и Барака было заключено несколько брачных союзов [39]. Однако отголоски династических распрей ощущались вплоть до 1820-х гг. [39; 277].

Власть хана Нуралы в Младшем жузе с течением времени становилась все более номинальной. Уже в середине 1750-х гг., в связи с башкирским восстанием Батырши, письма о запрете поддержки «разбойников» И.И. Неплюевым направлялись Нуралы, но одновременно такие же по содержанию письма от имени сына генерал-губернатора рассылались родоправителям. При этом Неплюев в своих «Записках» объясняет это именно слабостью власти хана Младшего жуза [40].

В период 1750-1752 гг. власть Барака все более укреплялась. Он установил собственный контроль над Туркестаном [40], подчинил своему влиянию Ташкент с округой, значительную часть родов Среднего и Старшего жузов, а также приаральских каракалпаков. Концентрация власти сопровождалась определенной централизацией управления, организацией механизма относительно регулярных фискальных сборов, попыткой переселения части казахов в наиболее плодородные места и их перевода на оседлость. Происходило усиление и военного потенциала подведомственных Бараку казахов, тем более что постоянно «под ружьем» состояли не менее 4500 сарбазов, что привело к усилению внешнеполитического веса Барака. Подведомственные ему казахи стали реально угрожать Джунгарии. Опасаясь дальнейшего распространения влияния Барака среди племен Центральной Азии, правитель Джунгарии Цэван Доржи не решился на открытые военные действия, но начал активно интриговать против казахского султана, а в 1752 г. приказал отравить Барака [38].

О статусе и фактическом влиянии султана свидетельствует то, что похоронен Барак был в усыпальнице казахских ханов в мавзолее хазрета Ходжа Ахмета Ясави в Туркестане [41]. После его смерти власть постепенно перешла в руки его двоюродного брата султана Аблая [41], последнего казахского владетеля, обладавшего существенной полнотой власти и значительной автономией в решении внутренних вопросов.

Таким образом, во второй четверти XVIII в. в казахской степи происходили процессы трансформации родоплеменной структуры, сопряженные с борьбой за верховную власть чингизидов поколений Осека и Жадига. На первом этапе власть была сосредоточена в значительной мере в руках осекидов. Наибольшим авторитетом и властью пользовался хан Абулхаир, руководитель антиджунгарского ополчения, первым принесший присягу на верность Российской империи. Однако по мере ослабления внешнеполитической напряженности он все более терял свои позиции. Ставка на укрепление собственного авторитета посредством агрессивных действий против калмыков, башкир, каракалпаков, хивинцев и неподведомственных ему казахов не оправдала себя. Все большее влияние среди казахов приобретали султаны-жадигиды, среди которых постепенно на первые роли вышел султан Барак. 1740-е гг. протекали в постоянной борьбе между династическими ветвями за влияние на казахские племена и роды, а также за приобретение внешнеполитических союзников. Экономическое благосостояние Среднего жуза свидетельствует о том, что Барак решал эти вопросы более рационально, чем его основной конкурент Абулхаир.

Внешнеполитические шаги Барака также имели большой успех. В качестве одного из основных акторов внутривосточной борьбы в Казахской степи выступала Российская империя. Абулхаир то сближался с оренбургскими властями, то шел на открытое противостояние с ними, в то время как Барак старался поддерживать достаточно ровные и дружественные отношения. Подвластные Бараку казахи совершали нападения на российские линии не столь часто, как это делали казахи, управляемые Абулхаиром. К тому же Барак постепенно от союзных отношений с Джунгарией склонился к конфронтации с ней и заключению союза с мусульманскими правителями среднеазиатских владений и правителями Старшего жуза, что рассматривалось российскими властями в качестве выгодного для них варианта развития событий. Позиция Абулхаира была менее ярко выраженной, его решения менялись многократно. В отдельные периоды он пытался, в противовес России, ориентироваться на Джунгарию, вступая при этом то в союз, то в конфликт с Хивинским ханством. Все это способствовало повышению авторитета султана Барака и падению престижа Абулхаира в глазах представителей российской администрации. В комплексе эти причины предопределили конфликт Барака и Абулхаира. Вместе с тем такая вражда в целом ослабляла власть казахских владетелей и усиливала позиции российской администрации, которая стремилась управлять конфликтом, успешно отстаивая таким путем собственные интересы и расширяя сферу своего влияния.

Список литературы

- 1 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 441.
- 2 Арапов Д.Ю. Первый российский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев / Д.Ю. Арапов // Сб. РИО. — № 5(153). — М.: Русская панорама, 2002. — С. 32–37.
- 3 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 50-50а; Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. Карт. 15. 1748 г. Д. 3. 108-108 об.
- 4 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
- 5 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1743 г. Д. 3. Л. 120 об.
- 6 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 9.
- 7 Вяткин М.П. Историко-географический очерк Казахстана. — Л., 1940. Неоконченная рукопись на 118 л. Л. 64. Л., 1940. / М.П. Вяткин // Копия. Из личного архива автора.
- 8 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 359, 360, 377.
- 9 Моисеев В.А. Трудные годы // История Казахстана: белые пятна / под ред. Ж.Б. Абылхожина. — Алматы: Казахстан, 1990.
- 10 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик: науч. издание / И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 1999.
- 11 Неизвестный Владимир Иванович Даль. — Оренбург: Оренбург. книжное изд-во, 2002. — С. 57.
- 12 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 434. Л. 4.
- 13 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 41-45.
- 14 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 292 об.
- 15 Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрин, Р.А. Кушнерик; отв. ред. В.А. Моисеев. — Барнаул: АзБука, 2006. — Док. №54. — С. 75.
- 16 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 255.
- 17 Ерофеева И.В. Русско-джунгарские отношения в 40-х годах XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) / И.В. Ерофеева // Из истории международных отношений в Центральной Азии. — Алма-Ата: Ғылым, 1990. — С. 65.
- 18 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1744 г. Д. 4. Л. 120 об.

- 19 Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрина, Р.А. Кушнерик. Отв. ред. В.А. Моисеев. — Барнаул: АзБука, 2006. — Док. №53. — С. 74.
- 20 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 42.
- 21 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 27-30.
- 22 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 1 об.
- 23 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 110, 111.
- 24 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 10.
- 25 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 206.
- 26 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 40; Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1747 г. Д. 3. Л. 268-268 об.
- 27 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
- 28 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. Кар. 15. 1748 г. Д. 3. Л. 228.
- 29 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 68.
- 30 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А.И. Левшин; под общ. ред. М.К. Козыбаева. — Алматы: Санат, 1996. — С. 226.
- 31 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Д. 7. Л. 143.
- 32 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Д. 7. Л. 81; Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 278 об. - 288.
- 33 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.
- 34 Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX веков) / А.Ю. Быков. — Барнаул: АзБука, 2003. — С. 32.
- 35 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 146-148.
- 36 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Л. 62; Д. 7. Л. 181.
- 37 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Д. 6. Л. 79-82; Д. 7. Л. 146.
- 38 Вяткин М.П. Казахское общество в середине XVIII в. / М.П. Вяткин // Известия казахстанского филиала АН СССР. — 1940. — Вып. 1. Сер. историческая. — С. 15.
- 39 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 267. Оп. 9. Д. 36. Л. 50.
- 40 Неплюев И.И. Записки [Электронный ресурс] / И.И. Неплюев. — Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Nepluev/text2.phtml?id=989> С. 53-58.
- 41 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 55

А.Ю. Быков

XVIII ғ. бірінші жартысындағы Орынбор әкімшілігі мен жоғары қазақ ақсүйектері арасындағы қарым-қатынас

Мақалада XVIII ғ. бірінші жартысындағы Қазақстандағы әлеуметтік элита деңгейінде және І Петр мен оның мұрагерлері тағайындаған әкімшілік қызметкерлерінің бейімделу үрдістері қарастырылған. Ертеде хандар және оның басқару аппараты арасындағы қарым-қатынас Қазақстанның Ресейге өз еркімен қосылу үрдісі ретінде түсіндіріліп келді. Автор өзара бейімделу тұжырымдамасын ұстана отырып, тек қана 1731 ж. өзара қатынастарды қарастырмайды. Мақалада басқада қазақ элитасы мен Ресей Империясы әкімшілік қызметкерлері арасындағы байланыстар зерттелген. Зерттеу нәтижесінде Кіші, Орта жүздер және Ресей Империясы аппараты үшбұрышты қарым-қатынастарында Барақ сұлтанның рөлі көрсетілген. Мақаланың жаңалығы тек қана Қазақстанның Ресейге өз еркімен қосылуы емес, сонымен қатар қазақ және орыс элиталарының этносоциологиялық өзара бейімделуінің күрделілігі анықталған. Автордың мұрағат құжаттарын кең түрде қолдануы мақала мазмұнын және ресей-қазақ мәдени-тарихи байланыстарын дамытуды барысындағы тиімділігін күшейтіп отыр.

Кілт сөздер: Қазақ хандығы, Кіші жүз, Орта жүз, Орынбор әкімшілігі, Әбілқайыр хан, әкімшілік құрылымдар.

A.Yu. Bykov

Mutual relations between Orenburg administration and higher kazakh nobility in the first half the XVIII century

The article deals with the adaptation processes of Kazakhstan at the level of the elite of social scales of the first half of the 18th century and the first administrative workers appointed to Kazakhstan by Peter I and his heirs. The relationship between the khanate, its administration and in fact the colonization administration was

previously interpreted as the process of voluntary accession of Kazakhstan to Russia. The author remains in this concept and continues the study of relationships not only on the basis of 1731. Other contacts of various representatives of the Kazakh elite with the administrative staff of the young Russian Empire were also studied. As a result of the research, the role of Sultan Barak in the triangle of relations between the Young, Middle Zhuz and the apparatus of the Russian Empire is emphasized. The novelty of this topic is that not only is the characteristic of the significance of voluntariness in the accession of Kazakhstan to Russia, but also the complexity of the origin of the processes of ethno-political mutual adaptation of the Kazakh and Russian elites. The article used a large number of archival sources that only recently began to be transferred by the Russian Federation to the Republic of Kazakhstan, which strengthens the content and benefits of this study for the development of cultural-historical Russian-Kazakhstan relations.

Keywords: Kazakh Khanate, Young zhuz, Middle zhuz, Orenburg administration, Khan Abulkhair, administrative structures.

References

- 1 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 441 [in Russian].
- 2 Arapov, D.Yu. (2002). Pervyi rossiiskii heneral-musulmanin Kutlu-Muhammed Tevkelev [The first Russian general is a moslem Kutlu-Mukhammed Tevrlrv]. Sbornik RIO, 5 (153), 32–37. Moscow: Russkaia panorama [in Russian].
- 3 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS] F. 267. Op. 1. D. 6. L. 50-50a; Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian empire MFA RF]. F. 122. Kart. 15. 1748 g. D. 3. 108-108 [in Russian].
- 4 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 36. L. 2 [in Russian].
- 5 Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian empire MFA RF]. F. 122. 1743 g. D. 3. L. 120 ob. [in Russian].
- 6 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 521. L. 9 [in Russian].
- 7 Viatkin, M.P. (1940). Istoriko-geograficheskie ocherk Kazakhstana. Neokonchennaia rukopis na 118 l. [Historical - geographical essay of Kazakhstan. Unfinished manuscript on 118 l.]. *Kopii. Iz lichnogo Arkhiva avtora – Copy. From the personal archive of author* [in Russian].
- 8 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 359-360, 377 [in Russian].
- 9 Moiseev, V.A. (1990). Trudnye hody [Difficult years]. *Istoriia Kazakhstana: belye piatna – History of Kazakhstan: white spots* [in Russian].
- 10 Erofeeva, I.V. (1999). *Han Abulkhair: polkovodets, pravitel i politik [Khan Anulkhair: war-lord, ruler and politician]*. Almaty: Sanat [in Russian].
- 11 *Neizvestnyi Vladimir Ivanovich Dal [Unknown Vladimir Ivanovich Dal]*. (2002). Orenburg: Orenburshskoe knizhnoe izdatelstvo [in Russian].
- 12 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 434. L. 4 [in Russian].
- 13 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 7. L. 41-45 [in Russian].
- 14 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 438. L. 292 ob. [in Russian].
- 15 Moiseev, V.A., Nozdrina, I.A., & Kushnerik, R.A. (2006). Russko-dzhunharskie otnosheniia (konets XVII – 60-e hh. XVIII vv.). Dokumenty i izvlecheniia [Russian-dzhungar relation (end of XVII - 60th XVIII). Documents and extractions]. V.A. Moiseev (Ed). (No. 54). Barnaul: AzBuka [in Russian].
- 16 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 255 [in Russian].
- 17 Erofeeva, I.V. (1990). Russko-dzhunharskie otnosheniia v 40-h hodakh XVIII v. i Kazakhstan (posolstvo K. Millera) [Russian-dzhungar relation in 40th of XVIII of century and Kazakhstan (embassy of K. Miller)]. *Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentralnoi Azii – From the history of international relations in Central Asia*, 65. Alma-Ata: Hylm [in Russian].
- 18 Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. 1744 g. D. 4. L. 120 ob. [in Russian].
- 19 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 36. L. 42 [in Russian].
- 20 Moiseev, V.A., Nozdrina, I.A., & Kushnerik, R.A. (2006). Russko-dzhunharskie otnosheniia (konets XVII – 60-e hh. XVIII vv.). Dokumenty i izvlecheniia Russian-dzhungar relation (end of XVII - 60th XVIII). Documents and extractions]. V.A. Moiseev (Ed.). Barnaul: AzBuka [in Russian].
- 21 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 36. L. 27-30 [in Russian].
- 22 Arkhiv Sankt-Peterburshskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 438. L. 1 ob. [in Russian].

- 23 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 110-111 [in Russian].
- 24 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 521. L. 10. [in Russian].
- 25 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 206 [in Russian].
- 26 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 40; Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. 1747 g. D. 3. L. 268-268 ob. [in Russian].
- 27 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 38 [in Russian].
- 28 Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. Kar. 15. 1748 g. D. 3. L. 228 [in Russian].
- 29 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 68 [in Russian].
- 30 Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirhiz-kazachikh, ili kirhiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of Kirgiz-kazachih6 or Kirgiz-kaicackih hordes and steppes]. M.K. Kozybaev (Ed.). Almaty: Sanat [in Russian].
- 31 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. D. 7. L. 143 [in Russian].
- 32 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. D. 7. L. 81; Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF [Archive of foreign policy of the Russian Empire MFA RF]. F. 122. 1748 g. D. 3. L. 278 ob. - 288 [in Russian].
- 33 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 6. L. 82 [in Russian].
- 34 Bykov, A.Yu. (2003). Istoki modernizatsii Kazakhstana (Problema sedentarizatsii v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX vekov) [Sources of modernisation of Kazakhstan (A problem of седентаризации is in Russian politics of XVIII – XX of centuries began)]. Barnaul: AzBuka [in Russian].
- 35 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 1. D. 7. L. 146-148 [in Russian].
- 36 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. L. 62; D. 7. L. 181 [in Russian].
- 37 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. D. 6. L. 79-82; D. 7. L. 146 [in Russian].
- 38 Vyatkin, M.P. (1940). Kazakhskoe obshchestvo v seredine XVIII v. [Kazakh society in the middle of the XVIII century]. *Izvestiia Kazakhstanskoho filiala AN SSSR. Seriya istoricheskaja – News of the Kazakhstan branch of the USSR Academy of Sciences. Historical series, Issue 1*, 15 [in Russian].
- 39 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 267. Op. 9. D. 36. L. 50 [in Russian].
- 40 Nepliyuev, I.I. Zapiski [Notes]. *vostlit.info*. Retrieved from <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Nepluev/text2.phtml?id=989> S. 53-58 [in Russian].
- 41 Arkhiv Sankt-Peterburhskoho instituta istorii RAN [Archive of the Saint Petersburg institute of history of RAS]. F. 36. Op. 1. D. 521. L. 55 [in Russian].

Б.Т. Тулеуова, В.В. Горовой, К.Т. Тулеуова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: b_t_tuleuova@mail.ru)*

Роль мировой историографии в модернизации образовательного значения исторического знания

Важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый культурный поворот, характеризующий переход от множества личностей к человеческому потенциалу, а в перспективном плане — к человеческому капиталу в масштабе региональной истории. В статье приведен анализ роли мировой историографии в модернизации образовательного потенциала исторического знания, в том числе применительно к опыту Республики Казахстан. На основе комплексного обзора существующих точек зрения зарубежных историков выделена роль исторического знания в формировании национального сознания молодого поколения в условиях духовной модернизации как одного из участников процессов преобразования общества. Проведенный анализ опыта передовых зарубежных стран по формированию общественного сознания в рамках модернизационных процессов позволил выявить особый интерес исследователей к определению цивилизационных основ процессов модернизации в разных странах в различные исторические периоды, сформировавших и продолжающих формировать уникальный модернизационный профиль своей страны. Это позволяет обнаружить эффективные способы, социальные историко-культурологические переменные, глубинные причины и механизмы, рецепты и секреты «прогрессивного» и «ускоренного» модернизационного развития зарубежных стран. Выделены две характерные тенденции развития исторического знания в условиях компетентностной модели образования: одна направлена на то, чтобы теснее связать обучение истории с развитием личности и навыков самостоятельного творческого критического мышления, с формированием качеств, позволяющих любому гражданину делать выбор в демократическом обществе; другая — при которой на первый план выдвигаются патриотические и духовные ценности общества. Это позволило авторам статьи утверждать, что историческое образование, патриотическое и поликультурное воспитание могут противостоять духовному кризису, помочь в формировании обновленного национального сознания.

Ключевые слова: модернизация, историческое знание, историческое образование, человеческий капитал, молодое поколение.

Важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый культурный поворот, характеризующий переход от множества личностей к человеческому потенциалу, а в перспективном плане — к человеческому капиталу в масштабе региональной истории. В нем на основе нового гуманитарного знания нашли отражение возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в истории и стремление к ее контекстуализации на новой теоретико-методологической основе, соответствующей глобальному характеру современной цивилизации, целям развития межкультурного диалога и принципу единства в многообразии. Сопоставление ключевых аспектов картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций, составляющих суть современных модернизационных процессов, поиск собственного пути инновационного развития в общем русле мировой истории — одна из центральных проблем исторической науки в XXI в.

В классическом варианте XX в. теория модернизации представляла собой попытку обобщения с либерально-реформистских позиций опыта Запада и имела целью разработку программы ускоренного перехода освободившихся от колониализма стран третьего мира от традиционного общества к современному. Поэтому большинство существующих определений понятия «модернизация» как особой формы развития, суть которой — переход от традиционного общества к современному, замыкается в противопоставлении ключевых понятий «Запад» и «не-Запад», «современное» и «традиционное», «индустриальное» и «аграрное» [1].

В современной версии модернизации можно отметить следующие составляющие: отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; большее, чем прежде, внимание к внешним, международным факторам, глобальному контексту; отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса [2; 224].

Обобщение современных исследований по проблемам модернизации позволяет выделить пространственно ориентированную модель модернизационного анализа. Её сутью является признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации; распространение инноваций в качестве значимого фактора модернизации; акцентирование внимания на роли социальных акторов, как индивидуальных, так и коллективных; ограничение комплексности как измерения процесса модернизации исторически конкретными рамками; признание значимости природно-географических условий; признание возможности вариативного поведения отдельных регионов в процессе модернизации в форме особенностей существования и различия их характеристик в пространстве (конвергенция и дивергенция); признание пространственной специализации региона на определённых видах социальной деятельности в качестве существенного аспекта модернизации [2; 224, 225].

Если первые варианты теорий модернизации были отмечены выраженным западнцентризмом, а сам процесс понимался фактически как вестернизация, то сегодня модернизационная парадигма выглядит более адаптированной к реалиям современного мира, а её сторонники признают многообразие путей движения в современность. Мировой опыт модернизации свидетельствует, что при выборе модернизационной модели важно учитывать специфику своей страны и не стремиться, например, перестать быть казахами и стать американцами [3; 256].

Среди работ зарубежных авторов можно выделить труды французского ученого, философа, историка П. Рикера, в частности знаменитый труд «История и истина», куда вошли статьи 50-60-х годов XX в. [4; 13]. Данный сборник статей представляет собой цикл размышлений по проблемам исторического знания, истины в историческом познании, вовлеченности в историю и ее взаимосвязи с гражданской вовлеченностью. Не являясь сторонником понятий «модернизм», «модернизация», «новейшая эпоха», он, на примере рассмотрения и анализа разных типов прошлого, представленных греческой и римской цивилизациями, иудейской и христианской традициями, в результате синтеза которых наступила эпоха средневековья, доказывает, что значительная часть западных конфликтов заключается в искаженной концентрации на собственном прошлом. По мнению Рикера, дух новизны, который выделяется в качестве ключевого понятия в процессах модернизации, — «это усилие по преодолению новизны настоящего и устремленность в будущее, исходя из наследия прошлого. И, следовательно, настоящее, прошлое и будущее диалектически взаимосвязаны» [4; 13]. Здесь он отдает дань уважения знаменитому историку философии Кеселеку, который показал в своем труде «Будущее прошлое», что прошлое имеет будущее. Более того, Рикер современную эпоху, т.е. вторую половину XX в., характеризует как «напряженное соотношение между упованиями на будущее, возможно, утопическое, и опорой на прошлое, отягощенное консерватизмом». Соответственно, дух новизны, по мнению французского ученого, заключается в переоценке (т.е. в обновлении) грядущего будущего с позиций достижений прошлого [4; 14].

Диалектическую взаимосвязь прошлого и будущего отмечает и немецкий историк О.Г.Эксле, один из ярких представителей современного гуманитарного знания, который рассматривает историю как «историю проблем», а не «фактов» из независимо от нас существующего прошлого. Эти проблемы диктуют историку его время, глубинные запросы общества: «Современность (Modern) создает прошлое, образы прошлого. Поэтому наряду с собственно предметом исторического исследования анализу подвергаются и актуальные общественные процессы, и ментальный климат научного сообщества, творящего предмет научного исследования, и история изменений этого предмета — «образа прошлого» — во времени» [5; 5].

О.Г. Эксле является автором широкого круга статей о средневековой культуре, одним из наиболее авторитетных специалистов в области истории и теории культурной памяти, в последние десятилетия превратившейся в мировой бренд современной исторической науки. В 50-е годы XX в. основы понятия «*memoria*» («память») лежали в сфере религиозного мышления и литургической практики как поминовения умерших. Однако уже в конце 60-х годов XX в. немецкие историки во главе с О.Г. Эксле, работая с архивными материалами, содержащими списки для поминовения, для изучения истории знатных родов и особых персон, обнаружили, что решающим фактором при выборе рода являются не реальные генеалогические связи, а сознание человека, с кем он себя ощущает в родстве, т.е. как он себя самоидентифицирует. Так, изучение религиозных групп и кровного родства привело к новой постановке проблемы: об отношении индивида и группы в средние века, о факторах, обуславливающих возникновение группы и идентичности ее членов [5; 19].

На вопрос о соотношении понятий «история» и «воспоминание», «наука» и «память» О.Г. Эксле отвечает: «Итак, современные исторические науки не могут больше сами давать инструкций, не могут — как «наука» — предписывать «жизни», как та должна быть устроена. В силу своих возможностей «история» не может заменить «память». Однако, предохраняя от забвения, она стоит на страже против всех тех, кто «уничтожает память, подделывает энциклопедии, стряпает историю и сочиняет мифы о прошлом. На исторические науки, следовательно, должна быть возложена забота о том, как можно более избежать забвения» [6; 101]. Данный ответ возлагает высокую степень социальной ответственности на историка как собирателя, хранителя и интерпретатора фактов и событий.

Как известно, основу любой цивилизации составляют «системы символов, ценностей и верований, которые правят обществом... В различные эпохи, в различных исторических условиях формы поведения могут изменяться, но в любом случае они являются выражением единого общего содержания» [7; 162].

Это доказывает опыт целых ряда стран Востока, прошедших путь догоняющего развития и достигших своих целей, при этом не утратив национальных особенностей. В качестве примера можно привести опыт Японии по послевоенному восстановлению, которая, несмотря на сильное влияние США, сумела утвердить свой экономический путь развития, отличающийся от американского образца. Успех модернизации этой страны заключался в наличии мощного внутреннего нравственного потенциала японского общества, корни которого восходят к далекой древности, к религиозным традициям синто и конфуцианства. История показывает, что японцы строят свои принципы на основе уважения, чести, спокойного позитивного отношения ко всему сущему, прагматизма и полной ответственности. Именно они легли в основу быстрого роста Японии, сумевшей соединить свои национальные ценности с западным прогрессом.

В конце XX в. истинность данных положений сумели доказать страны Юго-Восточной Азии, которые выбрали свою модель модернизации. Они смогли достичь органичного сочетания рыночной экономики с так называемой «азиатской системой ценностей». Успешная практика модернизации с опорой на реинтерпретацию национальных традиций в странах Азиатско-Тихоокеаного региона привела к радикальному пересмотру основ самой модернизационной теории.

Применительно к опыту модернизации Китая возможности исторического знания впервые были отмечены известным китайским философом, историком, государственным деятелем конца XIX — начала XX в. Лян Цичао, который в своих трудах обосновывал необходимость исторических перемен в терминологии «эволюции Китая от империи к нации» и «изменения установлений», т.е. проведение реформ. Понятие реформы в его понимании обозначало комплексную модернизацию страны, создание всеобъемлющей сети коммуникаций, современной прессы, системы образования, в том числе женского, парламентской системы и законодательства. Важно то, что для Лян Цичао необходимость исторического знания и конструирование новой китайской исторической науки были неоспоримы. История была для него единственной наукой, которая способна объяснить развитие цивилизации и всех её составляющих [8; 101, 102].

Также важно выделить трактат Лян Цичао «Об обновлении народа» (1902 г.), в котором идея обновления тесно связана с концепцией переходного периода. По мнению ученого, китайцам следовало познакомиться с западными жизненными ценностями, а самое главное — приобрести новую социальную этику общего блага (гун дэ). Традиционные конфуцианские ценности должны быть обновлены на основе западных ценностей, изменив отношение китайцев к обществу и государству. Однако через год Лян Цичао впервые осознает разницу менталитетов и возможности рисков психологического характера для развития нации. Происходящий на его глазах интенсивный контакт Китая с Западом привёл лишь к деформации национальных ценностей. Поэтому позже в трудах Лян Цичао главным моментом стал его возврат к наследию предков, когда он признает, что каждое общество «вскармливает» своих людей, исходя из традиционных ценностей. У китайцев это находит отражение в четырех конфуцианских базовых ценностях — жэнь (гуманность), и (долг-справедливость), ли (ритуал) и чжи (разумность). Возврат к этим четырём дэ — это единственное средство спасения Китая от гибели [8; 102].

Современные китайские историки высоко оценивают вклад Лян Цичао в развитие «новой историографии» Китая в совершенно новую эпоху модернизации, основная цель которой состояла в том, чтобы использовать историю национального развития и эволюции в воспитании людей, помогая им стать национально сознательными «гражданами» [9]. Несмотря на существующие противоречия в научном наследии Лян Цичао, для казахстанской исторической науки важен вывод китайского учено-

го о том, что формирование исторического мышления как национальной задачи является единственным методом спасения нации: «История — это то, посредством чего фиксируются формы непрерывной деятельности человеческого общества, оценка его достижений, поиск причинных связей, и служащее беспристрастным зеркалом для широкой публики в своей современности. Это то, что рассказывает о деяниях древних китайцев, чтобы послужить нынешней китайской нации, и только это беспристрастное зеркало зовётся китайской историей» [10].

Аналогичная точка зрения встречается и в работах индийских исследователей, которые отмечают наличие дилеммы, когда перед неизбежностью модернизации страны, представленные традиционными обществами, сталкиваются с проблемой сохранения своей культурной идентичности и самобытности. Важен вывод индийского ученого Romesh Thapar о том, что главная цель модернизационного преобразования этих обществ — создать такой современный способ жизни, при котором каждый взаимодействует с другими, при этом уважительно воспринимает их различия и уверенно поддерживает свою исключительность [11].

Важно отметить модернизационный опыт современного развития Ирана, который позволяет говорить о возможности взаимодействия универсальных норм и практики модернизации и конкретных культурных традиций данной страны. В статье специалиста Центра иранских исследований Лондонского университета SOAS Ghoncheh Tazmini отмечается, что исторический опыт Ирана свидетельствует о необходимости более широкого взгляда на модернизацию путем размещения его в контексте культурной адаптации цивилизационных особенностей к вызовам современности [12].

В работах европейских исследователей проблематика проекта представлена работами о духовности в современном понимании. Духовность как основа общественного сознания тесно увязывается с религиозной практикой, при этом исследователи отмечают универсальный характер духовного знания. Соответственно, обращаясь к практике общеобразовательных школ, они призывают к педагогике, способной решать как универсальность духовных устремлений всего человечества, так и реальность различных духовных традиций, присущих определенному народу. «История моей жизни всегда вписана в историю моего сообщества, где формируется моя личность. Я рожден с прошлым, поэтому попытка отрезать меня от этого прошлого, значит, деформировать мои нынешние отношения. Обладание исторической идентичностью и обладание социальной идентичностью совпадают» [13]. Высказывание А. Масинтыре еще раз демонстрирует актуальную для Казахстана роль исторического сознания, основанного на знании своих корней, своей истории, культуры и традиций, в формировании социальной и гражданской идентичности.

Вместе с тем изучение религиозных убеждений, обычаев и традиций, разнообразных семейных отношений и даже исчезнувших социальных структур через историческое познание позволяет понять, как разные человеческие общества пытались справиться с окружающим миром. Как отмечает Уильям Х. Макнейл, расширение нашей гуманности и наших чувств, признавая одинаковость и разницу во всем записанном прошлом, является важной причиной для изучения истории, и особенно истории народов в древности. Только мы сами через историческое знание можем узнать, как похожи и как мы отличаемся от других. Знакомство с человеческим прошлым — единственный путь к такому самопознанию [14].

Данные примеры и современные сравнительные исследования в сфере модернизации зарубежных стран свидетельствуют о том, что любой инновационный прорыв должен быть санкционирован национальной культурой и подкреплен целой системой инфраструктуры, представленной в конкретном обществе его научным, технологическим потенциалом и, главное, духовными ценностями и традициями, сложившимися в данном социуме. Если возникает диссонанс между инновацией и этой инфраструктурой, то это может вызвать отторжение нового, спровоцировать дисбаланс в обществе. Следовательно, важно найти то, что заставило бы инновацию превратиться в традицию [15; 248].

Задачу поиска решения данной дилеммы поставило перед собой казахстанское общество, которое встало на путь масштабных преобразований в экономике и политике. Одним из важных решений этого вопроса стало обновление духовной составляющей модернизационных процессов.

Процесс модернизации обуславливает изменение парадигмы образования. И.М. Ильинский отмечает в своей книге «Образовательная революция», что именно образование должно носить «упреждающий, опережающий характер, способствовать конструированию и строительству новой реальности»... Это означает и смену приоритетов: «если прежняя парадигма в своей основе и содержании была научно-технократической, то новая по своему содержанию является прежде всего гуманитарной» [16; 240]. Данное мнение согласуется с позицией Президента Республики Казахстан

Н.А. Назарбаева: «если в системе ценностей образованность станет главной ценностью, то нацию ждет успех» [17].

Сегодня информационные и телекоммуникационные технологии являются неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, становятся драйверами четвертой промышленной революции. С одной стороны, как пишет К. Шваб в своем знаменитом труде, «с помощью радикальных технологических изменений мы имеем возможность поразмышлять, кто мы есть на самом деле и как мы воспринимаем мир» [18; 218], а с другой — четвертая промышленная революция «изменяет не только то, что мы делаем, но и то, чем мы являемся». Данное мнение в определенной степени касается и места исторического знания в жизни общества, так как оно способствует росту человеческого сознания, а воссоздание исторического прошлого обогащает личностный опыт индивидумов: «оно упражняет ум, воспитывает сопереживание и позволяет увидеть многие насущные проблемы современности в исторической ретроспективе» [16; 56].

Одним из негативных последствий и возможных рисков четвертой промышленной революции на фоне возросшей мобильности людей и их информационной осведомленности является изменение жизненных устремлений большинства молодого поколения, готовых искать решение своих задач за горизонтом, переопределение личной идентичности, которая становится более многосторонней, чем прежде, пересмотр семейной идентичности, уже не связанной в пространственном отношении, а простирающейся по всему миру [19; 66]. Данную ситуацию усугубляет снижение роли гуманитарного образования в обществе.

Подтверждением этого является существующая ситуация в системе исторического образования в Казахстане, которая демонстрирует ряд недостатков, позволяющих судить о низком уровне исторического знания у молодого поколения. Сегодня молодежь порой не знает простейших исторических фактов всемирной и отечественной истории. Данная тенденция носит глобальный характер. Как отмечается зарубежными исследователями, «сегодня во всех странах мира в начальной и средней школе, колледжах и университетах сокращается объем изучаемых гуманитарных наук... В эпоху, когда сохранение конкурентоспособности на мировом рынке объявляется главным приоритетом, гуманитарные знания теряют свои позиции в учебных программах, а заодно в умах и сердцах детей» [20; 18].

Однако в условиях глобализации мирового пространства на фоне ускоряющихся темпов экономической, технологической, информационной интеграции мирового сообщества важнейшим мировоззренческим запросом новых поколений является стремление понять свое место и предназначение в мире, что, соответственно, усиливает значение исторического знания.

До недавнего времени в отечественной и зарубежной историографии существовала традиционная исследовательская практика освещения — «история сверху», замкнутая на истории великих людей и событиях государственного масштаба, тогда как история отдельных регионов, повседневная жизнь обычных людей оставалась лишь историческим фоном. В связи с этим в изучении истории в большинстве стран Западной Европы наблюдается стремление к расширенному толкованию содержания учебного предмета «История». В содержание исторического образования сегодня включается не только политическая или военная история государств, но и история как совокупность социальных, культурных, гендерных, ментальных аспектов жизни общества и человека. Содержание тем по истории в школьной программе смещается в сторону повседневной жизни человека — освещение истории женщин, мигрантов, этнических меньшинств, детей. Этот подход очень важен с точки зрения формирования самосознания, социальной идентичности личности [21; 118].

Еще одной заметной тенденцией в странах Европы стала актуализация формирования критического мышления школьников. По мнению известного британского методиста Дж. Николы, изучение истории в школе должно быть направлено на то, чтобы научить школьника «делать историю» [22; 155], т.е. на основе анализа исторических источников воссоздавать картину прошлого. В этой связи особое значение уделяется развитию критического мышления учащихся, способного различать факт и его интерпретацию, определять суть проблемы и альтернативные пути ее решения.

Доминирующей тенденцией в историческом образовании в странах Западной Европы является изменение критериев отбора содержания образования. При разработке национальных образовательных стандартов сегодня все шире применяется подход, ориентированный на цели развития личности учащихся. При этом подходе конкретное содержание курсов истории (например, в Великобритании) является второстепенным фактором. Главной целью исторического образования становится овладение умениями, необходимыми для познания исторической реальности, понимания событий прошлого.

го, развития опыта критического мышления, освоения навыков работы с историческими источниками и литературой. Как говорит Дж. Никол, «развитие исторического мышления как набора умений и процессов должно происходить на протяжении всей жизни, от школы до взрослой жизни. Эти умения и процессы придают истории форму и структуру. История развивает способность задавать вопросы, исследовать, выявлять доказательства, выдвигать гипотезы, дебатировать, создавать понимание, объяснять и оправдывать. Эти процессуальные умения возникают, если дети «делают историю», работая как историки под руководством и при поддержке учителя» [22; 155].

В то же время среди исследователей наблюдается другая точка зрения: при всей важности выработки исторических умений произошла некоторая недооценка роли исторических знаний. Так, редактор английского журнала «Teaching History» К. Коунсел разделяет мнение, что нужен новый акцент на историческом знании: «Было время, когда мы старались сконцентрироваться только на умениях. Я приветствую возвращение к знаниям. Знание — инструмент выработки мышления» [Цит.: 23; 25].

Не менее значимой целью исторического образования в современном мире считается воспитание гражданских идеалов, национально-гражданской идентичности, что предполагает формирование и актуализацию исторической памяти. Для этого необходима программа воссоздания преобразовательного характера гуманитарных наук, в том числе истории, побуждающих к действию и обращенных в будущее. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем интервью «Российской газете» еще в 2009 г. отметил «Мы по-прежнему смотрим на сегодняшний мир, как и на будущий Новый мир, сквозь оптику старых инструментов мышления. Но для начала радикального обновления нам надо обновить наше мышление. Соответственно, нужно обновить и все понятия, категории, теории, схемы, концепты мышления и термины, обозначающие факты и явления нового мира» [Цит.: 24; 266].

Таким образом, сравнительный анализ западных и восточных концепций модернизационных процессов приводит к выводу, что эффективность любой модели модернизации напрямую связана с учетом национальных условий, исторического знания по развитию своей страны и региона. Однако если в Европе задачи национального и демократического строительства решались последовательно, то Казахстан оказался в жестко спрессованном потоке времени, когда одновременно приходилось решать задачи и национального, и демократического строительства. Среди множества различий казахстанской модернизации, а именно исторических, геополитических, социальных, культурных и прочих, сегодня важное место занимает духовная модернизация.

Список литературы

- 1 Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В.Г. Федотова // Вопросы философии. — 2000. — № 4. — С. 3–27; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. — М.: РОССПЭН, 2006. — 240 с.
- 2 Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI веков: монография / Л.Р. Хут. — М.: Прометей, 2010. — 702 с.
- 3 Сарсенбаева З.Н. Этнос и ценности / З.Н. Сарсенбаева. — 2-е изд. — Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения, 2018. — 316 с.
- 4 Рикер П. История и истина / П. Рикер; пер. с фр. И.С. Вдовина. — СПб.: Алетейя, 2002. — 400 с.
- 5 Арнаутова Ю. Историческая наука о культуре Отто Герхарда Эксле: предисл. к книге / Ю. Арнаутова // Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории средневековья. — М.: Новое лит. обозрение, 2007. — 360 с.
- 6 Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно изменяющемся мире // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / О.Г. Эксле; ред. Л.П. Репина. — М., 2004. — № 11. — С. 84–110.
- 7 Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Ш.Н. Эйзенштадт; сост., ред. и вступ. ст. Б.С.Ерасова. — М.: Аспект-пресс, 1999. — 556 с.
- 8 Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян Цичао: теория обновления народа / Л.Н. Борох. — М.: Вост. лит., 2001. — 287 с.
- 9 Jiang Mei. New Historiography for the cultivation of the character of the «new citizen»: Liang Qichao's ideas of history education and their practice // Chinese Studies in History. — 2017. — Vol. 50. — Issue 2. — P. 76–88.
- 10 Tang Xiaobing. Global space and the nationalist discourse of modernity : the historical thinking of Liang Qichao. — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1996.
- 11 Romesh Thapar. Identity in modernization // World Futures. — 1990. — Vol. 28. Issue 1-4. — P. 33–40 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/02604027.1990.9972146>.
- 12 Ghoncheh Tazmini. To be or not to be? (like the West): modernisation in Russia and Iran [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447375>.
- 13 MacIntyre A. After virtue : a study in moral theory / by Alasdair MacIntyre. — 3rd ed. p. cm.

- 14 Макнейл Уильям Х. Зачем изучать историю [Электронный ресурс] / Х. Уильям. — Режим доступа: [https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-\(1985\)](https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-(1985)).
- 15 Алексеев Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения: учеб. пособие для вузов / Т.А. Алексеев. — М.: Аспект-пресс, 2015. — 623 с.
- 16 Ильинский И.М. Образовательная революция / И.М. Ильинский. — М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальной академии, 2002. — 592 с.
- 17 Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания / Н.А. Назарбаев // Казахстанская правда. — 2017. — 12 апр. — С. 1–2.
- 18 Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография / К. Шваб; пер. с англ. — М.: Изд-во «Э», 2017. — 208 с.
- 19 Гулин К.А. Тренды четвертой промышленной революции / К.А. Гулин, В.С. Усков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 216–221.
- 20 Нуссбаум Марта. Не для прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки / Марта Нуссбаум; пер. М. Бендет. — М.: Высш. шк., 2014. — 192 с.
- 21 Вяземский Е. Национальные образовательные стандарты по истории: зарубежный опыт // Новая и новейшая история. — 2011. — № 6. — С. 117–124.
- 22 Никол Дж. Ремесло учителя истории. — Ярославль: ЯГПУ, 2001. — 272 с.
- 23 Байбородова Л. Изучение истории в средней школе: учеб. пособие / Л. Байбородова, А. Соколов, М. Корнеева. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. — 403 с.
- 24 Батулин В.С. Социальная деятельность в контексте методологического дискурса / В.С. Батулин. — Караганда: ИП «Марченко», 2018. — 345 с.

Б.Т. Тулеуова, В.В. Горовой, К.Т. Тулеуова

Әлемдік тарихнаманың тарихи білімнің білім беру маңыздылығын жаңартудағы рөлі

Мақалада әлемдік тарихнаманың тарихи білімнің білім беру әлеуетін жаңғыртудағы, оның ішінде Қазақстан Республикасының тәжірибесіне қатысты рөлі талданды. Шетел тарихшыларының көзқарастарына кешенді шолу негізінде авторлар қоғамның әлеуметтік өзгерістер процесіне қатысушылардың бірі ретінде рухани жаңғыру жағдайындағы жас ұрпақтың ұлттық санасын қалыптастырудағы тарихи білімнің рөлі айқындалды. Алдыңғы қатарлы шет елдердің жаңғыру үдерістерінің шеңберіндегі қоғамдық сананы қалыптастырудағы тәжірибесін талдау негізінде зерттеушілердің әртүрлі елдерде және тарихи кезеңдердегі өз елінің бірегей модернизациялық бейнесін қалыптастырған жаңғыру үдерістерінің өркениеттік негіздерін анықтауда ерекше қызығушылығын тудырды. Бұл шет елдерінің «прогрессивті» және «жылдам» модернизациялық дамуының тиімді әдістерін, әлеуметтік тарихи-мәдени құрамдас бөліктерін, негізгі себептері мен механизмдерін, тәсілдері мен құпияларын анықтауға мүмкіндік береді. Құзыретті білім беру моделі жағдайындағы тарихи білім дамуының екі өзіндік бағыты ажыратылады: біріншісі, тарихты оқытуды тұлғаның дамуы мен оның өзіндік шығармашылық сыни ойлау дағдысымен, демократиялық қоғамдағы әр азаматқа таңдауға мүмкіндік беретін қасиеттердің қалыптасуымен байланыстыру; екіншісі — қоғамның патриоттық және рухани құндылықтарын алдыңғы қатарға қою. Осыдан тарихи білім, патриоттық және полимәдени тәрбие рухани дағдарысқа қарсы тура алады және жаңартылған ұлттық сананың қалыптасуына көмектеседі деген пікір айтуға негіз бар.

Кілт сөздер: жаңғыру, тарихи білім, тарихи білім беру, адам капиталы, жас ұрпақ, рухани дағдарыс.

B. T. Tuleuova, V. V. Gorovoi, K. T. Tuleuova

The role of world historiography in the modernization of the educational value of historical knowledge

The authors focus on the analysis of the role of world historiography in the modernization of the educational potential of historical knowledge, including in relation to the experience of the Republic of Kazakhstan. The article, based on a comprehensive review of existing points of view of foreign historians, highlights the role of historical knowledge in shaping the national consciousness of the young generation in the context of spiritual modernization as one of the participants in the processes of social transformation. The analysis of the experience of advanced foreign countries in the formation of public consciousness in the framework of modernization processes revealed a special interest of researchers in defining the civilizational bases of modernization processes in different countries in different historical periods that formed and continue to form a unique modernization profile of their country. This provides you to discover effective ways, social historical and cultural variables, the underlying causes and mechanisms, recipes and secrets of the «progressive» and

«accelerated» modernization development of foreign countries. There are two characteristic trends in the development of historical knowledge in the context of the competence-based model of education: one aimed at closer linking history teaching with the development of personality and the skills of independent creative critical thinking, with the formation of qualities that allow any citizen to make a choice in a democratic society; and the other, in which the patriotic and spiritual values of society are highlighted. This allowed the authors of the article to assert that historical education, patriotic and multicultural education can confront a spiritual crisis and help in the formation of a renewed national consciousness.

Keywords: modernization, historical knowledge, historical education, human capital, young generation.

References

- 1 Fedotova, V.G. (2000). Tipologii modernizatsii i sposobov ikh izucheniia [Typology of modernization and ways to study them]. *Voprosy filosofii – Philosophy issues*, 4, 3–27 [in Russian]; Poberezhnikov, I.V. (2006). *Perekhod ot traditsionnogo k industrialnomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii* [Transition from the traditional to the industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPJeN [in Russian].
- 2 Hut, L.R. (2010). *Teoretiko-metodologicheskie problemy izucheniia istorii Novoho vremeni v otechestvennoi istoriografii rubezha XX-XXI vekov* [Theoretical and methodological problems of studying the history of the New time in the national historiography of the turn of the XX-XXI centuries]. Moscow: Prometei [in Russian].
- 3 Sarsenbaeva, Z.N. (2018). *Etnos i tsennosti* [Ethnicity and values]. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniia [in Russian].
- 4 Riker, P. (2002). *Istoriia i istina* [History and truth]. (I.S. Vdovin, Trans.). Saint Petersburg: Aleteia [in Russian].
- 5 Arnautova, Ju. (2007). *Istoricheskaia nauka o kulture Otto Herkharda Eksle: predislovie k knihe* [Otto Gerhard Eksle's Historical Study of Culture: Preface to the Book]. *Deistvitel'nost' i znanie: ocherki sotsialnoi istorii srednevekovia – Reality and Knowledge: Essays on the Social History of the Middle Ages*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 6 Jeksle, O.G. (2004). *Istoricheskaia nauka v postoianno izmeniaiusshchemsya mire* [Historical science in a constantly changing world]. *Dialoh so vremenem: almanakh intellektualnoi istorii – Dialogue with time: an intellectual history almanac*, 11, 84–110. L.P. Repina (Ed.). Moscow [in Russian].
- 7 Jeizenshtadt, Sh.N. (1999). *Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv* [Revolution and transformation of societies]. *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii. Khrestomatiia – Comparative study of civilizations. Chrestomathy*. B.S. Erasov (Ed.). Moscow: Aspekt-press [in Russian].
- 8 Boroh, L.N. (2001). *Konfutsianstvo i evropeiskaia mysl na rubezhe XIX–XX vekov. Lian Tsichao: teoriia obnovleniia naroda* [Confucianism and European thought at the turn of the XIX–XX centuries. Liang Qichao: theory of renewal of the people]. Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].
- 9 Jiang, M. (2017). New Historiography for the cultivation of the character of the «new citizen»: Liang Qichao's ideas of history education and their practice. *Chinese Studies in History*, Vol. 50, 2, 76–88.
- 10 Tang, X. (1996). *Global space and the nationalist discourse of modernity: the historical thinking of Liang Qichao*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- 11 Romesh, T. (1990). Identity in modernization. *World Futures*, Vol. 28, Issue 1-4, 33–40. *doi.org*. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/02604027.1990.9972146>.
- 12 Ghoncheh, T. (2018). Tobe or not to be' (like the West): modernisation in Russia and Iran. *doi.org*. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447375>.
- 13 Macintyre, A. *After virtue: a study in moral theory*. (3rd ed. p. cm.).
- 14 Maknejl, U. (1985). *Zachem izuchat istoriiu* [Why it necessary study history]. *historians.org*. Retrieved from [https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-\(1985\)](https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-(1985)) [in Russian].
- 15 Alekseev, T.A. (2015). *Sovremennaia politicheskaia mysl (XX–XXI vv.): politicheskaia teoriia i mezhdunarodnye otnosheniia* [Modern political thought (XX–XXI centuries): political theory and international relations]. Moscow: Aspekt-press [in Russian].
- 16 Il'inskij, I.M. (2002). *Obrazovatel'naia revoliutsiia* [Educational revolution]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi humanitarno-sotsialnoi akademii [in Russian].
- 17 Nazarbaev, N.A. (2017). *Vzhliad v budushchee: modernizatsiia obshchestvennogo soznaniia* [Looking to the future: the modernization of social consciousness]. *Kazakhstanskaia pravda*, 12 aprelia, 1–2 [in Russian].
- 18 Shvab, K. (2017). *Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia* [Fourth industrial revolution]. Moscow: Izdatel'stvo «E» [in Russian].
- 19 Gulin, K.A., & Uskov, V.S. (2017). *Trendy chetvertoi promyshlennoi revoliutsii* [Trends of the fourth industrial revolution]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prohoz – Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 10, 5, 216–221 [in Russian].
- 20 Nussbaum, M. (2014). *Ne dlia pribyli. Zachem demokratii nuzhny humanitarnye nauki* [Not for profit. Why do democracies need humanities?]. (M. Bendet, Trans.). Moscow: Vysshiaia shkola [in Russian].
- 21 Vjazemskij, E. (2011). *Natsionalnye obrazovatelnye standarty po istorii: zarubezhnyi opyt* [National educational standards in history: foreign experience]. *Novaia i noveishaia istoriia – New and recent history*, 6, 117–124 [in Russian].
- 22 Nikol, Dzh. (2001). *Remeslo uchitelia istorii* [History teacher's craft]. Yaroslavl: YaHPU [in Russian].

- 23 Bajborodova, L., Sokolov, A., & Korneeva, M. (2009). *Izuchenie istorii v srednei shkole [Study history in secondary school]*. Yaroslavl: YaHPU [in Russian].
- 24 Baturin, V.S. (2018). *Sotsialnaia deiatel'nost' v kontekste metodologicheskogo diskursa [Social activities in the context of methodological discourse]*. Karaganda: IP «Marchenko» [in Russian].

З.Г. Сактаганова¹, Ж.Б. Абылхожин²¹Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан;²Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru)

«Целинный проект»: достижения и проблемы (социально-экономические и экологические аспекты освоения целины)

В статье объектом изучения стала аграрная политика Н.С. Хрущева по освоению целинных и залежных земель и практика ее реализации в Казахстане. Рассмотрены при решении целинного вопроса противоречия и противостояние как внутри союзного руководства, между учеными-аграрниками, так и между Н.С. Хрущевым и казахстанскими руководителями. На основе архивных и статистических материалов отслежены ход и последствия освоения целинных земель в Казахской ССР. Авторами дан историографический обзор советской литературы про целину и сделан вывод о том, что в целом в работах присутствовали положительные оценки освоения целинных и залежных земель на территории Казахстана. Современная казахстанская историография по целинной проблематике прошла путь от радикально отрицательной оценки в 1990-е до научно взвешенной в 2000-е годы. Специальных фундаментальных работ по освоению целины в отечественной исторической науке пока нет. Эти процессы рассматриваются в контексте изучения социально-экономических проблем КазССР в советский период. В целом, авторы считают, что тема целины перспективна в научном плане и вызывает в последние годы интерес не только у специалистов, но и у казахстанской общественности.

Ключевые слова: история Казахстана, целина, освоение целинных и залежных земель, аграрная политика, казахстанская историография.

Введение

Историография проблемы освоения целинных и залежных земель Казахстана имеет более чем полувековую историю изучения, причем наличие в публикациях достаточно полярных теоретико-методологических парадигм не связано исключительно со сменой советской методологии современными концепциями исследований. Тема активно разрабатывалась и была весьма популярна в советской историографии, в частности, по сведениям исследователей, только за пару первых десятилетий, к середине 1970-х гг., про целину было написано более 1500 работ [1]. Вся советская историография в целом положительно оценивала целинный подвиг и итоги кампании, констатируя лишь позитивные последствия проекта для Казахской ССР и Союза в целом. Принципиальная разница в публикациях разных десятилетий советской эпохи заключалась в двух позициях: во-первых, в обозначении и восхвалении автора «Целинного проекта» Н.С. Хрущева (в 1954–1960-е гг.) либо умалчивании о нем и подчеркивании в данных процессах роли Л.И. Брежнева (в 1970-е–1980-е гг.); во-вторых, критика последствий целины в 70–80-е годы прошлого века была сосредоточена преимущественно на волонтаризме и авторитаризме действий Н. Хрущева — в общей неподготовленности этой кампании, тяжелом экономическом ущербе, причиненном развитию сельского хозяйства в центральных, «старопатных» областях страны и др.

Для современной историографии (как зарубежной, в первую очередь российской, так и отечественной) был характерен определенный бум интереса, пришедшийся на 1990-е — начало 2000-х гг., после рассекречивания многих архивных документов. В этом историографическом срезе также отслеживаются полярные сюжеты. Ряд авторов сохраняют старые советские историографические традиции по оценке результатов и последствий целины; некоторые же делают акценты на исключительно негативных последствиях, умалчивая о причинах осуществления данного проекта, всех аспектах его реализации и результатах; большинство специалистов по аграрной российской истории дают комплексную аналитическую реконструкцию событий, охватывая многие аспекты и многие сюжеты целинной эпопеи.

Часть российских исследователей, оценивая целину, считают, что данный проект был «поспешный и непродуманный», в него вложили огромные средства и усилия. Действительно, за 1954–1961 гг. целина поглотила 20 % всех вложений СССР в сельское хозяйство. С. Журавлев считает, что в результате целинных вложений «застопорилось аграрное развитие традиционных районов земледе-

лия, включая особенно перспективные в плане повышения урожайности черноземные регионы Украины, России, а также Нечерноземье» [2].

Несколько иной точки зрения о довольно высоком уровне эффективности целинной кампании на начальном этапе ее проведения придерживаются О.М. Вербицкая, И.Е. Зеленин, А.А. Никонов и другие [3; 118]. Данные исследователи сходятся во мнении, что негативные явления в зерновом производстве целинных районов стали проявляться с конца 1950-х гг. О.М. Вербицкая считает, что целинная эпопея была задумана и в целом удачно осуществлена под хрущевским руководством. «Целинный проект Н.С. Хрущева в отличие от современных аграрных реформ прошел весьма тщательную предварительную проработку» [4]. Другое дело, пишет она, что, несмотря на признание серьезного вклада освоенных целинных земель в общее увеличение производства зерна, ряд других позитивных сторон этой акции замалчивался, и основной акцент всегда был смещен в сторону негативных моментов, которые ей сопутствовали. В результате истинные масштабы сделанного и экономическая эффективность данного мероприятия с годами отошли как бы на второй план, а на поверхности остались уничижительные оценки. Нельзя не согласиться в этом утверждении с исследователем Вербицкой, поскольку в оценке итогов целины встречаются и резко негативные позиции, чаще в публицистике. В частности, приведем (не во всем соглашаясь с данным мнением) небольшой фрагмент: «Изда этого (целинной кампании. – З.С., Ж.А.) аграрное развитие традиционных русских районов земледелия осталось без изменений или даже стало деградировать... По комсомольским разнарядкам в казахские степи гнали молодежь, направляли технических специалистов, направляли целые выпуски учителей, врачей и агрономов. Отправляли и молодых колхозников из «неперспективных» мест. По сути, это была массовая депортация русских из их коренных земель, которые в это время запустели» [5].

Для современной казахстанской историографии также характерны достаточно противоречивые оценки итогов целины со следующими доминирующими тенденциями: с акцентом исключительно на негативные последствия и низкую результативность целинных вложений в 1990-е гг. и более взвешенные и объективные, с комплексным анализом и детальной проработкой в 2000-е. Появляются единичные работы казахстанских авторов (диссертации), где целина стала объектом специального исследования [6], но, как правило, целинные проблемы рассматривались в общем контексте проблем социально-экономической истории Казахстана XX в. [7].

Проблемы освоения целины и выбора региона освоения целинных земель поднимались в досоветской и советской истории еще с начала XX в. И если вести речь об этапах освоения целинных земель в республике, можно говорить об отдельном этапе в период столыпинских реформ в начале прошлого столетия и выделить 3 этапа в решении данных проблем в советский период: 1 этап — 1920-е – 1930-е гг.; 2 этап — 1940-е – начало 1950-х гг.; 3 этап — 1954–1960-е гг. Рассмотрим освоение целины в советскую эпоху.

На первом этапе (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) советская программа массового освоения новых земель, инициированная И.В. Сталиным, была нацелена на быстрейшее решение зерновой (и животноводческой) проблемы, создание «мощных опорных рычагов» коллективизации в лице крупных зерновых и животноводческих совхозов — «фабрик зерна», мяса и молока [8]. К 1932 г. планировалось в необжитых районах страны создать несколько тысяч новых государственных хозяйств, освоить около 14 млн га целинных и залежных земель; было организовано около 2 тыс. зерновых и животноводческих совхозов, распахано 7,3 млн га новых земель. Но масштабные результаты по освоению целины и созданию в Казахстане зернового производства получены не были.

На втором этапе (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) острую проблему обеспечения страны продовольствием пытались решить посредством расширения посевных площадей. Советом Министров СССР 26 декабря 1946 г. было принято постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР». По данному постановлению в 1947 г. планировалось расширить посевные площади на 10 млн га, причем в 1947–1949 гг. предполагалось освоить площади под зерновые культуры в восточных районах СССР. На первом и втором этапах идею столь масштабной целинной распашки активно критиковали ученые-аграрники, и несмотря на определенные результаты в целом программы по освоению целинных земель не были реализованы.

На третьем этапе «целинная» идея вынашивалась Н.С. Хрущевым и впервые, по мнению И.Е. Зеленина, О.М. Вербицкой и других российских исследователей, была озвучена им в сентябре 1953 г. на пленуме, принявшем программу подъема сельского хозяйства, предусматривавшую замет-

ный рост финансирования отрасли, повышение материальной заинтересованности колхозного крестьянства и др. И в течение последующего полугодия (до февральско-мартовского пленума 1954 г.) Хрущев методично и системно «пробивает» принятие целинного проекта. Фактически, считает российский исследователь И.Е. Зеленин, проект был запущен еще до решений пленума 1954 г., и практическая работа по еще не утвержденной программе широко развернулась за полгода до пленума — с осени 1953 г. Он отмечает, что проект еще не был утвержден, программа не была принята на партийном форуме, но «первой точкой отсчета реализации» стали указания Хрущева казахстанской делегации (9 сентября 1953 г.); второй — его записка в президиум ЦК КПСС (22 января 1954 г.); третьей, на этот раз публичной, — Обращение ЦК КПСС ко всем избирателям (11 февраля 1954 г.), в котором уже шла речь об освоении целинных земель (назывались районы ее освоения, говорилось о большом значении этой меры и т.п.) [9; 91].

Как же шел процесс обсуждения этой проблемы и сам процесс освоения целины в Казахской ССР?

Экстенсивный маневр на Восток в 1950-е гг.

В начале 1950-х гг. страна продолжала испытывать достаточно острый продовольственный кризис, который во многом являлся проекцией зернового дефицита. В Казахстане в первую послевоенную пятилетку (1946–1950 гг.) среднегодовая урожайность зерновых равнялась показателям 1913 г. — 4–6 ц/га. Среднегодовые валовые сборы зерна были меньше, чем в доколхозном 1928 г., т. е. до «тракторизации» сельского хозяйства. «Хлебная проблема» становилась не только хронической, но и нарастающе обострялась. Ведь вследствие послевоенного нищенского и полуголодного существования колхозное крестьянство массами сбегало в города, стремительно пополняя их население (неверие в колхозную перспективу усиливалось впечатлениями демобилизованных солдат, которые, освобождая Восточную Европу от фашизма, попутно воочию могли наблюдать «культурную» и зажиточную жизнь тамошнего крестьянства в благоустроенных сельских поселениях).

Несмотря на почти «феодално-крепостное» закрепощение сельчан за колхозами (отсутствие у них паспортов, различные запретительные меры по недопущению произвольного выбытия колхозников в города и т. п.), исход из деревни непрестанно ширился. С 1946 по 1953 гг. ее покинули около 8 млн человек. В Казахстане количество городского населения только с 1950 по 1953 гг. возросло почти на 500 тыс. [10]. В результате этого численность нетто-потребителей зерновых (и не только) продуктов питания динамично увеличивалась, и стагнирующее сельское хозяйство никак не поспевало за этим процессом.

Вольно или невольно, но новое руководство во главе с Н.Хрущевым должно было продемонстрировать обществу свое видение решения этой, уже перманентной для страны проблемы. Гипотетически ситуация могла развиваться двумя путями. Первый и наиболее рациональный вариант выхода из кризиса предполагал радикальную развязку, а именно: глубокую трансформацию системы производственных отношений, т.е. переход к рыночным механизмам, а также включение личного интереса, что было достижимо лишь по мере приватизации собственности, и прежде всего — земли.

Однако в тех условиях допустимость такого решения абсолютно исключалась. Предполагать обратное можно лишь посредством современных абстрагированных рассуждений или, того проще, фантазийных умозрений, вырванных из конкретно-исторической данности, экономических и, главное, политико-идеологических реалий, отдаленных от нас более чем полувековой давностью (что называется, назад, в прошлое историческое время и пространство, но с современным «навигационным» инструментарием). Ведь совершенно понятно, что в жестких рамках советской системы социально-политических координат подобное развитие событий не могло не то чтобы даже обсуждаться, но и, вообще, хотя бы на йоту мыслиться. Уже только попытки или полунамеки на постановку вопроса в таком ракурсе тут же были бы обозначены как «абсолютный партийный грех» и предательство «антисобственных коммунистических идеалов».

В целях самосохранения Система выбрала гораздо более привычную и имманентную, т.е. естественную для нее, экстенсивную модель решения проблемы. Смягчить (а затем устранить) продовольственный кризис предполагалось за счет резкого увеличения зернового клина. В этой связи был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны, т.е. на освоение целины. Для этого не требовалось поступаться идеологическими догмами. Достаточно было собрать в единую армаду тракторы и, обыгрывая энтузиазм народа, совершить марш-бросок за Урал. Другими словами, как всегда, предполагалось задействовать «генеральный» ресурс развития советской экономики —

стратегию бесконечно расширяющегося природопользования и наращивания в точках ее реализации массы труда, т. е. рабочей силы.

Надо сказать, что идея Целины (хотя уместно здесь заметить, что в принципе она была вовсе не нова, как уже отмечалось выше, земледельчески неосвоенные степные ареалы Юга Урала и Сибири, Северного Казахстана постоянно манили взоры еще имперско-российского правительства П. Столыпина, а также Кремля времен Ленина и Сталина), инициированная Н. Хрущевым, не находила поддержки в высшем руководстве партии. Оппозицию Хрущеву при обсуждении этого проекта в ЦК составили ряд высших руководителей партии и государства (В.М. Молотов, Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, Л.Каганович). По воспоминаниям Н. Мухитдинова (тогда первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана), на одном из заседаний Президиума ЦК КПСС К. Ворошилов заявил Хрущеву: «Никита, ты забываешь или не знаешь Россию. Посмотри, в каком положении исконно русские области! В бедственном! Целые деревни, хутора запущены, сплошь бездорожье. Люди не могут одеться, обуться! Многие страдают от безработицы, отсутствия условий для жизни, а ты хочешь государственные деньги еще больше закопать в песках Казахстана!». Более безапелляционно высказался В. Молотов, бросивший Хрущеву реплику: «Ты сломаешь себе шею на целине» [11; 180]. Хотя из книги Ф. Чуева, основанной на его частных беседах уже с пенсионером Молотовым, видно, что тот в своей реакции на «целинный курс» был менее категоричен. «Я никогда не был против освоения целины, — вспоминал В. Молотов, — хотя Хрущев меня обвинил главным противником целины. Но я с самого начала был сторонником освоения целины в ограниченных масштабах, а не в таких громадных, которые нас заставили огромные средства вложить, нести колоссальные расходы вместо того, чтобы в обжитых районах поднимать то, что уже готово... А Хрущев нашел идею и несется, как саврас без узды! Давай, давай! Стал размахиваться, чуть ли не на сорок или сорок пять миллионов гектаров целины отгрыз, но это непосильно, нелепо и ненужно, если бы пятнадцать или семнадцать, вероятно, вышло бы больше пользы. Больше толку... Я сопротивлялся такому большому освоению целины... Я предлагал осуществить это в половинном размере. Не хватит людей, не хватит машин, мы это сделаем за счет других областей» [12; 438]. Но Хрущев был непреклонен. На критику высоких партийных оппонентов «целинного проекта» он твердо ответил: «...Какие бы трудности и сопротивление ни были, мы добьемся цели!» [11; 180].

В частности, возражения В.М. Молотова (о которых мы уже говорили), по мнению российских авторов, были не случайными. Молотов, бывший свидетелем и участником обсуждения целинной проблемы на предыдущих этапах, был хорошо осведомлен о позиции и мнении ученых-аграрников на этот счет. И.Е. Зеленин полагает, что на позиции Молотова сказалась его причастность к неудачным опытам освоения целины рубежа 1920–1930-х гг. По воспоминаниям Д. Шепилова, В.М. Молотов «не отрицал возможности введения в оборот части целинных земель, но не в таких масштабах и не с такой безрассудностью. Он не голосовал против резолюций, предлагавшихся на заседаниях Президиума и на пленумах ЦК, но он делал конкретные замечания и предостерегал против перехода от интенсивного к экстенсивному способу ведения сельского хозяйства. Но эти деловые замечания и предложения, высказанные к тому же в корректной форме, не были тогда приняты» [13; 67].

При составлении своей записки в Президиум ЦК КПСС (22 января 1954 г.), где разрабатывались основы целинного проекта, Н.С. Хрущев использовал материалы, которые ему подготовили С. Демидов (Госплан), И. Бенедиктов (министр сельского хозяйства), Л. Корниец (министр совхозов), А. Козлов (министр заготовок), П. Лобанов (зам. председателя СМ РСФСР), В. Мацкевич (зам. министра заготовок), Т. Юркин (министерство сельского хозяйства РСФСР). Задания по освоению целинных и залежных земель на 1954–1955 гг. и расчеты по урожайности были им обозначены на основе этих материалов. В своей записке в Президиум ЦК КПСС об увеличении производства зерна за счет освоения целинных и залежных земель от 22 января 1954 г. Хрущев пишет: «В 1940 г. было заготовлено зерна 2225 млн. пудов, а в 1953 г. — лишь 1850 млн. пудов, т.е. меньше на 375 млн. пудов... В 1953 г. заготовлено зерна примерно столько же, сколько заготовлено из урожая 1948 г., а расход зерна соответственно увеличился более, чем в полтора раза. Из этих данных видно, что заготовки из урожая 1953 г. не покрывают необходимых расходов на внутренние нужды. Этот разрыв, а также расход на экспорт привели к необходимости разбронирования зерна из государственного резерва в количестве 160 млн. пудов, что является недопустимым... Из-за недостатка зерна пришлось экспорт принять на 1954 г. в количестве 190 млн. пудов (3120 тыс тонн), тогда как потребность в экспорте определялась в размере 293 млн. пудов (4800 тыс. тонн)» [14].

Целинное зерно, считал Хрущев, позволит снять часть груза с плеч колхозников в обжитых районах, не только даст прибавку зерна, собираемого в закрома, но и позволит сделать более эффективной всю структуру зернового хозяйства. «Дополнительное, целинное зерно позволит списать колхозам недоимки, ликвидирует их неуверенность в завтрашнем дне, заработает наконец-то погектарно налогообложение, труд крестьянина станет осмысленным, у них появится стимул, а значит, возрастет и производительность труда» [15; 202, 203]. «Сейчас перед страной стоит задача изыскать возможности резкого увеличения производства зерна, с тем чтобы государство имело в своих руках в ближайшие годы по заготовкам и закупкам 2500–2600 млн. пуд. зерна продовольственных, фуражных, крупяных и зернобобовых культур». «Важным и совершенно реальным источником увеличения производства зерна является расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане, Западной Сибири, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа и проведение мероприятий по всемерному повышению урожайности во всех районах страны» [16].

В своих тезисах к выступлению на заседании Президиума ЦК КПСС при обсуждении вышеозначенной записки об освоении целинных и залежных земель в январе 1954 г. Хрущев выдвигает еще один аргумент — завышенная оценка видов на урожай и приводит в качестве примера данные на 1952 г. (планы на год — 9,2 млрд пудов, фактический урожай — 8 млрд пудов, а фактический сбор зерна, по данным годовых отчетов колхозов и совхозов, — 5,6 млрд пудов). В тезисах отмечаются плюсы в пользу освоения целины: рост оснащенности МТС тракторами и комбайнами и другими машинами, рост «замечательных кадров трактористов и комбайнеров», укрепление МТС и «пополнение за счет людей, хорошо знающих технику, партийную работу, и крепких организаторов сельскохозяйственного производства». Хрущев тут же прогнозирует экономический эффект целинной кампании: при средней урожайности в 10–11 центнеров зерновых с гектара страна дополнительно получит 800–900 млн пудов зерна, из них товарного — 500–600 млн пудов; при урожайности в 14–15 центнеров с гектара валовой сбор зерна с новых площадей может составить 1100–1200 млн пудов, из которых товарных будет 800–900 млн пудов; себестоимость зерна в среднем составит 68 рублей за 1 центнер. От реализации зерна государство получит от 17–18 млрд рублей (за 500–600 млн пудов по оптовым ценам — 150 руб. за центнер) до 26–28 млрд рублей (за 800–900 млн пудов при урожайности 15 центнеров с гектара). Капитальные затраты (строительство, стоимость машин, тракторов и оборудования) предположительно на освоение целины потребуют всего 5,5–6 млрд рублей. [14]

Возражал против кампанийского характера целинного проекта, против непродуманных масштабов распашки первый партийный руководитель республики Ж. Шаяхметов, хорошо знавший специфику агрокультуры КССР. Его возражения против планов союзного руководителя были не единичными. 9 сентября 1953 г. (на второй день после сентябрьского Пленума ЦК КПСС) все первые секретари обкомов вместе с руководителями республики были приняты в ЦК КПСС, Шаяхметов на этой встрече возражает против таких масштабов целины. В конце 1953 г. в Москве состоялось закрытое заседание ЦК КПСС с участием группы первых секретарей обкомов партии и членов бюро ЦК Компартии Казахстана. На нем был поставлен вопрос о необходимости улучшить использование наряду с другими и такого резерва, как целинные и залежные земли. Ж. Шаяхметов по-прежнему отстаивал свою позицию: «Земли в Казахстане хватает. Ежегодно мы планомерно, с учетом возможностей и потребностей, осваиваем значительные площади для возделывания зерна. Эта работа обязательно будет продолжаться. Но мы решительно против того, чтобы за 2–3 года перевернуть 20–25 миллионов гектаров! Нельзя не брать во внимание, что в Казахстане растет число скота, которому нужны хорошие пастбища, сенокосные угодья для заготовки нескольких миллионов тонн сена» [17]. Все эти аргументы Хрущев назвал политически незрелыми и отсталыми.

В современных публикациях в Казахстане дается достаточно объективная оценка причин противостояния Хрущева и Шаяхметова [18]. Правильность и объективность решения противостоять Хрущеву и нежелание первого партийного руководителя республики допускать столь масштабную распашку казахстанских земель подтвердились в ходе реализации целинной эпопеи. Но особенно острая дискуссия разгорелась, когда против проекта стали активно возражать члены казахстанской делегации (в их числе Ж. Шаяхметов), сославшиеся на отсутствие в районах будущего освоения целины транспортной, производственной инфраструктуры, нехватку жилья, утверждавшие, что массовая распашка целины не учитывает интересы казахского населения, традиционно использовавшего эти земли как пастбища для скота. Делегация из КССР представила свою карту почв, из которой следовало, что пахать можно было далеко не все из намеченных земель.

Ж. Шаяхметов не был противником целины в целом, понимал необходимость развития зернового производства в республике, он выступал против экстенсивных методов в освоении залежных земель, против форсирования сроков и хищнических по отношению к казахстанской земле методов. Продумывая осуществление предстоящего проекта, руководство республики начинает подготовку к освоению целины, но еще не представляя себе предстоящие масштабы освоения. Текст телеграммы Шаяхметова на имя Хрущева 12 декабря 1953 г. о подготовке механизаторских кадров для Казахстана на 1954 г. демонстрирует начальный этап подготовительной работы: «МТС республики для полного использования имеющихся тракторов, комбайнов в 1954 г. с учетом завоза предусмотренных мероприятий недостает 28500 трактористов и 7000 механиков-комбайнеров... Чтобы своевременно подготовить потребное количество механизаторских кадров, ЦК Казахстана просит вас: обязать Минсельхозсоюза утвердить республике на 1954 г. план подготовки трактористов...» [19].

Как отмечалось, все аргументы первого руководителя республики Хрущев считал субъективными, содержащими «узкие, местнические интересы». Подтверждают этот факт и воспоминания Хрущева: «Из беседы с ним (Шаяхметовым. – З.С., Ж.А.) я понял, что он со мной говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распашке, там очень мало или совсем нет. Какие-то площади распахать можно, но не столько, сколько стране нужно... Я больше полагался на мнение секретарей обкомов и критически отнесся к его мнению... А секретари обкомов именно эту возможность мне подсказали. Я больше полагался на них, они детальнее знали состояние дел и убедили меня в том, что такая возможность в Казахстане имеется. Конечно, существовал определенный риск. Но риск этот оправдан, потери от засухи компенсируются зерном, получаемым в благоприятные годы... У меня сложилось впечатление, что здесь имели место политические, точнее, националистические мотивы. Шаяхметов понимал, что если увеличить площади под зерно, то обрабатывать их казахи сами не смогут. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, и никто этого не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане» [20]. С.Н. Хрущев в своих воспоминаниях об отце также пишет о недоверии первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева к словам Шаяхметова, считая, что его мнение было продиктовано нежеланием расширения агромиграции в республику и страхом потерять кресло партийного руководителя республики [20; 204]. Столкнувшись с неприятием программы освоения целинных земель со стороны Шаяхметова и членов бюро ЦК КП Казахстана, а затем и с открытым противостоянием, он «убирает» оппонентов в республике и начинает масштабную целинную эпопею в Казахстане.

Еще на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС Хрущев подверг критике руководство Казахстана за недостаточную реализацию сельскохозяйственного потенциала. В этой связи руководителям партийной организации и правительства республики было предложено (естественно, в директивном порядке) разработать конкретный план подъема целинных земель. В конце ноября 1953 г. такой план был представлен в ЦК КПСС. В соответствии с ним предполагалось, что в течение 1954–1957 гг. посевные площади в Казахстане будут увеличены на 2,5 млн гектаров [21; 498].

Понятно, что такие «робкие наметки» не устраивали «Дом на Старой площади» (здание ЦК партии), ибо там уже созревал план гораздо более крупномасштабных распахов «целинной нови», и не за четыре, а буквально за один-два года. Поэтому вскоре Москва (соблюдая, впрочем, политес в виде пленумов и прочее) снимает с должности первого секретаря Казахстанской партийной организации Ж. Шаяхметова и второго секретаря — И.И. Афонова, а затем и председателя Совета Министров Н. Ундасынова. Новым главой правительства назначается Д. Кунаев. Что касается «укрепления партийной организации республики», то Центр направляет сюда одного из организаторов партизанского движения в годы войны, а тогда министра культуры СССР П. Пономаренко (первым секретарем республиканской партийной организации) и первого заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота Л.И. Брежнева (вторым секретарем ЦК КПК).

Трудно сказать, сколько раз бывал Л. Брежнев на западе, востоке или юге республики, но с целины (согласно написанным не им мемуарам) он буквально не «вылезал», чем и заслужил в дальнейшем расположение Н. Хрущева (после XX съезда КПСС в 1956 г. стал секретарем ЦК КПСС).

25 января 1954 г. Президиум ЦК КПСС принимает постановление «Об обеспечении зерном страны и подъеме целинных земель», по нему вопрос выносится на предстоящий пленум. Февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС 1954 г. принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»; по нему из 13 млн гектар общесоюзного задания по освоению целины Казахстану дана директива — распахать 6,3 млн гектаров [22; 373].

В РГАСПИ в фонде П.К. Пономаренко имеется любопытная статья из газеты «Нью-Йорк таймс» за 2 ноября 1954 г. В данной публикации американские журналисты прогнозируют экологическую и демографическую ситуацию в Казахстане. «Лица, занимающие высокие посты в кремлевской иерархии, любят мыслить большими категориями огромных проектов, включающих сотни тысяч или миллионы людей. Время от времени неудачи прерывают эти возвышенные мечтания, и резкие обвинения в гигантомании наполняют московскую атмосферу... Последний из этих претенциозных планов был разъяснен П.К. Пономаренко. Он указывает, что сейчас эта центральноазиатская республика (имеется в виду Казахстан) должна утроить свои посевные площади и производство зерна к концу 1956 г. В течение 1954–1955 гг. около 50 миллионов акров целинных и залежных земель, которые сейчас пустуют или используются в качестве пастбища, должны быть вспаханы и засеяны. В течение этого процесса, по меньшей мере, несколько сот тысяч людей будут, очевидно, перемещены из Европейской России в Казахстан, продолжая, таким образом, вторжение русских и украинцев на земли, некогда принадлежавшие туземному казахскому народу. В основном эти земли являются засушливыми и полусушливыми, где посевам каждый год угрожает страшная опасность засухи. Мы здесь, в США, по собственному опыту знаем высокую стоимость вспашки сухих земель под пшеницу, когда наблюдаются пылевые бури в результате повторения периодов без дождей. Если не будет дождей в 1955–1956 гг., то господин Пономаренко может оказаться в положении разоблаченного «диверсанта» и кампания против гигантомании начнется снова» [23]. Кстати, прогнозы американцев оказались точными и по последствиям целины, и по кадровым вопросам: П.К. Пономаренко, назначенный Первым секретарем ЦК КП Казахстана и пообещавший выполнить хрущевское задание по целине, в августе 1955 г. (после засухи и неурожая) снят с должности и отправлен чрезвычайным и полномочным послом СССР в Польскую Народную Республику.

Возражения по целинному проекту не закончились с отстранением казахстанского партийного руководства. На февральско-мартовском Пленуме 1954 г. Хрущев неожиданно столкнулся с острой критикой в адрес целинной программы со стороны ученых, специализирующихся по проблемам засушливого земледелия. В частности, директор почвенно-агрономической станции М.Г. Чижевский в выступлении предостерег его от возможности превращения целинных земель Сибири и Казахстана «в сплошные заросли сорняков, с которыми очень трудно бороться». Он рекомендовал с самого начала освоения целины внедрять паровые севообороты, многолетние травы, сочетать зерновое производство с животноводством, предлагая неглубокое вспахивание. Руководитель Шадринской опытной станции в колхозе «Заветы Ленина» Курганской области, «народный академик» Т.С. Мальцев (автор безотвальной системы обработки почвы и повышения плодородия почвы с помощью однолетних растений) предложил «обрабатывать почву хотя и мелко, но культурно, что позволит получать урожай до 20 ц»; говорил о большом значении паров; поставил вопрос об изготовлении орудий пахоты применительно к целине. Однако к рекомендациям ни компетентных ученых, ни опытных практиков Хрущев не прислушался. Новое же руководство ЦК КП СССР в лице П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнева (первый и второй секретари) активно поддержало и Хрущева, и масштабы целинной распашки.

Н. Хрущев говорил: «Мы должны выиграть время. Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени. Для того чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется не менее 10 лет... А в Казахстане, в Сибири мы получим самый дешевый хлеб... Если же пойдем по линии огромных капиталовложений в сельское хозяйство нечерноземных областей, мы не справимся с задачей, не выполним данного нами обещания — резко поднять наше сельское хозяйство» [24; 331, 334].

Будет правомерным сказать, что в известном смысле Целина сыграла роль фактора, сработавшего на ревитализацию (оживление) входившей в состояние затяжного кризиса системы, оттянув ее агонию еще на долгие годы. Хотя и несколько умозрительно, но все же можно предположить, что если бы не «целинный маневр», то возможности для сохранения системы в неизменном, «замороженном» состоянии оказались бы еще более суженными.

Отвергая данный тезис и пытаясь найти ему контрдоводы, обычно утверждают, что Хрущев просто не имел другого выхода, ибо подъем зернового производства в традиционно сложившемся земледельческом ареале (Украина, юг и черноземье России и т.д.) был в то время невозможным в силу недостаточного развития химической отрасли, т.е. в данном случае — промышленности сельхозудобрений.

Соглашаясь с констатацией последнего обстоятельства, следует, тем не менее, подчеркнуть, что даже за пределами рыночно-приватизационной возможности, т.е. в рамках привычного экстенсивного варианта, имелись достаточно приемлемые, во всяком случае, альтернативные по отношению к «целинной идее» способы решения проблемы. Их просто не могло не быть, если учесть хотя бы ту данность, что из почти 300 млн га черноземных и черноземовидных почв мира 190 млн га, или две трети, находились на территории СССР. Это ли не гигантский резерв! Кроме того, нужно вспомнить, что в 1954–1958 гг. средняя урожайность зерновых составила на целинных землях республики всего 7,0 ц/га, а в 1962–1965 гг. и того меньше — 6,1 ц/га. Как справедливо утверждают экономисты, при таком положении прирост урожайности в стране даже на один центнер по своему результату был бы фактически равносителен освоению всей целины [25; 114]. Добавим, что для поднятия урожайности на один центнер вовсе не требовалось «большой химии», достаточно было придерживаться технологической дисциплины или, допустим, провести на полях снегозадержание.

После принятия февральско-мартовским Пленумом ЦК КПСС (1954 г.) директивных резолюций по освоению целины именно она становится наиболее зримым символом восприятия образа Казахстана, предметом особой заботы республики и страны в целом. Что касается Н. Хрущева, то для него она стала подлинной «*idée fixe*», важнейшим критерием подбора и расстановки руководящих кадров в республике.

Сам же лидер страны шесть раз приезжал в Казахстан, неизменно посещая при этом Целину. Столь нехарактерно частое для руководителей страны посещение Казахстана, тем не менее, не помешало Н. Хрущеву в один из его прилетов в Алма-Ату салютовать с трапа самолета здравницу «узбекскому народу». (Впрочем, на митинге в Ташкенте он точно так же перепутал узбеков с таджиками; обращаясь к 300-м тысячам собравшихся на площади людей, он взбодрил их следующим приветствием: «Вы, таджики, молодцы, хорошо работаете, а вот у ваших соседей узбеков дела идут неважно»). В другой раз, наблюдая бескрайнюю казахстанскую степь из окна своего вагона, он, подобно школьнику на уроках географии, удивлялся и вопрошал, что же за большой народ жил здесь в прошлом, если «занял такую громадную территорию» [11; 163–168].

К 1960 г. по инициативе Н. Хрущева пять северных областей республики были объединены в Целинный край (как он объяснял: «Пора переходить на краевое управление народным хозяйством..., а в перспективе исчезнут границы между республиками») [26; 134] со «столицей» в городе Акмолинске, переименованном им же в Целиноград. Здесь, по-видимому, уместно вспомнить связанный с этим эпизод. В одном из фрагментов своей, как всегда пространной речи на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края (Акмолинск, 14 марта 1961 г.) Н. Хрущев высказал следующее соображение: «Мне рассказали, что название города Акмолинска в переводе с казахского на русский язык означает «белая могила». Для трудящихся города, который является центром Целинного края, это название мало подходяще. Пусть подумают правительство и ЦК Компартии Казахстана, может быть, целесообразно переименовать Акмолинск, например, в Целиноград» [27; 431]. Как бы советуясь с аудиторией, Н. Хрущев при этом немало лукавил, ибо хорошо знал, что «соображения» лидера партии почти тут же оформляются в нужную директиву. Именно так вскоре и случилось — Акмолинск стал Целиноградом. И в этом не было чего-то особенного и «волюнтаристского», поскольку Хрущев следовал здесь традициям советской исторической топонимики, которая была неистово одержима стремлением персонифицировать названия городов, районов, сел и улиц «революционными» семантико-символическими смыслами. Но вместе с тем, пускай и чисто умозрительно, но допустимо предположить, что, памятуя реплику в его адрес В. Молотова («ты сломаешь себе шею на целине»), Хрущев мог неосознанно усматривать в акте переименования «Белой могилы» в «Целиноград» некий мифический оберег от «дурного глаза».

Итак, решениями февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС (1954 г.) был проложен курс на освоение целинных и залежных земель на Востоке страны. Степные и сухостепные массивы Евразии становились одним из первостепенных полюсов экстенсивного роста советского народного хозяйства, к которому стягивались огромнейшие материальные и людские ресурсы. Мобилизация их осуществлялась в стремительных темпах.

Безусловно, целинные мероприятия носили чрезвычайный характер, исключавший всякую возможность подготовительного этапа, данный крупномасштабный проект не был проработан ни экономически, ни технологически, не учитывал экологические факторы Казахской ССР. Волонтаристский подход при проведении данных реформ обрекал их на множество тактических ошибок, приводя к серьезным стратегическим просчетам. Но в условиях экстенсивной методологии советской модели экономики это был самый прогнозируемый и вероятный подход к решению зерновой проблемы в СССР. Можно лишь предполагать (обращаясь к методам альтернативной истории), каков мог быть экономический эффект от данной кампании, если бы Хрущев последовал рекомендациям ученых, аграрников, учел бы мнения некоторых союзных и казахстанских республиканских руководителей и т.д. Однако экстенсивный курс на освоение целины был определен, и процесс реализации пошел полным ходом.

Государство мобилизовало на осуществление этого проекта огромные финансовые, технические и трудовые ресурсы. Вложения в аграрный сектор республики увеличились с 970,3 млн рублей в 1953 г. до 4572,2 млн в 1955 г. (рост в 4,7 раза), составив почти половину бюджета; что являлось исключительным фактом, так как в 1940-х – начале 1950-х гг. из расходной части бюджета на аграрный сектор шло не более 15–22 % [28; 351]. Даже в условиях функционирования экстенсивной модели советской экономики такие вложения действительно носили беспрецедентный характер, и не учитывать данные обстоятельства как фактор, приведший не только к количественной, но и к значительной качественной динамике казахстанской экономики, считаем неоправданным. Кроме того, за целинный период была значительно укреплена материально-техническая база сельского хозяйства путем увеличения капитальных вложений, расширения парка тракторов, комбайнов и других машин. С 1954 по 1958 гг. промышленность поставила сельскому хозяйству 664 тыс. различных тракторов (или более 1 млн тракторов в переводе на 15-сильные), 361 тыс. зерновых комбайнов и другие сельскохозяйственные машины.

За 1954–1955 гг. было освоено 17,9 млн гектаров (вместо 15,3 млн по плану): наибольшее количество земель в Кустанайской области — 3,8, Акмолинской — 3,3, Кокчетавской — 2,3, Павлодарской — 2,2 млн га [29]. Республика сдала в 1954 г. государству 238,6 млн пудов хлеба, что на 98 млн больше, чем в 1953 г. Посевные площади зерновых культур выросли до 16,4 млн гектаров (8,4 млн га в 1954 г.). В целом за целинную эпопею, пишет А.А. Никонов, было вовлечено в оборот около 45 млн га, из них в Казахстане 25 млн га и около 20 млн га в России. Только по основным районам целинных и залежных земель (Казахстан, Сибирь, Урал, Поволжье) производство зерна выросло в 2,2 раза, а заготовки увеличились втрое [30; 308].

В 1955 г. в Казахстане разразилась сильная засуха, подобно которой не отмечалось десятки лет. Урожайность зерновых была крайне низкой — 2,9 центнера с гектара [31]. В целинных совхозах урожайность составила 1,5–2 центнера с гектара [32]. И хотя в целом посевные площади зерновых культур в 1955 г. увеличились почти в 2 раза (с 8372,5 тыс. гектаров до 16217,6 тыс.) валовой сбор зерна уменьшился на 40 % (с 76318 до 47187 тыс. центнеров). Засуха 1955 г. обнажила проблемы не только целинной кампании (недостаточную подготовленность, отсутствие научных расчетов, прогнозов, слабую материально-техническую базу и т.д.), но и в целом проблемы экстенсивной модели аграрного развития СССР.

И все же реализованная на практике экстенсивная модель решения проблемы дефицита зерна позволила почти на десять лет снять остроту в этом направлении. Самым благоприятным для хлеборобов республики в исследуемый период стал 1956 г.: урожайность зерна поднялась до 10,6 центнера с гектара, хотя все равно не достигла запланированной для целины планки в 14–15 центнеров с гектара (такой урожайный год за 25 лет, с 1940 по 1965 гг., был единственным). Валовой сбор зерна в 1956 г. в 4,4 раза превысил валовой сбор 1953 г. В 1957–1960-е гг. существенной динамики ни в количестве посевных площадей, ни в валовом сборе, ни в государственных закупках не отслеживалось. Таким образом, посевные площади, отведенные под зерновые культуры, возросли с 1953 по 1964 гг. в 3,5 раза (с 7,01 млн гектаров до 24,4 млн гектаров), а среднегодовой валовой сбор зерна за период 1961–1965 гг. вырос по сравнению со среднегодовым 1951–1955 гг. в 3 раза.

В ходе освоения целины Северный Казахстан превратился в крупную зерновую базу. Если в 1953 г. здесь засеивалось 6,7 млн га пшеницы (3,4 % всех пахотных земель СССР), то к 1964 г. площадь пашни возросла в 3,3 раза, составив 21,9 млн гектаров (9,9 % пашни СССР). За это десятилетие площадь посевов всех зерновых культур увеличилась в регионе в 4,1 раза, а посевы основной товарной культуры — яровой пшеницы возросли в 4,8 раза. Государственные закупки увеличились более

чем в 5,5 раза и достигли в среднем за 1954–1958 гг. 5,73 млн тонн. По объемам заготовок зерна Северный Казахстан уступал в эти годы только Украине и Западной Сибири [28; 72, 73, 106, 107].

В Северном Казахстане, где предполагались самые обширные распахки (41,5 % всех освоенных целинных земель по СССР и почти 67 % по Казахстану), тракторный парк возрос с 1954 по 1960 гг. в 6,8 раза, комбайнов — в 6,4, грузовых автомобилей — в 11 раз (4). Вследствие этого резко возросла энерговооруженность труда. В расчете на одного сельхозпроизводителя она превышала среднесоюзный показатель в 8,4 раза [33; 237–241].

Итак, экстенсивное «подхлестывание» роста сельскохозяйственного производства потребовало вливаний в его сферу огромных инвестиционных потоков. По сравнению с 1946–1952 гг. объемы государственных капиталовложений в сельское хозяйство Казахстана увеличились в период 1953–1965 гг. в 19 с лишним раз (с 308,5 млн руб. до 5,9 млрд руб.). Только за первые семь лет освоения целины капиталонасыщенность посевных площадей в расчете на 1 га возросла в 2,5 раза [33; 579, 34; 226].

Устоявшиеся (почти что) милитарные традиции и огромные организационно-мобилизационные навыки советской административно-командной системы позволили уже в начальный период «целинной эпопеи» провести беспрецедентное со времен Великой Отечественной войны массовое перемещение людских ресурсов. В 1954–1956 гг. в Казахстан прибыло 640 тыс. первоцелинников, что составило более 45 % всей совокупности сельского населения, проживавшего в целинных районах. С 1954 по 1960 гг. численность населения здесь увеличилась на 1185 тыс. человек. И главным фактором столь быстрого роста явилась именно «целинная» трудовая миграция. Если по всему Казахстану количество народонаселения возросло с 1954 по 1958 г. на 24 %, то в целинных областях — на 40–50 % [35; 414].

В КССР в 1954–1955 гг. обосновались 20 тыс. семей различных национальностей, насчитывавших 40 тыс. трудоспособных. Столь значительного роста сельского населения за счет миграционных процессов не было ни в каком другом регионе СССР. За счет миграции резко возросла численность населения Северного Казахстана: например, городское население Кокчетавской области выросло на 49 %, сельское — на 32 %, Кустанайской — на 91 и 62 %, Павлодарской — на 105 и 72 %, Северо-Казахстанской — на 26 и 11 %, Целиноградской — на 97 и 34 % соответственно. За счет молодых мигрантов увеличилась доля 20–30-летних трудовых ресурсов [36; 14]. Всего на освоение целинных и залежных земель в Казахстан в 1954–1962 гг. прибыло около 2 млн человек, преимущественно из европейской части СССР [37; 58]. Масштабные миграции в период освоения целинных земель стали главной причиной резкого повышения доли и абсолютной численности европейского населения в Северном регионе Казахстана и в целом по Республике. Полиэтнический характер состава населения приблизился к своим пиковым значениям.

Одним из социально-демографических последствий целины стало увеличение доли смешанных браков в Казахстане, особенно в его северных областях. По данным Всесоюзных переписей населения, Казахская ССР была одной из республик с наибольшей долей смешанных семей, уступая только Латвии и Украине. В 1959 г. однонациональные браки составляли 85,6 % в КССР, межнациональные — 14,4 %. С 1959 по 1979 гг. доля этнически смешанных семей в Казахской ССР возросла с 14,4 % до 21,5 %, при этом в сельской местности межэтнические браки составили 18,2 %, что являлось наибольшей долей среди всех республик СССР (в Латвийской ССР — с 15,8 % до 24,2 %, в Украинской ССР — с 15,0 % до 21,9 %) [38]. В Казахстане доля межэтнических браков увеличивалась в связи с ростом численности представителей различных этносов, особенно в целинный период. По мнению демографов, этносы и их культуры сближались и на уровне сельского населения, где в основном преобладала титульная нация. В городской среде межэтнические браки получили широкую распространенность в силу значительной численности представителей нетитульных этнических групп, вступающих в брак между собой.

Таким образом, для решения проблемы продовольственного обеспечения страны были задействованы все традиционные для советской экстенсивной экономики ресурсы: от стратегии бесконечно расширяющегося природопользования до наращивания и «густой» концентрации в районах ее реализации огромных масс труда. Однако, как известно, мобилизация экстенсивного потенциала на каком-то своем этапе способна вызвать, если не стабильный, то, хотя бы, краткосрочный рост динамики экономики или ее отдельных отраслей. В этой связи следует признать, что и Целина дала тогда весьма сильный народнохозяйственный эффект. Что касается Казахстана, то он превратился в мощную продовольственную базу страны (третью после России и Украины).

С весны 1954 г. (когда в девственной степи появились палатки и вагончики первопроходцев, а сама она впервые познала фронтальные «тракторные атаки») по 1960 г. в районах целинных и залежных земель СССР было распахано 41 млн га их площадей. Из них в Северном Казахстане было освоено 17 млн га, а по республике в целом — 25,5 млн га, что делало ее флагманом всесоюзной «целинной эпопеи».

С 1956 по 1960 гг. среднегодовое производство зерна по сравнению с «доцелинным» периодом 1949–1953 гг. возросло в Казахстане в 4,8 раза (с 3856 тыс. т до 18400 тыс. т), а в Целинном крае — в 6,13 раза (с 2080 тыс. т до 12768 тыс.). За это же время, соответственно, кратно увеличились государственные закупки казахстанского зерна: в среднем за год в 6,3 раза [27; 406]. Озвучив эти цифры на уже упомянутом совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края, Н. Хрущев в свойственной ему подчас манере пошутил, что, дескать, теперь «хватит и на бишбармак (так в тексте. — З.С., Ж.А.), и на галушки, и на блины» [27; 406].

В своей речи здесь же лидер страны, видимо, припомнив упрек, брошенный ему в свое время К. Ворошиловым («Никита, ... ты хочешь государственные деньги еще больше закопать в песках Казахстана!»), остановился на вопросе об эффективности целинных капиталовложений (к этому его подвигла, прежде всего, полемика по поводу затратности целины, которая имела место накануне ее освоения). В этой связи он напомнил, что в 1954–1960 гг. на освоение целинных и залежных земель государство направило дополнительно, сверх обычных (т.е. еще ранее запланированных) капиталовложений, 44 млрд руб. (в деньгах 1961 г. — 4 400 млн руб.). Отдача только за счет прироста товарной продукции хлеба в целинных районах составила 76 млрд руб. (7 600 млн руб.). «Это значит, — сказал далее Н. Хрущев, — что за счет одного товарного зерна государство не только покрыло все вложения в сельское хозяйство целинных районов, но сверх того получило чистого дохода свыше 32 млрд руб. (3 200 млн руб. в деньгах 1961 г.) [27; 407].

Подытоживая всю эту разительную и, действительно, впечатляющую статистику, Н. Хрущев не преминул воспользоваться случаем, чтобы еще раз публично уничижительно «утереть нос» внутрипартийным критикам его «целинного проекта» (хотя он с напускной скромностью всегда заявлял, что Целина — это продукт «предвидения партии», все понимали, что главным и решающим инициатором «целинной эпопеи» был новый кормчий государства). С очевидной гордыней триумфатора «наш дорогой Никита Сергеевич» (именно так к этому времени его начинали ангажировать в народе идеологи нового витка «культы личности») под «бурные аплодисменты» резюмировал: «Выдающиеся успехи в освоении целины наглядно показывают, какими жалкими банкротами предстают перед лицом партии и народа отщепенцы из антипартийной группы, которые рьяно выступали против курса Центрального Комитета на освоение целины» [27; 407]. (Здесь имелись в виду Молотов, Маленков, Каганович и др., которые решением июньского Пленума ЦК КПСС (1957 г.) за «антипартийную фракционную деятельность» были удалены со всех значимых постов в партийно-государственном руководстве, а впоследствии исключены из партии.)

Нельзя не отметить, что целина сообщила серьезные импульсы и развитию животноводческой отрасли Казахстана. Уже в первое десятилетие ее освоения поголовье общественного стада животных в республике существенно увеличилось: крупного рогатого скота — в 2 раза, овец — в 1,3 и свиней — в 3 раза. Симметрично возросли в Казахстане государственные закупки животноводческой продукции: по мясу — в 3,3 раза и молоку — в 3 раза. В 7 раз увеличились государственные заготовки яиц, что объяснялось неплохим развитием птицеводства, получившего с бурным подъемом зернового производства в республике хорошую кормовую базу [39; 4].

Озабоченный лозунгом «Догнать Америку по производству молока, масла и мяса!» и считавший себя «знатоком сельского хозяйства», Н. Хрущев учил передовиков и практиков сельского хозяйства, как в целинных условиях увеличить рост животноводческой продукции и оптимально структурировать производство мяса. Здесь, по его мнению, на говядину должно приходиться 35 % всей мясной продукции, на свинину — 30, баранину — 20, птицу — 12, на конское мясо — 3 % [27; 423]. По поводу последней цифры из зала прозвучала реплика: «Конского мяса мало!». Хрущев отшутился от нее весьма оригинальным для простодушной аудитории образом. «У нас в стране много национальностей, которые потребляют конское мясо... Когда я бываю в Казахстане или Узбекистане, я всегда прошу своих друзей, чтобы они меня, как гостя, угостили колбасой «дружба». Я вам уже объяснял, что это за колбаса «дружба», — это конская колбаса со свиным салом». Далее уже более серьезно, но все так же легковесно и директивно, якобы ни к чему не обязывающе, он говорил о том, что представители некоторых национальностей «любят конское мясо и, наоборот, мало потребляют

свинины. Так почему же мы не должны выращивать конское мясо? Вот я и обращаюсь — производите конское мясо» [27; 424].

Но шутки шутками, однако производство конины в республике продолжало сокращаться, впрочем, как и само конское поголовье. Его просто лишили степных кормовых просторов, ведь распахки земель доходили чуть ли не до окон домов центральных усадеб, а потому лошадей выпасали в оврагах да на узких межах вдоль целинных проселочных дорог. К тому же, Н. Хрущев делал ставку на «железного коня», а не на сивого мерина, «который даром проедает колхозные корма». С октября 1953 г. по октябрь 1957 г. численность лошадей в колхозах и совхозах Казахстана уменьшилась на 733 тыс. голов, или почти в 2 раза, а кобылье стадо — на 247 тыс. голов, или в 2,4 раза [40].

Если рассматривать целину в призме современных, радикально изменившихся реалий, то ее роль для республики несомненна. Во многом благодаря целине Казахстан стал входить в так называемый зерновой пояс Земли — довольно узкую полосу в Северной Америке (США и Канада), в Европе (Франция, Украина, юг России), в Южном полушарии (Аргентина и Австралия). Именно эти страны контролируют конъюнктуру мирового рынка зерна.

Вследствие включения в хозяйственный оборот целинных распахек в Казахстане стало производиться на душу населения от 1 тысячи, а нередко и гораздо больше, килограммов зерна. Между тем, согласно мировой практике, для стабильно гарантированного решения продовольственной проблемы и получения возможностей выхода на мировые рынки зерна достаточно иметь показатель в пределах 1 тыс. кг. Таких стран насчитывается в мире немного: Канада, Австралия, США, Франция, Венгрия и др.

Следует также иметь в виду, что 90-95 % мировых посевных площадей, отводимых под хлебные злаки, занимают мягкие пшеницы, тогда как целинный регион Казахстана производит преимущественно твердую пшеницу, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка. В целинных регионах республики находится один из крупнейших мировых массивов производства твердой пшеницы. По производству наиболее ценной твердой пшеницы — дурума Казахстан входит в десятку мировых лидеров, а в урожайные годы — в пятерку. (Для сравнения: из сотни килограммов муки, произведенной из зерна с низкими технологическими качествами, выпекают 91 кг хлеба, а из такого же количества муки из сильного зерна — 115 кг; 20-30 % сильной пшеницы, добавленной к слабому зерну, уже позволяют получить качественный хлеб.) Следовательно, в результате освоения целинных земель республика получала все предпосылки не только для полного удовлетворения собственных потребностей, но и для выхода на мировой рынок в качестве страны — экспортера высокотехнологичного зерна (по экспорту зерна республика входит в первую десятку стран, а муки — в тройку).

Учитывая, что продовольственные потребности мирового народонаселения из года в год только нарастают, можно с абсолютной уверенностью прогнозировать (что и делают эксперты) синхронную актуализацию связанных с этим проблем. Уже сегодня из всех составляющих национальной безопасности на авангардную роль выходит «продовольственный» аспект. Причем, наряду с ракурсами внутриполитического характера, он обнаруживает также свои геэкономические и геополитические проекции (еще в 50-х годах XX в. тогдашний президент США Дуайт Эйзенхауэр предрекал, что в будущем все будет определять не ракетно-атомное вооружение, а обладание продовольственными ресурсами; Северная Корея гордится наличием грозного военного арсенала, но население ее время от времени познает голод или нормированное снабжение продуктами питания — ситуация, кстати, знакомая и из советской истории).

Потенциал целины сегодня и, конечно, в будущем трудно переоценить. Но в советское время ее возможности во многом нивелировались нерыночным и, следовательно, экстенсивным характером экономики. Более того, «целинная эпопея» сопровождалась рядом весьма серьезных проблем. Поэтому, чтобы более или менее разносторонне оценить социально-экономическую эффективность грандиозного советского «целинного проекта», важно рассмотреть и такие его аспекты, как экологическая рациональность, степень экономической оправданности, а также социальная составляющая.

Начнем с первого момента. Как уже говорилось выше, по природно-климатической классификации территория Северного Казахстана (основной целинный ареал) относится к степной зоне, где среднегодовое количество осадков — 250–400 мм, коэффициент увлажнения — 0,45–0,70 (коэффициент ниже 1 считается недостаточным увлажнением). Вероятность полусухих и засушливых лет 55–70 %, а сухих — 10–15 %. Сельскохозяйственная продуктивность климата низкая и варьирует от 37 до 48 баллов (за 100 баллов принималась средняя по СССР урожайность зерновых культур за последние по отношению к тому или иному периоду 10 лет: для колхозов и совхозов она выводилась

на уровне 10 ц/га). Ее лимитированность обуславливается резким недостатком увлажнения, высокой континентальностью климата, сильным распространением процессов ветровой эрозии, значительным процентом в пашне солонцеватых почв и солонцов.

Территория, простиравшаяся от Кустанайской области на западе до районов Семипалатинска на востоке, входила в сухостепную зону Казахстанского региона. Она характеризуется резко континентальным климатом с явно недостаточной увлажненностью (количество осадков — 225–350 мм, коэффициент увлажнения — 0,33–0,45). Вероятность засушливых и сухих лет 70–95 %. Обширные пространства подвержены ветровой эрозии почв. Сельскохозяйственная продуктивность ограничивается резким недостатком влаги, частыми засухами и суховеями, а потому варьируется лишь в пределах от 26 до 38 баллов [41; 47, 52, 54, 42; 47].

Таким образом, Северный Казахстан представлял для развития земледелия достаточно сложный регион как в отношении характерного для него климата, так и структуры почв: здесь мощно присутствуют признаки аридности и семиаридности. Естественно, что все это принималось во внимание учеными и специалистами, землеустроителями, которые готовили фронт для «целинного наступления». Непосредственно в Степи работали 69 комплексных экспедиций (почти 1 тыс. чел.). Почвенные обследования были проведены на площади в 100 млн га земель. Понятно, что беспрецедентно гигантский объем исследовательских работ и необходимость закончить их почти в авральные сжатые сроки приводили, как это бывает в подобных случаях, к серьезным погрешностям. Под целинную распашку попали значительные массивы непахотнопригодных земель, почвы с легким механическим составом (песчаные и субпесчаные), солонцы и полусолонцы: из 25 млн га распаханых земель 8 млн пришлось на солонцовые и песчаные почвы.

В результате уже в 1957–1958 гг. начались пыльные бури, т. е. выдувание (дефляция) почв с легким механическим составом. Например, в Павлодарской области уже на третий год освоения целины совхозы потеряли половину зерновых площадей [43; 17]. С начала 1960-х гг. водно-ветряной эрозией оказались охвачены и огромные площади земель с тяжелыми почвами. К этому времени в Северном Казахстане было подвержено дефляции более 9 млн га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция. Образно говоря, почвенный горизонт выдувался из хозяйственного оборота в оборот атмосферы (старожилы-целинники вспоминали о «черноватом снеге» и «странном дожде», после которого промокшие соскабливали с себя грязь, благо, люди образованные, хотя и недоумевали, но не приняли это за Армагеддон). Тогда, вспоминает А.А. Никонов, «шведские газеты писали, что на тротуарах Стокгольма лежит слой русского чернозема» [30; 309]. Не исключено, что значительная часть этой черноземной пыли была с казахстанских земель.

Правда, в дальнейшем были разработаны почвозащитные системы земледелия, в частности, безотвальная обработка почв (отвальный плуг был заменен на плоскорезный, что позволяло сохранить стерню и другие органические остатки), посев стерневыми сеялками, зерновые севообороты и т.д. Однако, как отмечают специалисты-экологи, любые мероприятия в современных их формах смягчают негативные явления, но не обеспечивают необходимой защиты окружающей среды. Следовательно, даже щадящие системы обработки почв не решают проблемы, а что касается основы степного целинного земледелия — паров, то, как известно, чистый пар наиболее подвержен ветровой и, особенно, водной эрозии и, следовательно, является сильным источником потерь почвенного плодородия.

Во многом почвозатратный характер земледелия приводил к тому, что Советский Союз терял больший объем верхнего слоя почв, чем любая другая страна. Подробная информация о масштабах эрозии в стране отсутствовала (и это понятно, ведь экологическая наука, проповедовавшая бережное отношение человека к окружающей среде, долгие годы не могла быть любима в СССР, экстенсивная экономика которого была ориентирована на ее беспощадную и безудержную эксплуатацию).

Тем не менее на этот счет имеются некоторые сведения. Так, например, по самым осторожным оценкам Института всемирного наблюдения Лестера Брауна (США), потери верхнего слоя почвы на пахотных землях бывшего СССР составляли почти 2,3 млрд т в год (данные на 1985 г.) [44; 303]. Понятно, что значительная их часть приходилась на целинные районы Казахстана. В Северном Казахстане первоначальные исходные запасы гумуса в черноземах и каштановых почвах составляли 4,3 млрд т., после освоения целины из них под влиянием процессов эрозии были безвозвратно утрачены 1,2 млрд т [45; 97].

Гумусный слой разрушался, а вместе с гибелью его каждого сантиметрового слоя на одном гектаре терялось 76 кг азота, 240 кг фосфора, 800 кг калия, и никакая «большая химия» не способна бы-

ла компенсировать потери от дегумификации. Гумусный слой чрезвычайно тонкий: если представить Землю в виде футбольного мяча, то он должен быть изображен оболочкой тоньше человеческого волоса и формируется он в течение очень длительного времени. Подсчитано, что для восстановления перегнойного горизонта толщиной в 2,5 см, разрушенного процессами эрозии, необходимо от 300 до 1000 лет, да и то лишь при условии наличия хорошего растительного покрова [46; 150].

В свое время некоторые идеологически «подкованные» советские ученые, обсуждая проблемы нарастания засушливости на нашей планете и десертификации (опустынивания) ее все более широких территорий, любили, где надо и не надо, пенять на «капиталистов-империалистов». Дескать, это они, эксплуатируя неокOLONиальными методами страны «третьего мира», массово вырубая тропические леса тропической Африки и сельву Амазонии (будто мы не прошли «широким» топором и бензопилой «Дружба» по «зеленому морю тайги»). Действительно, сокращение ареала лесов, этих «зеленых легких» Земли, прямо коррелирует с явлениями засушливости. Но нарастанию засушливости способствуют и широкомасштабные распашки.

До самого последнего времени этому фактору не придавалось серьезного внимания (по крайней мере, в советской науке). Между тем, как выяснилось, гигантские распашки способны вызвать крайне отрицательные климатические подвижки. Ученые считают, что по сравнению с почвой, лишенной постоянной органической защиты, почва, имеющая таковую, поглощает солнечную энергию в 7–17 раз меньше, нагревается лишь до 18–23°, или в 3–4 раза слабее [47; 73]. А, как известно, лучистая энергия Солнца, дополнительно поглощенная открытой поверхностью почвы, переходит в тепловую, является излишней и расходуется исключительно на засуху. Отсюда ясно, что почвы с обнаженной поверхностью служат источником усиления засух, причем на огромных расстояниях.

Это хорошо заметно, если обратиться к «вековому» статистическому тренду (с 1885 по 1985 гг.). В первой его четверти (1885–1910 гг.) на территории Северного Казахстана, Нижней Волги и в других районах сильная засуха, хотя и была довольно обычным явлением, отмечалась не столь часто (из 25 лет — 6–7 земледельческих сезонов). Но если рассмотреть статистику последней четверти тренда (1960–1985 гг.), когда в этих районах проходили интенсивные распашки, прежде всего целинные, то окажется, что из 25 лет засушливыми и сильно засушливыми (как, например, в 1963 г.) были около двадцати. Статистика средней урожайности на землях Северного Казахстана выявила, что с 1951 по 1987 гг. здесь было только девять лет, когда продуктивность пашни фиксировалась в пределах от 10,6 до 13,6 ц/га, т. е. в среднем каждое десятилетие было лишь по два благоприятных года [48].

На современном уровне эколого-географического прогноза предугадать региональные и глобальные последствия масштабных антропогенных (в данном случае агрогенных) влияний на природную среду трудно, но нет сомнения, что такое воздействие вызывает деградацию отдельных компонентов биосферы Земли, приводит к разбалансировке исторически сложившихся круговоротов и общему качественному перерождению. Разрушение же эволюционно возникшей качественной определенности и специфичности делает проблематичным дальнейшее развитие человеческой цивилизации. Таким образом, целинные земельные распашки в Казахстане (напомним, что в 1954–1960 гг. здесь было поднято 25,5 млн га) не могли не дать масштабных экологически негативных проекций. Приняв курс на целину, отражавшую стратегию безудержно расширяющегося (экстенсивного) природопользования, советское партийно-государственное руководство проигнорировало вселенский гуманитарный принцип «Земля — наш общий дом», взяв тем самым на себя моральную ответственность за грядущие экологические катаклизмы. Гигантская зона рискованного земледелия, формировавшаяся на пространных Востока, была рискованна не только по отношению к урожаям, но прежде всего и главным образом в плане экологии нашего общего дома — планеты Земля. Благо, что это «советское экологическое» наследие сейчас с трудом, но целенаправленно выправляется.

Что касается экономической целесообразности, то этот аспект трудно иллюстрируется, поскольку статистические подсчеты велись лишь в строго заданном, т.е. ожидаемом в высоких властных сферах, ключе, без должного анализа параметров, не вписывавшихся в «экстенсивную» методологию, заострявшую свое внимание на «центральных» критериях: бинарных оппозициях типа «больше — меньше», «рост — не рост» и т. п. Известна оценка экономической рациональности целины, данная советскими авторами, в частности, С. Байшев считал, что от целины страна получила 6,1 млрд чистой прибыли [49; 161]. Академик А.А. Никонов пишет, что советское государство в целину за 1954–1959 гг. вложило 37,4 млрд рублей, за счет товарного зерна этих районов бюджет получил около 62 млрд рублей, следовательно, считает он, от целины получено чистого дохода 24 млрд рублей

[30; 309]. Но сегодня можно смело утверждать: вряд ли кто точно знает, какова действительная цена экономических издержек легендарных казахстанских миллиардов пудов хлеба.

Тем не менее, если учесть, что в целинный гектар засевалось от 1,5 до 2 ц зерна, а собиралось не более 6-9 ц (в 1954–1958 гг. средняя урожайность была на уровне 7,3 ц/га, в 1961–1965 гг. — 6,1 ц/га, а в засушливом 1963 г. — и вовсе 3,9 ц/га), то вопрос об экономической целесообразности предстает отнюдь не праздным [50; 4]. Причем надо учесть, что в отдельных целинных областях было еще хуже. Так, например, в Целиноградской области с 1954 по 1967 гг. три года урожайность земель не превышала 4 ц/га, а в 1965 г. — не дотягивала и до 2 ц/га [75]. Даже в весьма благоприятном 1958 г. совхозы Целинного края Казахстана принесли государству убытков на сумму в 75 млн руб. (и это в год очень высокого урожая), а в 1962 г. — в три раза больших масштабах (223 млн руб.), из 670 совхозов только 101 хозяйство (15 %) закончило хозяйственный год с прибылью [51]. Между тем Хрущев предрекал, что в среднем можно собирать по 15-17 ц/га, что говорило об уровне его компетенции относительно продуктивных возможностей целинных агроландшафтов [27; 468].

Понятно, что на величину издержек сельскохозяйственного производства прямо влияли и масштабы привлечения трудовых ресурсов. Ежегодно на целину прибывала огромная масса студентов, городских жителей, комбайнеров и механизаторов из других областей и республик. Так, в 1956 г. (первый случай, когда Казахстан дал 1 млрд пуд. хлеба) на уборку урожая со всех концов страны было стянуто около 12 тыс. комбайнеров, 20 тыс. шоферов с соответствующей техникой. В 1959–1963 гг. на целинной жатве работали 358 тыс. механизаторов, прибывших из других союзных республик (на это было затрачено 30,7 млн руб.) [52].

Традиционным донором трудовых ресурсов для советского экстенсивного сельского хозяйства являлось студенчество. В своем выступлении на XII Пленуме ЦК Компартии Казахстана (декабрь 1969 г.) его первый секретарь Д. Кунаев отмечал: «Мы уверены в том, что комсомол с присущим ему задором и энтузиазмом... внесет свой вклад в подготовку механизаторов из числа студентов вузов» [53]. Как говорится, сказано — сделано. В высших учебных заведениях республики (даже аграрно-непрофильных) в послелекционное время стал читаться обязательный курс «Комбайноведение».

Как всегда, включилась машина идеологического обеспечения «молодежного энтузиазма». Снимались бодрящие киноленты, воспевающие романтику комсомольских ударных строек, оперативно сочинялись песни с молодежно-задорным рефреном («Радостный строй гитар. Яростный строй отряд. Словно степной пожар, песен костры горят» или «У студентов есть своя планета — это Целина!»). Словообильные «трибуны» — застрельщики из различных комсомольских аппаратов, поднаторевшие на «высокопатриотической» риторике, призывали молодежь «повыше засучить рукава». Сразу после летней сессии студенческие эшелоны отправлялись на «третий трудовой семестр» (так пафосно обозначалось это в лозунгах мобилизационно-трудовой кампании). Например, в 1969 г. в уборке урожая участвовали более 1 тыс. студентов вузов и 2 тыс. учащихся средних специальных учебных заведений, получивших, как бы, специальность механизатора [54; 135].

По такой же ускоренной программе обучения ремеслу механизатора готовились и рабочие промышленности, строительства, транспорта. В уже упомянутом году на хлебной ниве трудились 10 тыс. «посланцев промышленного пролетариата и тружеников города».

Еще одним массовым источником «целинного труда» являлась армия. На уборку урожая регулярно посылались десятки военных автомобильных батальонов, тысячи солдат срочной службы. Кроме того, сюда же направлялись и воины запаса, призванные, якобы, на военную переподготовку (освоение модернизированной техники, поступавшей в Вооруженные Силы). Вот один из примеров такой, по сути, военной мобилизации на «хлебный фронт». В июне 1968 г. (а это повторялось из года в год) Совет Министров СССР принял постановление, разрешающее (на самом деле, прямо обязывающее) Минобороны призвать для комплектования автомобильных батальонов, формирующихся для перевозки зерна, 19 тыс. военнообязанных (воинов резерва) на так называемые «специальные» 6-месячные сборы. Помимо этого, тем же постановлением военному ведомству предписывалось задержать на действительной военной службе до 1 декабря 1968 г. 70 тыс. военнослужащих, имеющих специальность водителей военных автомобилей и подлежащих увольнению из рядов Советской Армии в запас в июне, т.е. их демобилизация задерживалась еще на 5 месяцев [55]. С 1 августа 1968 г., согласно аналогичному распоряжению Совмина СССР, военкоматы Минобороны призвали на 3-месячные военные сборы еще 33 тыс. военнообязанных, в том числе 2250 офицеров запаса [56].

Вместе с тем Совмин СССР обязывал Госснаб СССР выделить Минобороны до 1 сентября 1968 г. 15 тыс. грузовых автомобилей, 90 машин ГАЗ-29, 150 передвижных мастерских и

120 топливно-заправочных автомобилей для уборки урожая (вся эта техника и должна была обслуживаться призванными на военные сборы). В августе того же года по указанию правительства Госснаб выделил Минобороны с этой же целью еще 10 тыс. автомобилей, 80 ГАЗ-29, 100 передвижных автомастерских и 100 топливных автоцистерн. Всего было поставлено 32 тыс. грузовых автомобилей [57]. Например, только в Кустанайской области на уборке урожая 1968 г. было задействовано 20 тыс. военных автомашин [58].

Все эти массовые мобилизации на «хлебный фронт» приводили к огромнейшим и нерациональным затратам масс труда. Порой число прямо или косвенно занятых на хлебной ниве достигало более 1 млн человек. Безусловно, это не могло не сказываться на рентабельности зернового производства, его реальной себестоимости.

Хорошо известно, что в структуре многофакторного анализа стоимости любого производства трудовые издержки занимают достаточно большой сегмент, чтобы его с легкостью можно было нивелировать, т.е., попросту говоря, не замечать. Но совхозно-колхозная «бухгалтерия» очень часто так и поступала, не вдаваясь особо во все эти экономические «хитросплетения» и головоломки. Здесь руководствовались не по-хозяйски рачительными, а привычными иждивенческими соображениями.

Если игнорировались прямые издержки труда, то о косвенных, т.е. производных «мелочах», вообще не задумывались. Так, рабочие промышленности и горожане из других сфер занятости в связи с сельхозработами относительно надолго отвлекались от постоянного места работы, но получали здесь 75 % своей зарплаты, не создавая при этом эквивалентной ей материальной (или нематериальной) стоимости. Студенты, отправленные на хлебную страду, вследствие ее обычного затягивания возвращались не к началу учебного года (1 сентября), а гораздо позже (иногда чуть ли не в октябре). Из-за этого нарушались учебно-тематические графики занятий, сжимались и урезались лекционные курсы. В результате студенты не прослушивали иные темы или были вынужденно осваивать их самостоятельно (это, конечно, не могло не сказываться в их будущей профессиональной деятельности).

Огромны были и энергетические затраты, которые росли в силу поистине бескрайних целинных просторов: площади совхозных земель составляли десятки тысяч гектаров. Здесь один механизатор был вынужден обрабатывать в среднем 50-60 га земель, тогда как на его собрата по специальности в России приходилось 11,6 га, на Украине — 5,6, а в Белоруссии — 4,7 га [59; 28], т.е. от 5 до 12 раз меньший объем обрабатываемых площадей. Неимоверно растянутыми в своих расстояниях были «плечи» перемещения тракторов, комбайнов и автомобилей (в иных совхозах, чтобы добраться от центральных усадеб до отделений или бригад, требовалось проехать 20–30 километров). Понятно, это требовало значительных затрат энергоносителей (бензина, солянки, смазочных материалов и т. п.).

Западный фермер, хозяйствующий в рыночном пространстве, при подобных энергозатратах сразу бы разорился, ибо уже только из-за этого свел бы рентабельность своего производства к нулю или, что, скорее всего, вообще, к отрицательным величинам. А потому он вплоть до десятых и сотых долей, калькулировал необходимые энергозатраты.

Советское же «общественное» сельское хозяйство было лишено «капиталистических комплексов». Государство приказывает пахать огромные площади — значит, так надо, ему виднее! А что касается необходимого горючего, так государство неограниченно выдаст его столько, сколько потребуется, причем по льготным ценам и в счет все тех же безвозвратных кредитов. (Сталин, реагируя в свое время на критический пессимизм западных экономистов по поводу способности советских колхозов получать хотя бы среднюю норму прибыли, с явной издевкой говорил, что эти буржуазные «ученые» забывают, что социалистические хозяйства не нуждаются ни в какой средней прибыли и даже, вообще, прибыли; им всегда поможет родное государство. Как оно тогда помогало, мы знаем по массовому голоду начала 1930-х гг. Но иждивенческое кредо социалистического коллективного сельского хозяйства вождь неволью высказал тогда достаточно точно.)

Взращенные еще со времен коллективизации на стереотипах нехозяйской мотивации («не мое, а чье-то общественное», т. е. принадлежащее какой-то трудно постижимой анонимно-абстрактной коллективности), массовые сельские труженики вяло реагировали и на дежурно-затасканные призывы к режиму строгой экономии. А потому нередко можно было наблюдать картинку, когда на совхозных и бригадных складах горюче-смазочных материалов из кранов цистерн непрерывно сочился бензин или солянка, наполняя под собой «энергетическую» лужу, возле которой была «рачительно» вбита табличка «Осторожно! Не курить! Взрывоопасно!». Как говорится, маленькие детали, но из них состоял весь механизм.

Как уже отмечалось, самым важным целеполаганием целинных распахек являлась задача решения зерновой проблемы. Но было ли оно достигнуто, а точнее даже, могло ли быть реализовано в условиях советской нерыночной экстенсивной экономики?

Ориентировавшаяся на методологию экстенсификации, советская агроэкономическая наука считала, что для снятия продовольственной проблемы важно достигнуть такого положения, чтобы на душу населения приходился условно, как минимум, гектар пашни. В этом плане в 1950-х гг. в СССР отмечался дефицит примерно в 50 млн га. (Поэтому цифра в 42 млн га распаханной в стране целинной нови отнюдь не случайна.) Задача, поставленная научными авторитетами, была решена — каждый советский человек «получил» почти по гектару. На долю СССР приходилось 16 % всех зерновых площадей на земном шаре (для сравнения: КНР — 13 %, Индия — 14, США — 8,5 %) [60]. Однако проблема осталась. Располагая гигантским сельскохозяйственным потенциалом, страна начиная с 1970-х гг. стабильно входила в пятерку крупнейших мировых импортеров зерна (наряду с Японией, Китаем, Саудовской Аравией и др.).

Практика жизни доказала, что в условиях НТР природный фактор сам по себе еще не есть решающее условие. Взять хотя бы Нидерланды, которые крайне ограничены в земельных площадях и вынуждены метр за метром отвоевывать польдеры у моря. Однако СССР — одна шестая часть Земли — не шел с ней в силу экстенсивного характера экономики ни в какое сравнение. В Голландии площадь пашни составляла всего 0,9 млн га (в СССР — 233 млн). Продукция на один гектар пашни составила здесь 8900 дол. (в СССР — 300). Один гектар пашни кормил 16,5 человека (в СССР — 1,2). Один работник сельского хозяйства обеспечивал продовольствием 60 человек (в СССР — 13). Между тем на гектаре пашни в СССР было занято людей в 15-20 раз больше, чем в Голландии [61].

Итак, целина как «экстенсивный» маневр экономически не оправдал себя. Страна оставалась импортером зерна, а выход на вынужденную интенсификацию был надолго заблокирован.

Переходя к вопросу о социальной составляющей целины, надо однозначно сказать, что она бесспорна. Только в первые десятилетия освоения целины протяженность автодорог с твердым покрытием выросла более чем в 14 раз, железнодорожных путей стало на две с половиной тысячи километров. Было протянуто 90 тыс. км линий электропередач, причем 85 тыс. — в сельской местности [62].

В голой до этого степи появилось множество поселков с хорошей социально-культурной инфраструктурой. Обновлялись старые города региона — Целиноград, Павлодар, Кокчетав, Кустанай, Петропавловск, росла численность их населения. В разы возросло строительство жилья, объектов соцкультбыта, школ, детских дошкольных учреждений, поликлиник, больниц и т. д. Создавались областные центры высшей школы (педагогические, медицинские, сельскохозяйственные, инженерные институты).

Но и в контексте социальных опосредований «целинный проект» не обошелся без своих отдельных негативных проекций. Уже отмечалось, что освоение целины осуществлялось главным образом путем привлечения трудовых ресурсов из других республик (в 1960–1965 гг. рост населения Северного Казахстана на 61 % обеспечивался за счет межреспубликанской миграции) — выходцев из РСФСР, Украины, Молдавии, Белоруссии и т. д. (Во время встречи с Мао Цзедунем Хрущев обсуждал даже возможность широкомасштабного привлечения на целину китайской рабочей силы.) С 1954 по 1964 гг. все народонаселение Казахстана возросло на 60 %, а численность населения областей, входивших в Целинный край, — на 80 % (1,6 млн чел.) и в большей своей части именно за счет внешней миграции [63].

В результате здесь сформировалась широкая этноконтактная социокультурная зона, сильно динамизировавшая процессы интернационализации общественной жизни, что, исходя из мирового опыта, являлось в принципе позитивной тенденцией. В то же время обширность миграционного потока имела отрицательные последствия. Так, регионы-доноры, т. е. районы — источники миграционного потока, превратились из трудоизбыточных в трудодефицитные территории и стали обнаруживать острейший дефицит рабочей силы (например, российское Нечерноземье). Неконтролируемая миграция содействовала тому, что удельный вес титульного этноса в национальной структуре населения Казахстана снизился до 30 процентов. В результате возникла объективная угроза языку (ареал функционирования казахского языка еще более сузился: более 700 школ были переведены с казахского языка обучения на русский), социокультурным и другим институтам системы жизнеобеспечения казахского этноса. А это не могло не отразиться на всем комплексе межнациональных отношений, порождая взрывоопасные проблемы и напряжения.

В ходе освоения целины еще более обострилась проблема региональных противоречий в размещении производительных сил Казахстана. Целина, как и индустриальные Восток и Центр, стала основным центром притяжения государственных инвестиций, в ущерб другим регионам республики. В результате производственные и социальные инфраструктуры развивались в последних гораздо менее динамично, а производительные силы чуть ли не стагнировали, порождая вопросы занятости и пауперизации населения, демографические и экологические проблемы и т. д. Все это служило базой для возникновения проблемы «Север — Юг» (отстававшие в плане развития производительных сил западный и южный регионы и относительно более развитые Север, Восток и отчасти Центр), которая в будущем обернется серьезными последствиями в самых разных своих проекциях.

Заключение

Хотя целина не решила зерновую проблему в СССР, проявились определенные социальные, этнодемографические, экологические негативы проекта, однако, по нашему мнению, в целом для Казахской ССР в процессе освоения целины преобладали положительные моменты. Целина сыграла огромную роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктур, возникновении новых и расцвете старых городов. Также позитивы итогов целины заключались в огромном потоке капиталовложений, которые аграрный сектор республики, находясь на периферии и как второстепенный сегмент экономики, и территориально, не получил бы никогда, если бы не целинная кампания. Этот компонент позволил выйти аграрному сектору Казахстана и по количественным, и по качественным показателям на новый уровень (в частности, как крупный зерновой регион по выращиванию лучших сортов твердой пшеницы). Крупные вложения в аграрный сектор республики способствовали пусть даже временному, но заметному его оживлению. Массовый приток мигрантов практически из всех республик бывшего СССР не только создавал очаги напряжения, но во многом способствовал сближению культур этнических групп, формированию в Казахстане широкой социокультурной и этноконтактной зоны.

В 2017 г. казахстанские и российские эксперты на заседании экспертного клуба «Мир Евразии» обсуждали тему «Сила колоса: освоение целины Казахстана как фактор интеграции евразийских народов». Участники дискуссии отмечали, что заслуги целинников незаслуженно забыты, между тем освоение целины — это историческое наследие наших стран. При обсуждении эксперты рассказали, что ОФ «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» в 2009 г. в рамках исследования «Евразийский монитор» изучал тему отношения населения постсоветских стран к истории XX в. (и целине, в том числе). В выступлении Г. Илеуовой, президента Центра, отмечалось, что, когда осуществлялся этот проект, была гипотеза, что в силу этнического подхода к истории произошел перекосяк в общественном мнении и сформировалось негативное отношение, особенно у молодежи, к истории советского периода XX в. (при опросе был сделан возрастной срез 18–30 лет). Полученные данные во время опроса: 7,5 % опрошенных не знают о таком событии, как освоение целины, негативно отреагировали 5 %, 10 % — те, кто затруднился с ответом. В основном, отмечает Илеуова, люди говорили о том, что событие «скорее, позитивно» и «безусловно, позитивно», ответ «нейтрально» выбрали около 10 % [64]. Исследование показало, считает Г. Илеуова, что отношение к этой теме спокойное: чем моложе респонденты, тем меньше они знают о целине, но тем меньше положительных оценок; у старшего поколения (в возрасте от 45 лет) больше положительных оценок. За это время, отметили участники обсуждения, изменилось не только отношение ко всему советскому, но и отношение к трудовому подвигу освоения целины. Обсуждение этих проблем на дискуссионных площадках демонстрирует возвращение, новый виток исследовательского интереса (после 1990-х гг. — начала 2000-х гг.) не только у научной общественности, но и молодежи к истории освоения целины.

Список литературы

- 1 Баишев С.Б. Социально-экономические итоги освоения целинных земель в Казахской ССР / С.Б. Баишев, Г.Ф. Дахшлейгер // Вопросы истории. — 1975. — № 3. — С. 21.
- 2 Журавлев С. Целинная эпопея [Электронный ресурс] / С. Журавлев. — 2018. — Режим доступа: <http://lhistory.ru/statyi/celinnaya-epopeya>.
- 3 Андреенков С.Н. «Целинный проект» и развитие зернового хозяйства Западной Сибири в середине 1950-х — начале 1960-х годов / С.Н. Андреенков // Исторический ежегодник. — Новосибирск, 2007. — С. 116–131.
- 4 Вербицкая О.М. Хрущева: взгляд из XXI в. / О.М. Вербицкая // Русский исторический сборник. — Т. 5. — М., 2013. — С. 175–197.

- 5 Самсонов А. Целинная эпопея Хрущева [Электронный ресурс] / А. Самсонов. — 2016. — Режим доступа: <https://topwar.ru/91085-celinnaya-epopeya-hruscheva.html>.
- 6 Абдирайымова А.С. Хозяйственно-экономические, демографические и экологические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1950-е — 1990-е гг. XX в.) / А.С. Абдирайымова: дис. ... канд. ист. наук. — Алматы: КазНУ, 2007. — 133 с.
- 7 Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. / Ж.Б. Абылхожин. — Алма-Аты: Университет «Туран», 1997. — 360 с.
- 8 Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство / И.Е. Зеленин. — М.: ИРИ РАН, 2001. — 304 с.
- 9 Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 — начало 60-х годов) / И.Е. Зеленин // Отечественная история. — 1998. — № 4. — С. 109–122.
- 10 Верт Н. История советского государства. 1900 — 1991 гг. / Верт Н. — М., 1992. — 480 с.
- 11 Мухитдинов Н. А. Годы, проведенные в Кремле / Н.А. Мухитдинов. — Ташкент, 1994
- 12 Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым / Ф. Чуев. — М., 2001. — 309 с.
- 13 Шепилов Д.Т. Непримкнувший. Воспоминания / Д.Т. Шепилов. — М.: Центрполиграф, 2017. — 448 с.
- 14 РГАНИ. Ф.52. Оп.1. Д.247. Л.1
- 15 Хрущев Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть: в 2-х кн. Кн. 1 / Н.С. Хрущев. — М.: Вече, 2016. — 662 с.
- 16 РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.64. Л.15.
- 17 Шаяхметов Ж.Ш. Энциклопедия [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа: <http://ru.encyclopedia.kz/index>.
- 18 Аккозин М.А. Вернуть из забвения: правдивая история о Жумабае Шаяхметове, первом казахе, возглавившем республику / М.А. Аккозин. — Алматы, 2008. — 260 с.
- 19 РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.64. Л.140.
- 20 Хрущев С.Н. Реформатор / С.Н. Хрущев. — М.: Вече, 2016. — 276 с.
- 21 Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. — Алма-Ата, 1963. — 672 с.
- 22 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. — Т. 8. — М.: Политиздат, 1985. — 542 с.
- 23 РГАСПИ. Ф.625. Оп.1. Д.99. Л.499–500.
- 24 Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства / Н.С. Хрущев. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1962. — 496 с.
- 25 XX съезд КПСС и его исторические реалии. — М., 1991. — 416 с.
- 26 Кунаев Д. О моем времени / Д. Кунаев. — Алматы, 2011. — 376 с.
- 27 Хрущев Н. С. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов / Н.С. Хрущев. — М., 1961. — 515 с.
- 28 Народное хозяйство Казахской ССР: стат. сборник. — Алматы: Казгосиздат, 1957. — 381 с.
- 29 РГАНИ. Ф.5. Оп.45. Д.71. Л.83.
- 30 Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.) / А.А. Никонов. — М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. — 574 с.
- 31 РГАСПИ. Ф.17. Оп.89. Д.225. Л.7.
- 32 РГАНИ. Ф.5. Оп.45. Д.94. Л.89.
- 33 Народное хозяйство Казахстана в 1960 и 1961 гг.: стат. сборник. — Алма-Ата, 1963.
- 34 Народное хозяйство Казахстана в 1971 г. — Алма-Ата, 1972.
- 35 Масанов Н.Э. История Казахстана. Народы и культуры / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева, А.Н. Алексеев. — Алматы, 2001. — 600 с.
- 36 Жаркенова А.М. Индустриальный и целинный факторы в изменении численности населения Северного Казахстана / А.М. Жаркенова // Вестн. КазНПУ. — 2015. — № 2(45). — С. 9–15.
- 37 Козина В.В. Демографическая история Казахстана / В.В. Козина. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. — 145 с.
- 38 Козлов В.А. Межнациональные браки в Казахстане: оценка предпочтений с помощью матрицы межэтнических состояний [Электронный ресурс] / В.А. Козлов, Г.К. Айгозина / Демоскоп. — 2017. — № 733–734. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php>.
- 39 Проблемы Северного Казахстана и степных районов Западной Сибири, Материалы выездной сессии ВАСХНИЛ. — Целиноград, 1966 – янв. 31–4 февр.
- 40 АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 126. Л. 92.
- 41 Шишова Л.Л. Критерии и модели плодородия почв / Л.Л. Шишова, И.И. Карманов, Д.Н. Дурманов. — М., 1987. — 198 с.
- 42 Боровский В.М. Почвы Казахстана и пути их народнохозяйственного использования / В.М. Боровский, У.У. Успанов. — Алма-Ата, 1970. — 26 с.
- 43 Оспанов Б.С. Землеустройство Республики Казахстан — история и современность / Б.С. Оспанов // Освоение целинных и пахотных земель: история и современность: науч.-теор. конф., посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель, 4–6 декабря. — Алматы, 2004. — С. 17–23.
- 44 Лестер Браун. Предотвращение эрозии почвы / Лестер Браун // Мир восьмидесятых годов. — М., 1989. — С. 14–22.
- 45 Елешев Р.Е. Современное состояние пахотных земель и пути воспроизводства их плодородия / Р.Е. Елешев // Освоение целинных и пахотных земель: история и современность: науч.-теор. конф., посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель, 4–6 декабря. — Алматы, 2004. — С. 97–101.

- 46 Лемешев М.Я. Эффективность интенсификации сельского хозяйства: опыт СССР и США / М.Я. Лемешев // Соревнование двух систем: современное состояние, факторы, перспективы. — М., 1988.
- 47 Золотарев П.Т. О причине засухи и путях ее преодоления / П.Т. Золотарев, С.П. Золотарев, Н.П. Золотарева // Земледелие. — 1990. — № 3. — С. 14–25.
- 48 АП РК. Ф.708. Оп. 1. Д.1295. Л, 19.
- 49 Баишев С.Б. Вопросы социально-экономического развития Советского Казахстана / С.Б. Баишев. — Алма-Аты: Наука, 1981. — 261 с.
- 50 Динамика посевных площадей, урожайности, валовых сборов по Казахской ССР: стат. сборник. — Алма-Ата, 1989
- 51 АП РК, ф.708, оп.44, д.170, л.54.
- 52 Правда. — 1962. — 14 июня.
- 53 Казахстанская правда. — 1969. — 25 дек.
- 54 Колодин Ф.И. Торжество ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства Казахстана / Ф.И. Колодин — Алма-Ата, 1971. — 137 с.
- 55 АП РК. Ф. 708. Оп.44. Д. 170. Л. 56.
- 56 АП РК, ф.708, оп.44, д.170, л.64.
- 57 АП РК, ф.708, оп.42, д.222, л.63; оп.44, д.170, л.68.
- 58 АП РК, ф.708, оп.42, д.222, л.119.
- 59 Калиев Г.А. Освоение целины и ее социально-экономические последствия // Освоение целинных и пахотных земель: история и современность: науч.-теор. конф., посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель, 4–6 декабря. — Алматы, 2004. — С. 24–31.
- 60 СССР и зарубежные страны. 1988 г.: стат. сборник. — М., 1990.
- 61 Аргументы и факты. — М., 1989. — № 24.
- 62 Назарбаев Н. А. Поднятая целина — символ дружбы и созидания: Доклад на торжественном заседании, посвящ. 50-летию освоения целинных и залежных земель / Н.А. Назарбаев // Казахстанская правда. — 2004. — 7 февр.
- 63 АП РК. Ф. 708. Оп. 139. Д. 2533. Л. 3.
- 64 Освоение целины: благо или зло для Казахстана? 04 ноября 2017 [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya_politika/osvoenie_tselini_bлаго

З.Г. Сактаганова, Ж.Б. Абылхожин

**«Тыңайған жерлерді игеру жобасы»: жетістіктері және мәселелері
(тыңайған жерлерді игерудің әлеуметтік-экономикалық және экологиялық аспектілері)**

Мақалада зерттеудің нысаны ретінде Қазақстандағы Н.С. Хрущевтің тың және тыңайған жерлерді игеру бойынша аграрлық саясаты және оны жүзеге асырудың тәжірибесі алынды. Тың мәселелерін шешу барысындағы ішкі одақтық жетекшілер мен ауыл шаруашылығымен айналысушы ғалымдар және Н.С. Хрущев пен қазақстандық жетекшілер арасындағы қарама-қайшылықтар қарастырылды. Мұрағат және статистикалық материалдардың негізінде Қазақ КСР-ғы тыңайған жерлерді игерудің барысы мен салдары зерттелді. Авторлар тың бойынша кеңестік әдебиеттерге тарихнамалық шолуы жасап, бұл әдебиеттерде Қазақстан территориясындағы тың және тыңайған жерлерді игерудің оң бағалануы жөнінде қорытынды жасаған. Тыңайған жерлерді игеру мәселесі бойынша қазіргі заманғы қазақстандық тарихнама 1990 ж. бастап 2000 ж. аралығында радикалдық кері бағадан ғылыми өлшенген баға аралығындағы жолдан өтті. Отандық тарих ғылымында тыңайған жерлерді игеру бойынша арнайы іргелі жұмыстар жоқ. Бұл үрдістер кеңестік кезеңдегі ҚазКСР-ғы әлеуметтік-экономикалық зерттеу контекстінде қарастырылды. Толықтай алғанда, авторлар тыңайған жерлерді игеру тақырыбының ғылыми тұрғыда болашағы бар және соңғы кезде тек қана мамандар емес, сонымен қатар қазақстандық қоғам тарабынан қызығушылық танытып отыр деп санайды.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, тың, тыңайған жерлерді игеру, аграрлық саясат, қазақстандық тарихнама.

Z.G. Saktaganova, Zh.B. Abylkhozhin

**«Wilderness project»: achieving and problems
(socio-economic and ecological aspects of virgin lands)**

The agrarian policy of N.S.Khrushchev on the development of virgin and fallow lands and the practice of its implementation in Kazakhstan became the object of study of this article. Solving the virgin problem the contradictions and confrontation within the Union leadership and by the scientists of the agrarians, as well as between N.S.Khrushchev and the Kazakh leaders were considered. On the basis of archival and statistical mate-

rials, the course and consequences of the development of virgin lands in the Kazakh SSR are traced. On the basis of archive and statistical materials run and the consequences of development of virgin lands in Kazakh CCP are traced. By authors they are made historiographic review of Soviet literature about virgin soil and conclusion is made that as a whole in works positive evaluations of development of virgin and laylands on Kazakhstan territory were present. Modern Kazakstani historiography on virgin problems passed way from radically negative evaluation in 1990s to scientific weighted in 2000s. There are no special fundamental works on development of the virgin soil in Domestic historical science meanwhile. These processes are considered in the context of studying of socio economic problems of Kazssr in Soviet period. As a whole, authors draw conclusion that the topic of the virgin soil is promising in scientific plan and causes to the last

Keywords: History of Kazakhstan, virgin lands, development of virgin lands, agrarian policy, kazakh historiography.

References

- 1 Baishev, S.B., & Dahshleyger, G.F. (1975). Sotsialno-ekonomicheskie itoхи osvoeniia tselinnykh zemel v Kazakhskoi SSR [Socio-Economic Insights of Celestial Earthquake in Kazakh SSR]. *Voprosy istorii – Question of History, Vol 3*, 21 [in Russian].
- 2 Zhuravlev, S. (2018). Tselinnaia epopeia [Celtic epic]. *lhistory.ru*. Retrieved from: <http://lhistory.ru/statyi/celinnaya-epopeya> [in Russian].
- 3 Andreenkov, S.N. (2007). «Tselinnyi proekt» i razvitiе zernovogo khoziaistva Zapadnoi Sibiri v seredine 1950-h – nachale 1960-h hodov [«Tselinny project» and development of the Znamnovsky farm West Siberia in the 1950s - the beginning of the 1960s]. *Istoricheskii ezhepodnik – The Istorich Hero*, 116–131 [in Russian].
- 4 Verbitskaya, O.M. (2013). Tselinnyi proekt N.S. Hrushcheva [Celtic epoch of Khrushchev]. *Russkii istoricheskii sbornik – Russian historical collection, Vol. 5*, 175–197 [in Russian].
- 5 Samsonov, A. (2016). Tselinnaia epopeia Hrushcheva [Virgin epic Khrushchev]. *topwar.ru*. Retrieved from: <https://topwar.ru/91085-celinnaya-epopeya-hrusheva.html>
- 6 Abdirayymova, A.S. (2007). Hoziaistvenno-ekonomicheskie, demograficheskie i ekologicheskie posledstviia osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel v Kazakhstane (1950-e – 1990-e hh. XX v.) [Economically-economic, demographic and environmental consequences of the development of virgin and fallow lands in Kazakhstan (1950s – 1990s. XX centuries)]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Almaty: KazNU [in Russian].
- 7 Abylhozhin, Zh.B. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana. XX vek [The sketches of socio economic Kazakstan history. XX century]. Alma-Aty: Universitet «Turan» [in Russian].
- 8 Zelenin, I.E. (2001). Ahrarnaia politika N.S. Hrushcheva i selskoe khoziaistvo [Agrarian policy N.S. Khrushchev and agriculture]. Moscow: IRI RAN [in Russian].
- 9 Zelenin, I.E. (1998). Tselinnaia epopeia: razrabotka, priiniatie i osushchestvlenie pervoi khrushchevskoi «sverkhprohrammy» (sentiabr 1953 – nachalo 60-h hodov) [The virgin epic: development, acceptance and implementation of the first Khrushchev «overprogram» (September 1953 - the beginning of 60s)]. *Otechestvennaia istoriia – Domestic history, Vol. 4*, 109–122 [in Russian].
- 10 Vert, N. (1992). *Istoriia sovetskogo gosudarstva. 1900 – 1991 hh. [The history of Soviet state. 1900–1991]*. Moscow [in Russian].
- 11 Muhitdinov, N.A. (1994). *Hody, provedennye v Kremlе [Years carried out in Kremlin]*. Tashkent [in Russian].
- 12 Chuev, F. (2001). *140 besed s Molotovym [140 conversations with Molotov]*. Moscow [in Russian].
- 13 Shepilov, D.T. (2017). *Neprimknuvshii. Vospominaniia [Is Unadjoining. Reminiscences]*. Moscow: Centrpolihraf [in Russian].
- 14 RGANI. F.52. Op.1. D.247. L.1 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 15 Hrushchev, N.S. (2016). Vospominaniia. Vremia. Liudi. Vlast. V 2 knihakh. Knia 1 [Reminiscences. Time. People. Authority. In 2 books. Book 1]. Moscow: Veche [in Russian].
- 16 RGANI. F.5. Op.30. D.64. L.15 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 17 Shayahmetov, Zh.Sh. (2017). Kazakhstanskaia Entsiklopediia [Kazakstani encyclopedia]. *ru.encyclopedia.kz*. Retrieved from: <http://ru.encyclopedia.kz/index>.
- 18 Akkozina, M.A. (2008). *Vernut iz zabvenii: pravdivaia istoriia o Zhumabae Shaiakhmetove, pervom kazakhe, vozhlavivshem respubliku [To return from oblivion: faithful history of Zhumabae Shayakhmetov, the first Kazakh who came to the head of republic]*. Almaty [in Russian].
- 19 RGANI. F.5. Op.30. D.64. L.140 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 20 Hrushchev, S.N. (2016). *Reformator [Reformer]*. Moscow: Veche [in Russian].
- 21 Ocherki istorii Kommunisticheskoi partii Kazakhstana (1963) [The sketches of the history of Communist party of Kazakstan]. Alma-Ata [in Russian].
- 22 KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh sezdov, konferentsii i plenumov (1985) [CPSU in resolutions and the decisions of congresses, conferences and plenums]. (Vol. 8). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 23 RGASPI. F.625. Op.1. D. 99. L. 499-500 [Russian state archive of sociopolitical history] [in Russian].
- 24 Hrushev, N.S. (1962). Stroitelstvo kommunizma v SSSR i razvitiе selskogo khoziaistva [Construction of the communism in USSR and development of agriculture]. (Vol. 1). Moscow: Hopolitizdat [in Russian].
- 25 XX sezd KPSS i ego istoricheskie realii (1991) [XX the congress of the CPSU and his historical facts]. Moscow [in Russian].
- 26 Kunaev, D. (2011). *O moem vremeni [Of my of the time]*. Almaty [in Russian].

- 27 Hrushev, N.S. (1961). Povysheenie blagosostoianii naroda i zadachi dalneisheho uvelicheniia proizvodstva selskokhoziaistvennykh produktov [Increase of well-being of the people and the task of further increase of production of rural products]. Moscow [in Russian].
- 28 Narodnoe khoziaistvo Kazakhskoi SSR (1957) [National economy of Kazak SSR]. Almaty: Kazhosizdat [in Russian].
- 29 RGANI. F.5. Op.45. D.71. L.83 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 30 Nikonov, A.A. (1995). Spiral mnohovekovoi dramy: ahrarnaia nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.) [The spiral of centuries-old drama: agrarian science and Russia politics (XVIII–XX)]. Moscow: Entsiklopediia rossiiskikh dereven [in Russian].
- 31 RGASPI. F.17. Op.89. D.225. L.7 [Russian state archive of sociopolitical history]. [in Russian].
- 32 RGANI. F.5. Op.45. D.94. L.89 [Russian State Archive of the Contemporary History]. [in Russian].
- 33 Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana v 1960 i 1961 hh. (1963) [National economy of Kazakstan in 1960 and 1961]. Alma-Ata [in Russian].
- 34 Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana v 1971 h. (1972) [National economy of Kazakstan in 1971]. Alma-Ata [in Russian].
- 35 Masanov, N.E., Abylhozhin, Zh.B., Erofeeva, I.V., & Alekseenko, A.N. (2001). Istoriia Kazakhstana. Narody i kultury [History of Kazakstan. Peoples and cultures]. Amaty [in Russian].
- 36 Zharkenova, A.M. (2015). Industrialny i tselinny faktory v izmenenii chislennosti naseleniia Severnogo Kazakhstana [Industrial and virgin factors in change of the population of Northern Kazakstan]. *Vestnik KazNPU – Bulletin of KazNPU, Vol. 2(45)*, 9–15 [in Russian].
- 37 Kozina, V.V. (2007). *Demograficheskaia istoriia Kazakhstana [Demography History of Kazakstan]*. Karaganda: Izdatelstvo KarHU [in Russian].
- 38 Kozlov, V.A., & Avgozina, G.K. (2017). Mezhnatsionalnye braki v Kazakhstane: otsenka predpochtenii s pomoschiu matritsy mezhetnicheskikh rasstoianii [Interethnic defects in Kazakstan: the evaluation of preferences with the aid of the matrix of interethnic distances]. *demoscope.ru*. Retrieved from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php> [in Russian].
- 39 Problemy Severnogo Kazakhstana i stepnykh raionov Zapadnoi Sibiri, Materialy vvezdnoi sessii VASHNIL [The problems of Northern Kazakstan and steppe areas of Western Siberia, Materials of ambulatory session of the All-Union academy of rural sciences of the name of Lenin]. Tselinograd, 31 yanvaria – 4 fevralia 1966 [in Russian].
- 40 AP RK. F. 708. Op. 31. D. 126. L. 92 [The archive of President of the Republic Kazakstan].
- 41 Shishova, L.L., Karmanov, I.I., & Durmanov, D.N. (1987). Kriterii i modeli plodorodiia pochv [Criteria and the models of the soils fertility]. Moscow [in Russian].
- 42 Borovskiy, V.M., & Uspanov, U.U. (1970). Pochvy Kazakhstana i puti ikh narodno-hoziaistvennogo ispolzovaniia [The soil of Kazakstan and the way of their national-economic use]. Alma-Ata [in Russian].
- 43 Ospanov, B.S. (2004). Zemleustroistvo Respubliki Kazakhstan — istoriia i sovremennost [Republic land management Kazakstan is history and present state]. Development of virgin and arable lands: history and present state: *nauchno-teoreticheskaia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel (4-6 dekabria) – Scientific-theoretical conference devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands*. (pp. 17–23). Almaty [in Russian].
- 44 Lester Braun (1989). Predotvrashchenie erozii pochvy [Prevention of the soil erosion]. *Mir vosmidesiatykh hodov – The world of eightieth years*. Moscow [in Russian].
- 45 Eleshev, R.E. (2004). Sovremennoe sostoianie pakhotnykh zemel i puti vosproizvodstva ikh plodorodiia [State of the art of arable lands and the ways of reproduction of their fertility]. Development of virgin and arable lands: history and present state: *nauchno-teoreticheskaia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel (4-6 dekabria) – Scientific-theoretical conference devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands*. (pp. 97–101). Almaty [in Russian].
- 46 Lemeshev, M.Ya. (1988). Effektivnost intensivatsii selskogo khoziaistva: opyt SSSR i SShA [Efficiency of the intensification of agriculture: experience of USSR and USA]. *Sorevnovanie dnukh sistem: sovremennoe sostoianie, faktory, perspektivy – Competition of two systems: state of the art, factors, perspectives*. Moscow [in Russian].
- 47 Zolotarev, P.T., Zolotarev, S.P., & Zolotareva, N.P. (1990). O prichine zasukhi i putiakh ee preodoleniia [Of the reason of the drought and the ways of her overcoming]. *Zemledelie – Agriculture, Vol. 3*, 14–25 [in Russian].
- 48 AP RK. F.708. Op. 1. D.1295. L. 19 [The archive of President of the Republic Kazakstan].
- 49 Baishev, S.B. (1981). *Voprosy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sovetskogo Kazakhstana [The questions of socio economic development of Soviet Kazakstan]*. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 50 Dinamika posevnykh ploshchadei, urozhainosti, valovykh sborov po Kazakhskoi SSR (1989) [Dynamics of areas under crops, productivities, gross collections to Kazak CCP]. Alma-Ata [in Russian].
- 51 AP RK. F.708. Op.44. D.170. L.54 [The archive of President of the Republic Kazakstan]. [in Russian].
- 52 *Pravda- True*. (1962). 14 iiunia [in Russian].
- 53 *Kazakhstanskaia pravda [Kazakstaniian true]*. (1969, 25 dekabria). [in Russian].
- 54 Kolodin, F.I. (1971). *Torzhestvo leninskogo plana sotsialisticheskogo preobrazovaniia selskogo khoziaistva Kazakhstana [The victory of lenin plan of socialist transformation of agriculture of Kazakstan]*. Alma-Ata [in Russian].
- 55 AP RK. F. 708. Op.44. D. 170. L. 56 [The archive of President of the Republic Kazakstan]. [in Russian].
- 56 AP RK. F.708, Op.44, D.170, L.64 [The archive of President of the Republic Kazakstan]. [in Russian].
- 57 AP RK. F.708, Op.42, D.222, L.63; Op.44, D.170, L.68 [The archive of President of the Republic Kazakstan]. [in Russian].
- 58 AP RK. F.708, Op.42, D.222, L.119 [The archive of President of the Republic Kazakstan]. [in Russian].
- 59 Kaliev, G.A. (2004). Osvoenie tseliny i ee sotsialno-ekonomicheskie posledstviia [Development of the virgin soil and her socially-economic consequences]. Development of virgin and arable lands: history and present state: *nauchno-teoreticheskaia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel (4-6 dekabria) – Scientific-theoretical conference devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands*. (pp. 24–31). Almaty [in Russian].
- 60 SSSR i zarubezhnye strany. 1988 h. (1990) [USSR and foreign countries]. Moscow [in Russian].

61 *Arhumenty i fakty – Arguments and facts.* (1989, Vol. 24). Moscow [in Russian].

62 Nazarbaev, N.A. (2004). Podniataia tselina — simvol družby i sozidaniia. Doklad na torzhestvennom zasedanii, posviashchennom 50-letiiu osvoeniia tselinnykh i zaleznykh zemel [Newly plowed virgin soil is the symbol of friendship and creation. Report on ceremonial meeting devoted to the 50-anniversary of development of virgin and laylands]. *Kazakhstanskaia pravda – Kazakstania true*, 7 fevralia [in Russian].

63 AP RK. F. 708. Op. 139. D. 2533. L. 3 [The archive of President of the Republic Kazakhstan]. [in Russian].

64 Osvoenie tseliny: blaho ili zlo dlia Kazakhstana? [Virgin soil development: blessing or evil for Kazakstan?]. *total.kz*. Retrieved from https://total.kz/ru/news/vnutrennyaya_politika/osvoenie_tselini_blago [in Russian].

Д.К. Кусбеков

*Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті, Қазақстан
(E-mail: dumandoc@mail.ru)*

Діннің заманауи интеграциясы

Мақала заманауи интеграциялық процестегі діннің әлеуметтік-философиялық функциясына арналған. Жаһандық интеграция, заманауи технологиялардың дамуы, адамзаттың дүниетанымдық ұстанымдарының өзгеруі діннің қоғамда алатын орнын тұрақсыз етті. Дін ұзақ уақыт бойы танымдық қызметті атқарып келді. Сондықтан адамзат үшін ерекше мәнге ие болған. Бірақ болмыстың аксиологиялық мәні күйзелістік жағдайда болғандықтан, дінге деген сенім күрт төмендеп кетті. Рухани құндылықтардың құлдырауы адамзаттың ішкі рухани дүниесінің құнсыздануына алып келді. Қоғамда секуляризациялық процесс басталды. Секуляризация діни-экстремистік ағымдардың қайнар көзі деген пікір айтыла бастады. Мақала авторы тек бір ғана фактор екенін баса айта отырып, басқа да себептерін жан-жақты қарастырды. Террористік ұйымдар көздеген мақсаттарына жету жолында экстремистік көзқарастардың кеңінен таралуына барлық жағдай жасайды. Рухани күйзеліске тап болған қоғамда бұл процесс тез орынын табады. Сол себепті осы феноменмен күресу жолдары да талқыланады. Әлемде болып жатқан интеграциялық процестер еліміздің барлық салаларын қамтып отыр. Соның ішінде дінге де қатысты интеграциялық процестер бар. Қоғамда дінге деген жаңа көзқарас жаңа құндылықтарды тудырады. Діни нормаларды сакралдандыру тұлғаға да әсер етеді. Мақалада заманауи қоғамның рухани өмірінің айырықша ерекшелігі дүниеге деген көзқарастық плюрализм туралы айтылды. Діни плюрализм интеграция процесінде жиі кездесетін құбылыс. Осыған орай, монистік немесе дуалистік көзқарасқа қарағанда, плюралистік көзқарас ақиқатқа жақын.

Кілт сөздер: дін, дінтану, философия, интеграция, құқық, сана, секуляризация, экстремизм, терроризм.

Көптеген зерттеулер діннің әлеуметтік функциялары мәселесіне арналған. Дәстүрлі қоғамда дін әлеуметтік интеграция және тұрақтылық, рухани құндылықтарды жоғарлату, болжам жасаумен сәйкестендіру функциясын атқарады. Интегративтік функция діннің қандай да бір адамдар тобын, идеялар кешенінің айналасын біріктіру қабілетінде көрінеді. П.Бермердің пікірінше, «діни институттар — осы қоғамның барлық мүшелерін «жалпы бір мағынаға» біріктірген әлем» деп айта кеткен [1; 139]. Діни жүйе қоғам мүшелеріне немесе топқа осы қоршаған әлемде өз орнын, атқаратын рөлі мен мәнін табуға мүмкіндік береді. Алайда белгілі бір жалпылықты біріктіре және топтастыра отырып, дін, бір жағынан, оны басқа діни ағымдарға қарсы қояды (православияны — иудейлерге, мұсылмандарға, буддисттерге және т.б.). Осылайша, дін кейде бөліп тастау факторы ретінде көрінеді, дінаралық тұрақсыздық осыдан келіп туындайды. Осылайша тұрақсыздық факторы, әлеуметтік және саяси дағдарыс жағдайларына алып келеді. Көпұлтты мемлекеттерде интеграция мен дамуға нақты осы жоғарыда келтірілген аспекті кедергі жасайды.

Діни интеграцияның өз функциясын іске асыру мүмкіндіктері заманауи секуляризацияланған қоғамда, діни функциялардың әрекет ету ортасы қатты шектелгендігіне байланысты. Мысалға, барлық әлеуметтік институттар зайырлы болып табылатын Қазақстанда діни құндылықтар негізінде шынайы интеграция тек кіші топтар деңгейінде болмақ, мысалы, отбасы немесе топтардың белгілі бір кешенінде ғана мүмкін болады. Қазақстан көпұлтты және көпконфессиялы мемлекет екенін ескерсек, қандай да бір діннің негізінде қоғамның интеграциясының белсенділігі төмен болып

табылатындығын байқауға болады. Әрине, ол мемлекеттің беделіне нұсқан келтірмейді, бірақ діни интеграция төңірегінде кері әсерін тигізуі мүмкін.

«Дін дегеніміз – құдайға сенетін адамдарды моральдік қауымдастыққа біріктіретін, тылсым да қасиетті дүниелермен байланысты нанымдар мен тәжірибе жүйесі» (Durkheim [1915], 1961:62 [2; 347]). Сондықтан тұрақтылық пен интеграция функциясының басқа қыры *реттеуші функциясы* болып табылады. Дін бұйрық немесе нұсқама, нормалар және талаптар арқылы мінез-құлықтың түрін анықтайды, адамгершілік құндылықтарының бірыңғай жүйесін белгілейді. Алайда егер өткен, дәстүрлі қоғамда құқықтық, экономикалық және білім беру институттары мешіттер мен шіркеулердің қатты әсерінде болса, ал дін әр адамның жеке ісі болып табылған заманауи әлемде оның реттеуші аспекті жалпы қоғам емес, тек индивидтің және кішігірім әлеуметтік топтардың деңгейінде жүзеге асырылады. Бұл діни институттың қоғамдық қатынастарды реттеуші ретінде тиімділігі мен мәнін төмендетеді деген пікір бар.

Қоғамның нормалары мен құндылықтарын сакралдандыру, яғни қасиеттілік сипат беру жолымен дін өзінің тұрақтануына да ықпал етеді. Дәстүрлі қоғамда «дәстүрлі қоғам» деп діни институт ұжымдық және жеке өмірдің нормалары мен құндылықтарын анықтау, қадағалау және шешім қабылдау бойынша монополист болатын қоғамды айтады. Алайда саяси, құқықтық, экономикалық, әлеуметтік институттар зайырлы болғаннан бастап, қоғамда діннің әдет-ғұрыптық құндылығы бәсеңдеді. Бірақ, жалпы құндылығын жоғалтқан жоқ. Дін таным ретінде мәнін жойды (ғылыми тұрғыдан), ал кіші топтар арасында әлеуметтік рөлін сақтап қалды. Заманауи қоғамда жоғарыда аталған функцияны, діни экстремистік ұйымдар жеке тұлға және кіші әлеуметтік топ деңгейінде іске асыра бастайтындай жағдай туындайды.

Сонымен, дін әлеуметтік институт ретінде социумда діни нормалар мен құндылықтарды тұрақтандыру, интеграциялау және салттандыру қызметін атқаруы мүмкін. Қоғамның басқа әлеуметтік институттарға сенімі төмендеген жағдайда, бұл функция өзекті бола бастайды. Алайда қоғам қаншалық заманауи сипатқа ие болса, ол соншалықты діннің әсерінен еркін және де дін өзінің функциясын үлкен әлеуметтік топтар мен қоғамда тиімді орындайды.

Діни тұрғыдан сакралдандыру деген — қоғамның нормалары мен құндылықтарына қасиетті сипат беру процесі, мысалы, олардың шығу көзіне құдайылық, сол арқылы қасиеттілік мәнін беру арқылы оның құндылығын жоғарлатуға тырысады. Заманауи қоғамда бұл процесс басқа көрініс тапты. Осы мәселені дұрыс түсіну үшін секуляризация процесіне тереңірек тоқталып кету қажет.

«Секуляризация» термині екіжақты қарастырылады: біріншіден, бұл өмірдің әртүрлі салаларының шіркеу мен діннің әсерінен азат болуы, ал, екіншіден, ол о, дүние бар дегенге сенімнің бұзылуы. Бірінші мәні әлеуметтік деңгейде болып жатқан процестерге қатысты. Осы жағдайда секуляризация процесінің нәтижесі діннің әсер ету аясының тарылуына байланысты, әлеуметтік топтар, қоғамдық ұйымдар, жеке адамдардың көпшілігінің осындай көзқарастардан бастартуы. Екіншіден, сана деңгейінде дінде болып жатқан процестерді түсіндіреді. Бұл жағдайда секуляризацияның нәтижесі дінге, нақтырақ айтқанда, әлемнің дәстүрлі діни суреттемесінің шынайылығына деген сенімнің дағдарысына алып келеді. Секуляризацияның әсеріне (осы терминнің екінші мағынасында), ең алдымен, дәстүрлі конфессиялар ұсынған тылсым (латентті) концепциясы ұшырайды. Заманауи ғылыми жаңалықтар православиелік, католиктік, ислам, иудаистік, буддистік діндер ғасырлар бойы жасалып, қолдаған әлем суретінің сипаттамаларын бұзады. Дәстүрлі конфессиялар ұсынатын көзқарастар, тұжырымдамалар заманауи адамдарға түсініксіз әрі дәлелсіз, шынайы дүниеден алшақ болып көрінеді. Секуляризация дәстүрлі діни институттарға сенімді бұзды, бірақ ол адам мен қоғамның өзін-өзі тануға, тұрақтылыққа, құндылықтарды бағалайтын интеграцияға қажеттілігінен айырылған жоқ. Бұл тұрғыдан дін, әлі де болса, өзінің функционалдық өзектілігін жойған жоқ.

Секуляризация процесі өздігінен әртүрлі экстремистік діни ұйымдардың, соның ішінде лаңкестік ұйымдардың пайда болуы мен таралуына алғышарт және дәстүрлі конфессиялар ұсынып отырған тұжырымдамаларында сенімнің жойылуы, болып жатқан процестерге деген қанағаттандырылмағандық жаңа экстремистік бірлестіктердің пайда болуына алып келеді.

Осылайша, қоғамның секуляризациясы, заманауи қоғам үшін дәстүрлі болған конфессиялар ұсынған діни доктриналарға сенімнің дағдарысы, мемлекет аумағында көптеген жаңа діни ұйымдардың, соның ішінде экстремистік бағыттағы ұйымдардың туындауы мен таралуына алғышарт болуы мүмкін деген тұжырым жасауға болады. Алайда экстремистік ағымдардың пайда болуының бір ғана себебі екенін ескерген жөн. Секуляризация қоғамға тек қана жат (кері)

процестерді алып келеді деген ой туындамауы керек. Бұл процесс қоғамға оң (тиімді) жағдайларды алып келетіні сөзсіз. Осы жерде біз дінге қатысты процестерді алып отырмыз.

Қоғамның секуляризациясы және дүниеге деген көзқарастардың белсенді түрде өзгеруі дәстүрлі конфессиялар үшін күрт өзгерістер алып келді. Олар таңдау үстінде қалды: біріншіден, бар жағдайға бейімделу қажеттілігі, екіншіден, қатысушылардың сенімін жоғалтуға тәуекел ете отырып, қызмет етудің ескі үлгілерін ұстану. Әрине, бірінші де және екінші де жағдай оларды қанағаттандырмады және әлі күнге дейін шешімін таба алмай жүрген мәселе.

Қатынастың әлеуметтік алғышарттары ретінде (діни тұрғыдан алғанда), дәстүрлі діни институттарға сенімнің төмендеуі, әлемнің болмысы туралы айқын емес және жалпылама түсінігі, тұжырымдамаларының заманауи сұраныстарға сай келмейтін ұстанымдарының болуы. Сондықтан қандай да бір шешімнің тиімді тәсілдерін ұсынатын және әлемнің болмысы туралы сұрақтарға нақты әрі анық жауап беруге тырысатын діни секталарға жоғары қызығушылықтың пайда болуына алып келеді. Осылайша, діни экстремизмнің келесі арнайы рухани факторларын бөліп қарастыруға болады:

- жалпы дінге деген қызығушылықтың артуы;
- діннің әлеуметтік интеграциясы және тұрақтылық функциялары;
- рухани құндылықтарды сакралдандыру;
- дәстүрлі діни институттарға және олардың ұсынатын концепциясына деген сенімнің төмендеуі;
- дәстүрлі діни институттардың енжарлығы немесе белсенділігінің жоқтығы;
- қоғамдық өмірді жандандыру және дінге қатысты заңнаманы жетілдіру.

Осылай «қоғам діннің көмегімен өзін материалдық емес, әлеуметтік фактінің формасында көрсетеді» [3; 23].

«Хизбут-Тахрир аль-Ислами» (Ислам азаттық партиясы) террористік ұйымының өкілдері Құранның мәтінін талғамалы талдай отырып, көптеген мемлекеттер аумағында, соның ішінде Қазақстан Республикасының аумағында, мемлекеттік құрылымды ауыстыру және бірыңғай Халифатты қалпына келтіру, басқа да мұсылмандық емес көзқарастарды түптамырымен жою қажеттілігі туралы идеяларды насихаттайды, адасушылармен физикалық күреске шақырады, жоғарыда аталған мақсаттарға жету үшін «халқтар» деп аталатын жасырын ұяшықтар ұйымдастырады, сондай-ақ жақтастар жинайды.

Кейбір ұйымдар қайырымдылық әрекетін жамыла отырып, республиканың оңтүстік аймақтарында ислам мемлекеттерінің бірқатарында тыйым салынған ислам қағидаларын басқаша талқылаумен таратып жатқаны белгілі. Ондай ұйымдар жастарды өз қатарына тартуға тырысады. Жастар психологиялық жағынан ортаға тез арада ыңғайланады. Ашушаң болып келеді. Әрине, осындай ерекшеліктерді пайдалану экстремистік ұйымдар үшін қолайлы. Жоғарыда аталған әрекеттерді болдырмау үшін, психологияда «катарсис» деген технологияны қолданады. Зерттеуші Энн Ландерстің пікірінше, «жастарға бойдағы ашу-ызаны шығаруды үйрету керек» (Landers, 1969). «Адам кектеніп, ызаланады делік. Ендеше, біз оған мұндай жағдайдан шығудың жолдарын көрсетуіміз керек. Сондай мінез-құлық танытқан адамдарға ашуы басылғанша мүмкіндік беруі керек», — дейді психиатр Фринц Перлз (1973)» [4; 356].

Соңғы онжылдықта діни-саяси экстремизм жай ғана діни экстремизм емес, жаңа бірыңғай Халифатты құру мақсатымен конституция құрылымы, мемлекеттік құрылым негіздерін, құқықтық жүйені күштеп өзгерту мүмкіндігіне негізделетін, сонымен қатар діни идеологияны жүзеге асыру бойынша саяси экстремизм кеңінен таратуға тырысады.

Экстремистік ұйымдардың қызметінің негізгі бағыттарының бірі өзінің идеяларын дәріптеу, тарату және насихаттау, оларды қоғамдық қолдауды қалыптастыру, жанашырлар тобын құру болып табылады. Осыған байланысты экстремистік материалдарды таратумен күрес ерекше өзектілікке ие.

Шамамен 5 миллиард адам тұрақты қолданушысы болып табылатын Интернетте экстремизм туралы ақпараттар жаңа жаһандық мәселелер тудыратын жағдайға жетті. Экстремистік ұйымдар өз идеяларын насихаттау және жаңа серіктестерді тарту үшін мінбе ретінде компьютерлік желілерді пайдаланады. Мысал ретінде «Таблиғи Жамаат» сайты айтуға болады, онда мемлекеттердің конституциялық құрылымын өзгерту және бүтіндігін бұзуға шақыратын ақпараттардан тұратын топтардың бағдарламалық құжаттары енгізілген. Сондықтан жастар мен Интернет желілерін тұрақты пайдаланушыларды қорғайтын механизмдерді қарастыру қажеттілігі пайда болды.

Салыстырмалы заңнама институтының (Швейцария) мамандары көрсеткендей, Интернет кез келген идеологияны бүкіл әлемге «оңай, қауіпсіз, арзан және сынақ-пікірсіз» таратуға мүмкіндік береді, бұл өзінің мүшелерін зорлық-зомбылық актілерін жасауға жігерлендіретін бірыңғай экстремистік көзқарастағы қоғамның қалыптасуына ықпал етеді. Бейнематериалдарды компьютерлік желіде көрсету және электронды басылымдар құру мүмкіндігінде экстремистік топтар өзінің әрекетін танытуда кеңінен пайдаланады. 2005 жылы күзде Аль-Каида Интернет желісі арқылы жаңалық бағдарламасын тарата бастады, онда жаппай «жиһад» жасау жоспары және «адасқандармен» күресте қолжеткізген жетістіктер туралы айтылады. Экстремистік топтар Интернетті өз әрекетін қаржыландыру үшін пайдаланады.

Сондықтан компьютерлік желілер ақырындап «соғыс алаңына» айналып бара жатыр. 2003 жылдан бастап киберкеңістікте «Интифада» жүріп жатыр. Ал жуырда «Хамас» ислам әскери тобы еврейлерге тән немесе Израильдің саясатын қолдаушы сайттарға «сандық жиһадты» жариялады және Ғаламторда «электронды бүлік» шығаруға шақырды. Мамандар кибертерроризм туралы сөз айта бастады. Жаңа қатердің кеңінен етек алып бара жатқандығын бағалау және осы мәселе шектен тыс ауытқып бара жатқандығын, оның шынайылығын көптеген сарапшылар мойындайды. Бүкіләлемдік компьютерлік желімен ұсынылатын шынайы уақыт тәртібінде көрсетілетін хабарламалар мен ақпараттарды алмасу үшін бар мүмкіндіктерді экстремистік топтар өз әрекеттерін ұйымдастыру үшін белсенді қолданады.

Экстремистік әрекетке, оның ішінде материалдық-техникалық база және байланыстың басқа да түрлерін жеткізу жолымен көмектесу экстремизм формасының бірі болып табылады. Сондай-ақ осындай қызметті жүзеге асыратын кез келген ұйым сот шешімі бойынша шектелуі керек.

Көптеген жағдайларда экстремистік әрекеттің ұйымдастырылған формалары үшін жауапкершілікті қарастыратын нормаларды діни ұйымдарға қатысты қолдану мүмкін емес. Қалыптасқан жағдайдан шығу жолы ұлттық деңгейде және мемлекетаралық деңгейде экстремизмнің әртүрлі формалары және түрлерімен күресу стратегиясын қалыптастыруда мүмкін болмақ.

Қоғамға жаппай қауіптің төнуі мен діни экстремизмнің таралуы — ХХ ғасырдың соңында көптеген мемлекеттердің аумағында пайда болған тенденция. Сондықтан осы проблеманы шешу төңірегінде, біріншіден, қандай да болмасын жағдайларға байланысты адамды кемсітуге жол бермеу (нәсілдік тиістілік, жыныс, ұлт, діни сенім және т.б.), екіншіден, қызметтің әртүрлі салаларында азаматтардың құқықтарын жүзеге асыру мүмкіндіктерін қарастыру (еңбек, білім, әлеуметтік қамтамасыздандыру, еңбек ақы, демалыс және т.б.), үшіншіден, экстремизмнен келіп шығатын құбылыстарға жол бермеу үлгілерін қалыптастыру (терроризм, геноцид, апартеид және т.б.).

Заманауи қоғамның рухани өмірінің айырықша ерекшелігі дүниеге деген *көзқарастық плюрализм* болып табылады, ол мемлекет аумағындағы ешбір дәстүрлі кофессияның тұжырымдамасына сәйкес келмейді. Әлемнің бейнесін түсіндіру, рухани құндылықтарға қасиетті көрініс беру және т.б. мәселелер төңірегінде біржақтылық жоқ екендігін байқауға болады. Қандай да діни бірлестіктің қызметінде болу оған белсенді түрде қатысу адамның тууа біткен міндеті емес, әр кәмелет жасқа толған жеке тұлғаның өз шешімінің нәтижесі болып табылады.

Дәстүрлі діннің заманауи сұраныстар жағдайларында нәтижелі қызмет көрсету үшін, қоршаған ортамен өзара әрекет етудің механизмін қайта қарау керек. П.Бергердің пікірі бойынша, діни плюрализм жағдайында дәстүрлі дінді өзгеріссіз түрде сақтап қалу үшін, ең алдымен, қоршаған орта, әлемнің бейнесі мен оның мәселелерін заманауи адам үшін бұлыңғыр және түсініксіз түсіндіру дұрыс емес. Осыдан қасиетті кітаптарды талқылау, олардың мазмұнын түсіндіру, сенімнің негізгі парыздарын талқылау және аллегориялық, адами ұғымдарды жалпылу арқылы «аудару», доктриналарды аңыздандыруға, оны шынайы өмірге жақындату, ескірген ұғымдар, нормалардан бастартуға қажеттілік туындайды. Діни тұжырымдамалардың әрқилылығына қарамастан адамдар өздерінің қасиеттендірілген санасына, яғни дүниетанымдық ұстанымына, байланысты және қажеттіліктерін қанағаттандыратын көзқарастарды таңдауы мүмкін.

«1950 жылдары Альфред Айер (1910–1991) сияқты логик-позитивистер «Құдайға сенудің мәні бар ма, жоқ па?» деген сұрақ қойды. Жаратылыстану ғылымдары – білімнің жалғыз сенімді көзі, өйткені оның нәтижелері тәжірибе жүзінде тексеруге болады. Айер Құдайдың бар не, жоқ екеніне емес, Құдай идеясының мәні бар жоқтығын сұрады» [5; 368]. Айер қазіргі қоғамда, яғни технологиялары дамыған және де дәлелдеуді талап ететін қоғамда, Құдай идеясы туралы сөз қозғау орынды ма, әлде орынсыз ба дегені. Жай қарапайым адамды діни догматтармен таң қалдыра алмайсың. Сондықтан дінге деген қатынасты өзгерту қажеттігіне сілтеме жасады.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Berger P. The social reality of religion / P. Berger. — Harmondsworth, 1967. — 233 p.
- 2 Бринкерхоф Д. Әлеуметтану негіздері / Д. Бринкерхоф, Р. Уейтс, С. Ортега. — 9-бас. — Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. — 464 б.
- 3 Рицер Д. Әлеуметтану теориясы / Д. Рицер, Д. Степнишки. — 10-бас. — Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. — 856 б.
- 4 Майерс Д. Әлеуметтік психология / Д. Майерс, Ж. Туенж. — 12-бас. — Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. — 648 б.
- 5 Иудаизм, христиандық пен исламдағы 4000 жылдық ізденіс: Құдайтану баяны. — Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. — 432 б.

Д.К. Кусбеков

Современная интеграция религии

В статье рассмотрены социально-философские функции религии в интеграционном процессе. Глобальная интеграция, развитие современной технологии, переосмысление духовно-нравственных ценностей делают религиозный феномен актуальным в современном обществе. Религия имела для человечества особое значение, поскольку долгое время выполняла мировоззренческую функцию. В настоящее время выделяются и осмысляются различные аспекты секуляризационных процессов, протекающих в обществе. Появилось мнение, что секуляризация есть источник экстремистских течений. В статье характеризуются особенности современного духовного состояния общества в контексте поиска путей борьбы с террористическими организациями, которые находят всевозможные пути для распространения экстремистских взглядов. Процесс интеграции народов и стран стал неотъемлемой частью современного мира, в том числе и в Казахстане. Интеграция носит поступательный и динамичный характер. Развитие интеграционных процессов относится и к религии, религиозным нормам и оказывает большое влияние на человека. Изменившаяся духовная ситуация в Казахстане ориентирует на целостное осмысление новой социальной действительности, предполагает переориентацию сознания, создавая новые ценностные ориентиры, способные консолидировать общество. Религиозный плюрализм — часто встречающееся явление в процессе интеграции. В сравнении с монистическим и дуалистическим мировоззрением отмечается очевидная близость к истине мировоззренческого плюрализма.

Ключевые слова: религия, религиоведение, философия, интеграция, секуляризация, экстремизм, терроризм.

D.K. Kusbekov

Modern integration of religion

The article deals with the socio-philosophical functions of religion in the integration process. Global integration, the development of modern technology, the rethinking of spiritual and moral values makes the religious phenomenon relevant in modern society. Religion had a special significance for mankind, since it had long fulfilled its worldview function. At the present time, various aspects of the secularization processes taking place in society are singled out and understood. There was an opinion that secularization is a source of extremist trends. The article describes the features of the modern spiritual state of society in the context of the search for ways to combat terrorist organizations that find all kinds of ways for spreading extremist views. The process of integration of peoples and countries has become an integral part of the modern world, including in Kazakhstan integration is progressive and dynamic. The development of integration processes refers to religion, religious norms and has a great influence on a person. The changed spiritual situation in Kazakhstan focuses on a holistic understanding of the new reality, suggests a reorientation of consciousness, creating new value points that can consolidate society. Religious pluralism is often a phenomenon in the process of integration. In comparison with the monistic and dualistic outlook, there is an obvious closeness to the truth of ideological pluralism.

Keywords: religion, religion studies, philosophy, integration, secularization, extremism, terrorism.

References

- 1 Berger, P. (1967). *The social reality of religion*. Harmondsworth.
- 2 Brinkerhof, D., Ueits, R., & Ortega, S. (2018). *Aleumettanu nehizderi [Basics of sociology]*. Almaty: «Ulttik audarma burosy» kohanamdyk kory [in Kazakh].
- 3 Ritser, D., & Stepnitski, D. (2018). *Aleumettanu teoriiasy [Theory of sociology]*. Almaty: «Ulttik audarma burosy» kohanamdyk kory [in Kazakh].
- 4 Maiers, D., Tuenzh, Zh. (2018). *Aleumettik psikholojiia [Social psychology]*. Almaty: «Ulttik audarma burosy» kohanamdyk kory [in Kazakh].
- 5 Iudaizm, khristiandik pen islamdaly 4000 zhildik izdenis: Kudaitanu baiany (2018) [Judaism, 4000-year search in Christianity and Islam: theology]. Almaty: «Ulttik audarma burosy» kohanamdyk kory [in Kazakh].

D.K. Kusbekov

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: dumandoc@mail.ru)*

The Great Silk road's culture heritage as a factor of the modern cultures dialogue

The article deals with the problems of theoretical and practical development of the cultural heritage of the Great Silk Road. Interest in this cultural and historical phenomenon is due to the fact that the peoples of different countries are trying to understand the sources of their spirituality, their national involvement in world culture. The article gives a philosophical analysis of the main trends of scientific and public interest in the Great Silk Road, the idea of its revival as an important factor in the interaction and dialogue of different cultures. The author notes that the process of globalization is associated with both positive and negative consequences. The author, while fully characterizing the issue raised, points out that integration processes are one side of globalization, and the processes of «national disintegration» that destroys the cultural, political and economic components of the life of society are the reverse side. It is noted the need to counter terrorist and extremist crimes, the basis of which is the manipulation of consciousness as an individual, and society as a whole. The article notes the importance of striving for harmonization of relations, for establishing a dialogue, for reducing conflict as an alternative viable strategy. Theoretically, the problem of interpretation of the national problems in the ethical and normative aspect remains significant and actual in practice. Understanding the key issues of intercultural interaction and finding resources to optimize these aspects is an important issue of the present and the future.

Keywords: culture philosophy, cultural heritage, cultural identity, dialogue of cultures, interethnic communication.

The Great Silk Road through the whole history of its existence has convincingly shown how much humanity can achieve if it does not aim to conquer and enslave one people to another, but through joint efforts in the dialogue of cultures it establishes the links of peaceful cooperation and mutual understanding.

Of course, the problems of developing mutual understanding and consent between different peoples have always existed, but now, in the twenty-first century, they are more acute than ever. The reason for this situation is the expansion and complication of the modern multipolar world, which has reached the stage of development when the problem that has arisen in one region inevitably responds in other regions, when the difficulties and contradictions of the local scale grow into difficulties and contradictions global, placing the world on the verge of a catastrophe. At the same time, certain ethnic and national cultures entered into a diverse and contradictory interaction that could turn into both a wealth of development and a loss of their uniqueness and identity.

In the process of dialogue and the integration of cultures, all spheres of culture are actively involved and simultaneously covered by this dialogue. A.N. Nysanbaev points to the next series of stages of mutually enriching integration of cultures. «The original community (unity) of the human race is replaced by the differentiation of cultures, ethnos, types of relations to the world; then, especially in the modern multipolar world, there is a search for ways of mutual understanding and mutual agreement; thus entering into a dialogue, and in it - a real knowledge and understanding of another culture. In this process, there is a mutual exchange of values necessary for the life and development of the contacting cultures, and, therefore, on this basis, a one-by-one humanity, a truly equal human brotherhood, is formed» [1; 5, 6].

To achieve this kind of goal, on which, of course, the future of mankind depends, it is necessary that the dialogue itself be built taking into account the mandatory conditions leading to understanding and agreement. The first such condition is the mutual trust of the parties entering into the dialogue. Through trust and openness, knowledge of each other is further realized and, as a consequence, there is mutual interest and mutual respect, since any culture has in its composition values that can not cause no interest and respect. Then, in its end, the dialogue organically grows into a close and mutually beneficial cooperation in achieving certain common goals.

It is in the course of such dialogue that unity emerges, understood either as the unification or dissolution of one culture into another, or as their mutual absorption, and even as an artificial preservation of the existing cultural diversity, but as a co-creative link enriching all the interacting parties. And this is nothing else than the development of the diverse. After all, development can only be realized through creative mutual enrich-

ment, mutual influence of the diverse sides of the whole, otherwise the diversity will not develop, but disintegrate.

A.N. Nysanbaev notes that the sad events of recent years related to the approval of isolationist installations, the emergence of the requirements of a closed and immobile monoculture «lead to extreme and, in fact, agonizing forms of some kind of «originality by any means, by all means», i.e. to radicalism, extremism, terrorism, fanaticism». But such a culture deprives itself of vitality, for «culture in the exact sense of the word is an external, object-practical manifestation and embodiment of spirituality - the moral essence of man» [1; 7].

Today, a special culture of interethnic communication is needed more than ever, including the knowledge and implementation of generally accepted norms and rules at the international level that regulate the relations of representatives of different ethnic communities; observance of the established traditional international forms of interethnic communication. By forming such a culture, we become able to affirm in practice mutually agreed principles of conflict-free mutual understanding and cooperation in the course of interethnic cooperation, to resist national narrow-mindedness and closeness, national bias and hostility, national distrust and alienation, national egoism and ethnocentrism.

The main features and criteria for a high culture of interethnic communication are: the recognition and recognition of the priority of universal values over class and group values, the understanding of the need for harmonization of universal and national interests; the feeling of friendship between the peoples of the country of residence, the unity of the human family; care about the fate of the «small homeland», a great homeland, the whole planet Earth; understanding of the need to work for the good of your nation, the people of the country of residence, for the sake of preserving mankind; aspiration and promotion of the expansion of the interrelations of their nation with the peoples of the country of residence and the world; indissoluble and constant interest in culture, its people, the people of the country of residence, the world's democratic culture; knowledge of the native language, the language of the country of residence, the languages of other peoples; national modesty and concern for the dignity of their nation, the peoples of their countries of residence, of all mankind; deep respect for the national dignity of citizens of their nationality and any other, goodwill and tact in the relationship, and in the long term - the abandonment of the habit of distinguishing people according to their national and racial origins; correct understanding of nationalism as an exceptionally complex, ambiguous and contradictory phenomenon; intolerance to manifestations of chauvinism and racism, aspiration to master and enhance the culture of interethnic communication.

A person with a developed culture of interethnic communication has the skills of communication in a multinational work collective, the ability to use them in their practical activities; respectful attitude to the national dignity of other people, to national cultures, to progressive national traditions, to national customs; an irreconcilable attitude to manifestations of national selfishness and national vanity.

Dialogue of cultures just implies the exchange of cultural ideas, values and meanings that occurs between the two cultures. It is no coincidence that since 2003, on UNESCO's initiative, the World Day for Cultural Diversity for Dialogue and Development was celebrated on May 21 each year. Studying the people of their past is not only for the sake of curiosity, it should fuel modernity with historical experience, but the fact that each people brings their own color, only colors the world with brighter and deeper colors. Acquaintance with the culture of other peoples allows us to penetrate deeper into their worldview, to understand their history, way of life and thoughts. In the 21st century, when a lot of different cultures collide as equal subjects, the concept of intercultural dialogue is becoming more widespread and is seen as an important element in the formation of a new qualitative state of contemporary international relations. Dialogue of civilizations, according to Yu.G. Zinovskiy, in modern ideas is a kind of cultural exchange program, which is in the initial stage of acquaintance of partners in the international environment [2; 77]. The post-Soviet countries of the Central Asian and Caucasian regions, characterized by polyethnicity, the multi-confessionality of the population, the richness and originality of cultures of different peoples, making efforts for the revival of the Great Silk Road, on the one hand, assert the ideas of national identity, but at the same time are actively interacting with the external international environment, quite diverse in terms of its cultural, confessional, socio-economic characteristics.

Therefore, when at the beginning of the 21st century, mankind faced the need to seek new ways of cooperation or restore and develop those that, since antiquity, contributed to the dialogue of cultures, the comprehensive, integrated study and restoration of the Great Silk Road as a «path of dialogue» an urgent task.

For many centuries the Great Silk Road served as a rapprochement between different peoples, the exchange of ideas and knowledge, the mutual enrichment of languages and cultures. Of course, even in those

distant times there were political conflicts, wars broke out, but the Great Silk Road was invariably revived. The ineradicable desire for enrichment, for reasonable profit and higher prosperity, has always prevailed over political and religious confrontation. Therefore, when creating a model of future relations and cooperation of peoples, it is necessary to use such a convincing experience of the dialogue of cultures, rather than their confrontation.

Globalization, which has become one of the leading trends in modern world development, has an increasingly deeper impact on the economic, social, cultural and other spheres of human life. The main engine of globalization processes, rapidly integrating capital, technology, services and information, remains world trade. By linking all new countries, regions and entire continents into a single network, the global economy influences the nature, intensity, duration of bilateral and multilateral relations, forcing the interaction of states that were not partners before. The project of revival of the Great Silk Road, which provides for the creation of new opportunities for the development of trade relations between Asia and Europe, and the unification of the efforts of many countries at different levels of economic development and differing in their political order, corresponds to the tendencies of global development.

In 1998, the UNESCO international organization announced the launch of a ten-year project entitled «Integral study of the Silk Road - the way of dialogue». The project envisaged a broad and comprehensive study of the history of civilizations, the establishment of close cultural contacts between the East and the West, the improvement of relations between the numerous peoples inhabiting the Eurasian continent. The project indicated that the revival of the Great Silk Road is the resumption of the millennial dialogue of civilizations. The history of the Great Silk Road is a history of broad cultural interaction and mutual exchange between the peoples of the East and the West. It proves that only close cooperation and mutual enrichment of cultures are the foundation of peace and progress for all mankind. O. Suleimenov wrote: «If the» Great Silk Road «project provokes revival in the corresponding sciences, humanity can learn about itself a lot of new and interesting things that will help it in the creation of the future» [3].

The Great Silk Road is a special model of globalization, in which the processes of internationalization in all spheres of human activity were formed and the foundation for intensive cultural exchanges between peoples was laid. As noted by O. Suleimenov: «The Silk Road is the oldest and longest trade and cultural artery that connected the poles of the ancient world - the East and the West (the Ch'ing Empire and the Roman one) over the millennium is an interesting part of the history of Ancient Eurasia» [3].

Being a multi-ethnic and multi-confessional state, Kazakhstan is an example of harmonious and fruitful coexistence of representatives of different cultures and religions. Within the framework of the International Decade for the Rapprochement of Cultures (a proposal for its proclamation was made by the Permanent Delegation of Kazakhstan to UNESCO), a representative forum on the Great Silk Road was held in Almaty in October 2013, which gathered prominent experts from Kazakhstan, the CIS and foreign countries [4].

The purpose of this forum was to rethink the common cultural heritage of the Great Silk Road and its potential for deepening scientific, cultural and humanitarian cooperation within the framework of the International Decade for Rapprochement of Cultures.

Within the framework of the forum, the world's first integrated web portal was launched officially within the framework of UNESCO to create an open online data platform on the basis of materials from leading research institutions in the world in such areas as cultural dialogue and experience of peaceful interaction, a common, and documentary heritage of the Great Silk Road [5].

The information posted on this platform informs that the Great Silk Road as a trade highway, preserved to this day, has its roots in prehistoric times and unites people with completely different cultural traditions, religious beliefs and speaking different languages. The heritage of the Silk Road influenced the formation of the world in which we live today: languages, art, science, technology and spiritual beliefs. It is noted that the promotion of cultural diversity and the promotion of intercultural dialogue is the most effective way of building bridges between peoples, which contributes to peace. Today, with the support of more than 55 countries in Asia, Africa and Europe, UNESCO is reviving the Silk Road in the modern digital space for international cooperation, development and intercultural dialogue. UNESCO underscores the timeless significance and shows the powerful influence of trade routes, and actively encourages programs aimed at saving and developing the rich heritage of the Silk Road. As a single center of a comprehensive knowledge base, the platform will become a unique source of information, scientific knowledge and news about the Great Silk Road. In addition, UNESCO and its partners have combined the rich material and intangible heritage of historical routes, as well as a large number of photographs, video materials, best publications and research by scientists

from around the world. The amazing historical heritage of the Silk Road is an example of the mutual enrichment of cultures of different peoples.

The creation of active ties between peoples on the territory of the traditional Silk Road is the goal of the online platform. Thanks to the participation of the peoples living on the territory of the Silk Road, their active cultural interaction continues, as well as the sustainable development of creative industries, education and tourism.

Through constant interaction on the Silk Road, traditional craftsmanship, such as silk weaving, public rituals, such as the celebration of Nowruz, and sporting activities, such as the test of riding skills, have arisen. Their presence is still proof of the amazing history of the Silk Road with established traditions, which are transmitted from generation to generation for many centuries. Information provided by the online platform on traditions helps to understand the importance of bringing cultures and customs closer together to users living in and outside the traditional Silk Road (40 % of whom travel for cultural purposes). A rich World cultural and natural heritage, living traditions, museums and movable cultural values, folk art products and languages contributed to the enrichment of the territories through which the Silk Road passed. The uniqueness of this cultural heritage is the rapprochement of peoples in the process of exchanges on trade routes.

The «Silk Road» portal should create a unique platform for the global exchange of information on cultural development, and mainly contribute to the preservation of the cultural heritage of the Silk Road. First of all, this is the property of local people at the great historical crossroads of exchanges, the dialogue of cultures and sustainable development. The unshakable legacy of the Silk Road continues to play a key role in strengthening peace on Earth.

For modern Kazakhstan, the process of worldwide recognition and renewal of the Great Silk Road, which is far from being completed, is not only an opportunity to attract the potential of the international community to study and preserve unique monuments of history and culture on the Kazakh segment of the «Dialogue Roads», but also one of the ways of integrating the national culture into the world cultural space. The revitalized route should become a guiding thread for exchanging and promoting a vast heritage based on the skills and knowledge that scientists, pioneers and ordinary people gathered for hundreds of years. In our globalizing world, it undoubtedly stimulates a new round of development of the continent in all areas of international cooperation. The desire to revive the historical role of the Silk Road in the modern configuration according to the challenges of the third millennium lies at the heart of the project «The New Silk Road», put forward by the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev on May 22, 2012 at a meeting of the Council of Foreign Investors. According to N.A. Nazarbayev, Kazakhstan should become «a kind of bridge between Europe and Asia», thus reviving its «historical role» [6].

At present, the Kazakhstan section of the Silk Road route is a unique complex of monuments of history, archeology, architecture, urban and monumental art reflecting the deep processes of interaction of nomadic and sedentary-agricultural cultures of the peoples of Central Asia.

Accordingly, the program for the preservation and development of the cultural heritage of the Great Silk Road encompasses both the study and preservation of this national heritage, as well as the problems of the continuation of the spiritual heritage of the peoples of Kazakhstan, the revival of historical cities and other ethno-cultural centers of the Great Silk Road route, the use of their traditional buildings and landscapes for organization of tourism infrastructure.

In the chronological and culturological aspects, the historical heritage of the Silk Road consists of two global phenomena of civilization — the oldest layers of spiritual and material culture of the nomadic world that initiated the sacred path and migration processes on the territory of the Eurasian continent and the richest legacy of sedentary-agricultural cultures that formed the human habitat. The need to revive the ethno-cultural identification of the landscape, create conditions for the socio-economic development of the historical centers of the Great Silk Road and their inclusion in the international tourism system determines the following main goals and tasks of the state program of the Republic of Kazakhstan for the revival and development of the corresponding cultural heritage. December 10, 2014 in the capital of the Republic of Kazakhstan was the I-st International Cultural Forum of the Silk Road. Following the results of the Forum, representatives of the SCO member states adopted a joint document — «Astana consensus», designed to intensify cooperation of the SCO member countries in the field of preserving and promoting the cultural heritage of the Silk Road.

In this document, representatives of the Shanghai Cooperation Organization member states agreed to further promote cultural values, intensify joint cooperation to preserve the cultural heritage of the Great Silk Road.

Participants noted that, in the light of the continuous development of the globalization process, the Silk Road is a world-class cultural heritage that many states enjoy. It is a long, cultural belt belonging to all mankind, running from East to West and connecting Europe with Asia.

Historically, the Silk Road was a path of friendly contacts, which together were created and mastered by the peoples of different countries, and includes several routes - passing through the steppes, green fields and forests, through the territory of the Southwest, and across the seas.

By signing the Astana consensus, the Forum participants expressed the hope that the cultural figures of the SCO member states will show genuine enthusiasm and will work hard to promote the creation of the cultural belt of the Silk Road of the 21st century, and the creation of prosperity for the peoples of various countries.

According to the document, representatives of political, scientific and business circles, cultural workers, artists, and mass media will take active steps to strengthen dialogue and contacts between different cultures, deepening mutual understanding and mutual trust, building equal and friendly relations, promoting cultural cooperation among peoples of different countries, the inheritance of the spirit of the Silk Road, its approval and dissemination [7].

Encouraging cultural diversity and appropriate dialogue means recognizing the entire spectrum of the diversity of world cultures and the links that unite them.

The main goal of the efforts of states to revive the Great Silk Road is to demonstrate the advantages of cultural diversity through the recognition of the importance of the processes of constant interpenetration and interchange in relations between cultures, as well as the ties established since the time of civilization. Since the concept of culture encompasses not only art and humanitarian aspects, but also a way of life, different variants of coexistence, value systems, traditions and beliefs, in order to protect their rich diversity and promote further development, we have to solve new tasks at the local, national, regional and international levels. This implies the integration of the principles of dialogue and mutual understanding in the mainstream of general political activity, with special emphasis on education, science, culture and communication, with a view to correcting attempts to distort cultural attitudes, values and the elimination of stereotypes.

Modern cooperation of states on the Great Silk Road implies the expansion of opportunities for research, meetings and public discussions and the development of intermediary contacts between cultures in the form of exhibitions that illustrate exchanges between cultures and the transfer of cultural knowledge, fairs and festivals dedicated to books, films, music, theater, dance, gastronomy, etc., using, in particular, museums, galleries and funds as «points» of information exchange and with the reference to new technologies, especially the ways of preserving linguistic diversity and facilitate translation.

The participants in the process of the revival of the Great Silk Road point to an increase in the role of creativity, demonstrating the rich cultural diversity of each country and the world, with an emphasis on both specific features and similar features that unite societies. In this respect, it is necessary to promote a comprehensive vision of the cultural heritage in all its aspects, which is the bearer of the historical memory and identity that is to be preserved, the source and the factor of sustainable development, a tool for intercultural dialogue and rapprochement of cultures. Dialogue of cultures as an alternative to the growing confrontation in the global world allows us to seriously analyze those changes that have occurred as a result of the globalization and explosive nature of technological discoveries in the field of communication. The process of globalization is associated with both positive and negative consequences. Integration processes are one side of globalization, and the reverse side is the processes of «national disintegration», which destructively affect the cultural, political and economic components of the life of society. Global integration, thanks to the newest means of communication, can be realized in a system of totalitarianism of a new type with completely unique possibilities of manipulating the consciousness of both the individual and the society as a whole, with the appearance of a democratic device. As a result of the development of communication technologies, the world passes from the system of local cultures to the formation of a new education — a «global culture».

In the context of globalization, international aspects of the dialogue of cultures are of particular importance. Today, the world is undergoing a profound transformation of the geopolitical landscape, aggravation of social and interethnic contradictions. Global planetary processes are not only accompanied by interpenetration and mutual enrichment of cultures, but also jeopardize the identity of countries and peoples, give rise to a sense of danger of inter-civilization split. Global challenges of the beginning of the century and large-scale tasks in the field of international relations in the context of globalization give the interaction of cultures an increasing importance. An alternative viable strategy is the desire to harmonize relations, to establish a dialogue, to reduce conflict.

The problem of interpreting the national problems in the ethical and normative aspect - within the framework of two alternative concepts of the cultural nation - is theoretically significant and actual in practice. Different concepts of nations presuppose and form a different character of the attitude of the individual towards it, expressing and fixing thereby different anthropologies. On the one hand, the nation is a category of philosophy of history, on the other - it is viewed as the result of state efforts, while the possibility of multinational states and their cultural homogeneity is allowed. This formulation of the problem opens up new prospects for understanding the key problems of intercultural interaction and searching for resources for optimizing these processes. The basis of cultural identity in the modern world is the recognition of one's own difference from other individuals or groups, the understanding of the uniqueness of one's own cultural values, language, customs and traditions.

The cultural history of the Great Silk Road shows that the unity of forces has always been the most effective form of people's response to historical challenges. The disintegration of a single space that for centuries connected the peoples close to each other is increasingly perceived as a great loss, with which many of today's difficulties and turmoil meet in the minds of people. Only unity opens up scope for their dynamic development.

References

- 1 Нысанбаев А.Н. Философия взаимопонимания / А.Н. Нысанбаев. — Алматы: Гл. ред. Казах. энцикл., 2001. — 544 с.
- 2 Зиновский Ю.Г. Диалог цивилизаций в Центрально-Азиатском формате // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы IV Конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоц. междунар. исслед. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — Т. 4. — С. 77, 78.
- 3 Сулейменов О. Шелковый путь и тюрки [Электронный ресурс] / О. Сулейменов. — Режим доступа: <http://olzhas-sulejmenov.ru/olzhas-sulejmenov-shelkovyj-put-i-tyurki>.
- 4 В Алматы начался Международный форум по Великому Шелковому пути [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://meta.kz/novosti/kazakhstan/835330-v-almaty-nachalsya-mezhdunarodnyy-forum-po-velikomu-shelkovomu-puti.html>.
- 5 Онлайн-платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.unesco.org/silkroad>.
- 6 Экономический коридор «Новый Шелковый путь» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kazlogistics.kz/ru/media_center/interview/detail.php?id=577.
- 7 Возрождение Великого Шелкового пути [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/vozhrozhdenie-velikogo-shelkovogo-puti/>.

Д.К. Кусбеков

Ұлы Жібек жолының мәдени мұрасы қазіргі мәдени қатынастың факторы ретінде

Мақалада Ұлы Жібек жолының мәдени мұрасының теория және тәжірибе тұрғысынан меңгеру мәселелері жан-жақты қарастырылды. Аталмыш мәдени-тарихи құбылысқа деген қызығушылықты түрлі ел халықтарының өз рухани, ұлттық тұлғамырының әлемдік мәдениетпен байланысын білуге деген ұмтылысымен түсіндіруге болады. Мақалада Ұлы Жібек жолына деген ғылыми әрі қоғамдық қызығушылықтың негізгі үрдістеріне философиялық талдау жасалды. Автордың айтуынша, жаһандану үрдісі оң салдарымен қатар, теріс салдарға да алып келеді. Мәселені толық сипаттай отырып, жаһанданудың бір қыры ретінде біріктіру үрдістерін, ал екінші қыры ретінде – қоғамның мәдени, саяси және экономикалық құрылымдарына теріс әсер ететін «ұлттық бөлшектену» үрдістерін атап өтеді. Түп негізінде жеке тұлғаның, сондай-ақ тұтас қоғамның санасын бұрмалау жататын террористік және экстремистік қылмыстарға қарсы тұрудың қажеттілігі айтылды. Мақалада қарым-қатынас үйлесіміне, сұхбат орнатуға стратегиялық баламасы ретінде шиеленістер дәрежесін төмендетуге деген ұмтылыстың маңыздылығы ерекше аталған. Теориялық тұрғыдан өзекті болып ұлттық мәселелерді этикалық-нормативтік жағынан түсіндіру мәселелері саналады. Мәдениетаралық өзара қатынастың негізгі мәселесін түсіну және белгіленген қырларын оңтайландыру көздерін іздеу бүгінгі мен ертеңгінің маңызды сұрағы болып табылады.

Кілт сөздер: мәдениет философиясы, мәдени мұра, мәдени бірегейлік, мәдени сұхбат, ұлтаралық қарым-қатынас.

Д.К. Кусбеков

Культурное наследие Великого Шелкового пути как фактор современного диалога культур

В статье рассмотрены проблемы теоретического и практического освоения культурного наследия Великого Шелкового пути. Интерес к этому культурно-историческому феномену обусловлен тем, что народы разных стран стремятся понять истоки своей духовности, своей национальной причастности к мировой культуре. В статье дан философский анализ основных тенденций научного и общественного интереса к Великому Шелковому пути, к идее его возрождения как важного фактора взаимодействия и диалога различных культур. Автор отмечает, что процесс глобализации сопряжен как с позитивными, так и с негативными следствиями. Всесторонне характеризуя поднимаемый вопрос, автор отмечает, что одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, а ее оборотной стороной являются процессы «национальной дезинтеграции», разрушающе воздействующие на культурные, политические и экономические составляющие жизнедеятельности общества. Подчеркивается необходимость противодействия террористическим и экстремистским преступлениям, основой которых является манипуляция сознанием как отдельного человека, так и общества в целом. В статье отмечается важность стремления к гармонизации отношений, к установке на диалог, на снижение конфликтности как альтернативной жизнеспособной стратегии. Теоретически значимой и актуальной в практическом плане остается проблема интерпретации национальной проблематики в этико-нормативном аспекте. Понимание ключевых проблем межкультурного взаимодействия и поиска ресурсов оптимизации обозначенных аспектов является важным вопросом настоящего и будущего.

Ключевые слова: философия культуры, культурное наследие, культурная идентичность, диалог культур, межнациональное общение.

References

- 1 Nysanbayev, A.N. (2001). *Filosofia vzaimoponimaniia [Philosophy of mutual understanding]*. Almaty: Hlavnaia redaktsiia Kazak entsiklopediiasy [in Russian].
- 2 Zinovskiy, Yu.G. (2007). Dialoh tsivilizatsii v Tsentralno-Aziatskom формате [Dialogue of Civilizations in the Central Asian Format]. Proceedings from Space and Time in World Politics and International Relations: *IV Konventa RAMI – Fourth Convention of the Russian Academy of Sciences*. (Vol. 10; pp. 77, 78). A.Yu. Melville (Ed.); Rossiiskaia assotsiatsiia mezhdunarodnykh issledovaniy [Russian Association of International Studies]. Moscow: MHIMO-Universitet [in Russian].
- 3 Suleimenov, O. Shelkovyi put i turki [Silk Road and the Turks]. *olzhas-sulejmenov.ru*. Retrieved from <http://olzhas-sulejmenov.ru/olzhas-sulejmenov-shelkovyj-put-i-tyurki> [in Russian].
- 4 V Almaty nachalsia Mezhdunarodnyi forum po Velikomu Shelkovomu puti [An international forum on the Great Silk Road began in Almaty]. *meta.kz*. Retrieved from <http://meta.kz/novosti/kazakhstan/835330-v-almaty-nachalsya-mezhdunarodnyy-forum-po-velikomu-shelkovomu-puti.html> [in Russian].
- 5 UNESCO Internet platform «Shelkovyi put» [UNESCO «Silk Road» Online Platform]. *ru.unesco.org*. Retrieved from <https://ru.unesco.org/silkroad> [in Russian].
- 6 Ekonomicheskii koridor «Novyi Shelkovyi put» [Economic corridor «New Silk Road»]. *kazlogistics.kz*. Retrieved from http://www.kazlogistics.kz/en/media_center/interview/detail.php?id=577 [in Russian].
- 7 Vozrozhdenie Velikoho Shelkovoho puti [Revival of the Great Silk Road]. *gumilev-center.ru*. Retrieved from <http://www.gumilev-center.ru/vozrozhdenie-velikogo-shelkovogo-puti/> [in Russian].

B.Zh. Zhussupova

*Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan
(E-mail: zhusupova2013@mail.ru)*

Cognitive angle of «another sociality»

The article raises the problem of the study of modern society, explicitly represented by heterogeneous sociality. The power of the dynamics of modern life breaks the usual human connections, but, most importantly, the basic human landmarks. The main attributes of a heterogeneous society - the difference, the multiplicity of singularities, decentration. Decentration of the human community occurs. This is another nature, «another sociality», «another humanity». The modern course of social development demonstrates dissonance with the reductionist classical attitudes of social philosophy to the monotony and integrity of social being and proves their inconsistency, lifelessness and even inhumanity due to ignoring the quality of human life. What became important was the humanitarian character of thinking, which is designed to overcome the classical subject-object mindset and get closer to subject-subject, to self-knowledge.

Keywords: heterogeneous society, post-nonclassical discourse, post-nonclassical methods, epistemological potential, cognitive interest, heterological paradigm, plurality of singularities, nonlinear structure, dynamics of self-development, human-like tactics.

The power of the dynamics of modern life breaks the usual human ties, but, most importantly, the basic human landmarks. Decentration of the human community occurs. Society ceases to be monotonous, homogeneous. It becomes non-equilibrium, heterogeneous. This is a completely different world compared to the near past, the factor of its uncertainty has increased, and the principle of uncertainty has become even more obvious.

The society of today involuntarily casts doubt on the assertion about the necessity and possibility of joint stable human coexistence. Under the influence of powerful civilization factors, despite the processes of world globalization, modern society is scattered, torn by irreconcilable contradictions, not orderly, not «combed» under the basic provisions of classical social paradigms, sharpened on the search for a single system-forming principle of social life, on total metaphysics that defines everything social processes by a certain single supreme, superhuman principle of existence and development. T.Kh.Kerimov, referring to Heidegger, calls such metaphysics as onto-theology: classical (including social) «metaphysics solves the issue of general theology. From the very beginning of metaphysics, the ontological search for the general, i.e. that things exist in general is associated with the search for the highest being. Theology in this, in fact, is: it explores the existence as a whole, or in general, reducing this whole to the highest being» [1; 110].

Contrary to traditional metaphysics, modern society is heterogeneous, it is decentralized and multidimensional. This is another nature, «another sociality», «another humanity». Modern society is torn apart, decomposed into many parts that can hardly be called composite. And this separation has reached a high degree. The increased factor of the mediation of social processes plays an exceptional role in this. In his studies, T.Kh. Kerimov notes that the architectonics of modern social life today is no longer seen as one-dimensional, homogeneous, but multidimensional and multifaceted. Each of these faces is affirmed in the sphere of its own world, taking into account other possible worlds. «Society has always been heterogeneous, but now heterogenization has become not just a fact, but also an acute problem» [2, 3].

Social philosophy is in the same heterogeneous state as social reality itself. According to M. Mamardashvili, «the most difficult thing in modern thinking is to get used to seeing the world not as ready, given for understanding ... The evolution of philosophy occurs when something is really broken in this conquered bliss, in this ontological rootedness of a person ... And the question arises (in any case, this question is being rethought): does there exist a ready world of laws and betrayed entities?» [3; 59].

The linguistic turn as a part of the ontological one, thus, ambivalently implies the onto-anthropological and the onto-social, the inevitable necessity of which was stated by Martin Heidegger. According to T.Kh. Kerimov, «with Heidegger's transformation of the meaning of ontology, the latter turns out to be a study not of «being as being», but being in its relation to... human being» [1; 107]. In this context, according to V.E. Kemerov, the traditional philosophy absolutized the transcendental method, going beyond the limits of man and becoming supra-historical, supra-human. As a result, it turned out to be incapable of understanding the human component of social being, the essence of human life. It was unable to teach people to live

like human beings [4; 14]. Traditional philosophy looked at human existence as if from above, from a bird's-eye view, which, undoubtedly, allows us to outline the contours of human life, but, alas, only contours.

The contour of human life was also blurred due to the increase in the level of mediation of man by the conquests of civilization, one of the manifestations of which is language in the broad sense of the word. It is in this vein that methodologically the idea of the «death of the author» R. Barth should be heeded when, in his essay of the same name, he spoke about the author's narrative tyranny in understanding the meaning of a literary work (read: social action), depriving a person of a deep creative understanding. In the same direction, Michel Foucault proposes a new methodology of humanitarian knowledge - the archeology of knowledge about a person. The «archeology of knowledge» is a deep analysis of discourse associated with the «excavations» of powerful layers of the dead human language (culture), under which a living person is buried and his activity. Discourse analysis is not based on referring to the source of discourse, but on a systematic study of discourse as a practice, forming discourse objects. In this sense, according to the philosopher, that there is no progress or meaning in human history. Hence, the ideas of deconstruction of Jacques Derrida, meaning the understanding of the text through the destruction of the stereotype or inclusion in the new context.

Modern society explicitly demonstrates mosaicism, heterogeneity, and this heterogeneity has reached a high degree. Modern society is heterogeneous. Research into a heterogeneous society needs social heterologous paradigms, or social heterology. A serious attempt to develop social heterology as a new theory and a new methodology of modern social research was undertaken by T.Kh. Kerimov. Before him, the philosophical reflection that had prepared a similar paradigmatic shift was attended by the famous works of the Russian philosophers V.S. Bibler, V.E. Kemerov, M.K. Mamardashvili, V.S. Shvyrev, M.M. Bakhtin, G.S. S. Batishchev and others. Western thinkers J. Bataille, J. Derrida, J. Delez, E. Levinas, J.-L. Nancy, S. Zizek, A. Badiu and others have prepared a deep ground for understanding the realities of modern sociality. The main focus of these studies is on society from the inside, in terms of the diversity of its shades, reflected in human activity, in the actions of people.

Thus, the problem of human action is viewed in a new way in the philosophy of M. Bakhtin as acutely relevant, as the thinker sees a person's action in the person's action, focusing on another person, representing a dialogue in which the primary structure of individuality, uniqueness of the person's being, is born the transition from this, which is present, has arisen in the past, formed, to create, creatively creative in the present, and then to the future.

According to M.M. Bakhtin, dialogue with another is the field on which genuine creative human activity takes place, which is present in completely different areas of social being. And in this matter there is a serious study of the subtly revealed and clearly articulated differences between creative creative activity and activity, on the contrary, destructive, opposite, destructive. In the situation of the modern world, in which there are complex, non-one-dimensional, difficult-to-define processes, as if guaranteed by moral and moral positions, but not guaranteed in the sense of destructive results, a deep philosophical analysis of the blurred line between good and evil is more urgent than ever.

According to M. Bakhtin, a human act seems to be nothing more than a microcosm of creative activity taking place in a world that is fundamentally incomplete, in which the future is not guaranteed by nothing and no one, is not predictable, even if it is possible to turn to ultra-precise scientific theories. Moreover, each perfect act forms the world and is realized for the person as actual and responsible. Being a creative act, the deed is not derived entirely from past experience, already generalized by the sciences. Any act is always directed at another person, in which his duty is expressed, and at the same time his unique true originality in relation to the future. But, according to the thinker, as much as creativity and creation are present in the act, it contains destructiveness and destruction, since the presence of a priori knowledge in a human act is necessarily combined with the individuality of his initiative, the subjectivity of the will, coming from the complex depths of the soul.

M. Bakhtin sees the main indispensable condition for creativity in the diversity and diversity of social connections, their polyphonism, in dialogue and polylogical interhuman relations. As the philosopher emphasizes, a specific human act already includes many prerequisites for creativity and meaning formation [5; 82].

The Russian philosopher and cultural scientist V. Bibler in his social reflections does not focus on the relations between subject and object, as was customary in classical philosophy, but on inter-subject relations. Moreover, each and every object of the world that the philosopher understands «as if he were a work» is an embodiment of the author's subjective and subject characteristics. This subject is of much greater interest than as a targeted subject of knowledge. But at the same time, subject-object relations are not leveled, since

any thinking continues to be objective. However, as V. Bibler emphasizes, the more polylogical the dialogue is, the more infinitely possible the world can be reduced to this or that logic, the more bun of being dense, non-absorbing, mysterious, pushing out of thought [6; 312].

Thus, in the history of social-philosophical thought, beginning with M. Heidegger, there is an onto-anthropological and an onto-social turn, which resulted in two main models, two main approaches in explaining social being: ontological and heterologous. The ontological approach is connected with the obligatory correlation of the social being with a certain transcendental, ideal foundation. The heterologous approach, on the contrary, seeks not to look for an absolute source, a guiding principle and center, which is beyond the essence of things. This approach is associated with such a view on society, in which it is differences, and not identity, that are its main attributes, linear development and organization of society are questioned, and multidimensional connections bring relativism to the fore.

But today there is no serious socio-philosophical theory reflecting the picture of heterogeneous society. As T. Kerimov writes: «Our society has not yet established the limits within which it would be possible to invent life strategies of human behavior and the limits of their implementation in social practice. Moreover, in a heterogeneous society, the very principles of society are open to criticism and any new theory or concept, any new life strategy is rejected under these conditions as inadequate» [2; 7]. But such a concept is necessary in order to escape from the captivity of a certain metaphysical foundation. This foundation must be sought within society.

According to the heterologous paradigm, social being is considered as the basis of things in the sense of belonging to them, and not in the sense of possession, mastering. This means that being is the being of singular existence. Being is the difference of being. Being is co-being. The way of being of existence is co-existence.

Thus, for modern philosophy, the idea of becoming a distinction, which means a transition to a new concept of being, not tied to any traditional foundation, becomes very important. And then, according to T.Kh. Kerimov, heterology becomes ontology as a teaching about difference.

In traditional metaphysical discourse, the relationship between being and the real is thought of as a relationship of one and many. The obvious difference between being and being is that being is singular (singular), while being is multiple. For social heterology, the real (many) is not everything, it is not a multitude of separate objects, but a multitude in the making. Becoming as a becoming essence of unity. But this is not a metaphysical unity - it is the unity of the becoming. This is a different idea of sociality, it is a different sociality.

If we make an excursion into the history of social sciences, they developed in the framework of the interaction of classical metaphysics and natural science. Therefore, sociality was scientifically reduced, was tied to a certain higher organized and organizing order (Cosmos, God, Nature). The ideal of sociality was association. Happiness in the union - the state as a family in Confucius, the state as a city in Plato, the state as an organism in Al-Farabi, etc. This is a kind of sociality that says we and always sets up around the third member of the relationship, serving as an intermediary between the subjects. It is a sociality around something in common.

It is known that classical social philosophy was based on the cognitive explanatory guidelines of the natural sciences, which in the 19th century led to the emergence of positivism. T.Kh. Kerimov identifies two reasons for this:

- 1) highlighting the natural causes of sociality;
- 2) objectivity of the natural sciences.

Therefore, in sociology, a type of theoretical consciousness arises, based not on tradition or faith, but on research results that are not foreign to criticality. True, this criticality in the sociology of Comte, Durkheim, Weber is within the cognitive procedure and does not affect the characteristics of the subject of knowledge. After all, the main principle of sociology of O.Kont is to know society as it is in itself, naturalistically, objectively.

On the one hand, such a gnoseological approach allowed one to free oneself from metaphysical distortions and simplifications, but, on the other hand, the philosopher emphasizes, this ambivalent gives rise to even more restriction caused by excessive objectification of society. Kont uses the expression «the natural laws of society», Simmel speaks of «social forms», and Durkheim speaks of «social facts».

According to T.Kh. Kerimov: «In a strange way, precisely when sociology stands out as a private and autonomous (from metaphysics) discipline with its subject (with its truth and essence of this subject) and corresponding methods, it turns out to be in the power of metaphysics» [2; 10]. True, now sociology refers

not to the higher transcendental order, but to the social Cosmos, to the order that is invisibly present in society itself (by the way, the word «cosmos» in Greek means «Order»). And all variants of being of a man with society are only particular cases of social cosmos.

In this connection, a person is located in the system of social coordinates. It is a mobile aggregate of social roles, functions, rights, duties, subordinate to the institution of total sociality. The individual shares all his social functions in social time and space with others. Social time and space are determined by social change. Thus, we are talking about the self-sufficiency of the social, as, indeed, in the metaphysical (ontological) concept it was about the self-sufficiency of metaphysics. Therefore, writes T.Kh. Kerimov: «Two discourses are mirror images of each other, and each justifies its legitimacy by discrediting the other» [2; 11].

And therefore, according to T.Kh.Kerimov, we must find those who do not reconcile these two discourses, the so-called median, or the third, which reconciles these two, «since this third discourse will always strive for transcendentalism or social realism in accordance with different versions of metaphysical or social humanism» [2; 11]. We have to talk about the «other sociality», not on a single basis and the identity of the abiding, but about the sociality of the multiple, discrete, heterogeneous. We should not talk about a homogeneous society, but about a heterogeneous, a society of differences. It is necessary to overcome metaphysics.

The society of the XXI century is characterized by heterogeneity composed of:

- differences as a structure-forming factor;
- obvious nonlinearity (lack of a single center).

Modern sociality, according to T.Kh. Kerimov, no longer an object or idea, it is a co-being of various existences, singularities. Representatives of the philosophy of life, existentialists, postmodernists, personalists, and others also spoke of this.

There is no common being among singularities, they are united only by the escape of being, supporters of the heterologous concept believe. Sociality is not a common spatial and temporal reality. Sociality is being-together. Individual being is separation. Individual being is co-being, for which a heterology is necessary to describe, which is based on the difference in the being of the individual (in contrast to classical metaphysics, which is capable of describing a homogeneous society). Consequently, the heterogeneity of modern society has become a necessary problem for social research.

It is like M. Heidegger, being is always his own being. But the singularity, according to T.Kh. Kerimov, is not a projection of the subjective I onto the surrounding me, but, on the contrary, what defines «motility» every time. The singularity of time is «escaping from substance». Being is in the discreteness of singularities. Being together is a division of the being of society. Hence tolerance is a measure of the belonging of an individual existence to being together. Hence, being together equals equality. But equality is not unconditional, not categorical, but concerning ourselves. Equality is not a criterion or measure. Equality is the equality of unequal. Equality in difference.

According to the heterologous concept, history is «timelessness», «intertemporality», on the basis of which history and historical time arise. In any historical event, time seems to be stopping, hanging, «spreading». Between the moments of time there is an event.

The heterologous concept, in our opinion, indeed, offers a completely new paradigm of social research, changing the cognitive perspective, trying to overcome the nomotical attitudes of epistemology. It is aimed, indeed, not at describing and explaining complex social processes (although it would be another mistake to dismiss them from sociology accounts), but at a more or less deep understanding of the motives and actions of living people, rather than formalized subjects of human history.

Thus, the society of the XXI century is characterized by an explicit heterogeneity composed of:

- differences as a structure-forming factor;
- obvious nonlinearity, decentration of social processes and the person himself;
- high degree of mediation of social processes, hiding their complex interactions.

In this connection, the classical attitudes of social philosophy no longer work. The uncertainty factor of modern social life increases, which leads to the concept of the «uncertainty principle» in socio-philosophical knowledge. But, as it turns out, the principle of uncertainty was first derived in natural science knowledge, and is fully consistent with the concept of «scientific paradigm» both in the study of nature and in the study of society.

There is a plurality of post-non-classical paradigms of social cognition, aimed at discovering laws — tendencies of social development and not allowing the idea of «inflation of truth» in the field of social philosophy. The main concept of post-non-classical paradigms of socio-philosophical knowledge should be het-

erologous, able to understand the complex, mediated social processes and relationships that have a self-organizing developmental algorithm.

The heterologous concept of post-non-classical social paradigms rejects ontology as onto-theology, which is associated with the search for the omnipresent single foundation (external or internal) of social life, presenting it as homogeneous. This aspect offers the study of society from the inside, in terms of differences, singularities, multiplicity, heterogeneity, co-existence, following the logic of self-development, identifying its tendencies. It is in the heterologous manner that the methods of synergetics, rhizomorphy, and fractality work.

The heterologous concept recognizes the principle of uncertainty of social cognition, but does not absolutize it, but in a complex hierarchy of mediations reveals their correlation with each other in order to feel for real connections.

Post-non-classical social paradigms are needed in order to come closer to an understanding of modern social processes, the main carriers of which are people driven by unique features and qualities, and develop humanistic, humanistic tactics and strategies for the future development of mankind.

References

- 1 Керимов Т.Х. Онтология как онто-теология и ориентиры ее преодоления / Т.Х. Керимов // Известия Иркутского гос. ун-та. — 2015. — Т. 14. — С. 106–113.
- 2 Керимов Т.Х. Социальная гетерология / Т.Х. Керимов. — Екатеринбург: Наука Урала, 1999. — 160 с.
- 3 Мамардашвили М.К. Философские чтения / М.К. Мамардашвили. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 832 с.
- 4 Кемеров В.Е. Введение в социальную философию / В.В. Кемеров. — М.: Аспект-пресс, 1996. — 215 с.
- 5 Бахтин М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. — М.: Наука, 1986. — С. 80–160.
- 6 Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры / В.С. Библер. — М.: Изд-во полит. лит., 1991. — 413 с.

Б.Ж. Жүсіпова

«Басқа әлеуметтіктің» когнитивті ракурсы

Мақалада гетерогенді әлеуметтілікпен айқын көрінетін қазіргі заманғы қоғамды зерттеудің мәселесі қарастырылды. Қазіргі өмірдің күшті дамуы әдетте адами байланыстарды ғана жойып қоймай, негізгі адами бағыттарды да әлсіретуде. Адамзат қоғамдастығының децентрациясы жүрде. Гетерогенді қоғамның негізгі белгілері — айырмашылық, ерекшеліктердің көптігі, децентрациялық. Бұл басқа табиғаттылық, басқа «әлеуметтілік», басқа «адамзаттылық». Қоғамдық дамудың қазіргі заманғы үрдісі адам өмірінің сапалылығын елемеуге байланысты әлеуметтік болмыстың біртектілігі мен тұтастығын және олардың арасындағы келіспеушілік пен адамгершілікке сыймайтын әлеуметтік философияның классикалық ұстанымдарының редуccionистік диссонансын көрсетеді. Ойлаудың гуманитарлық сипаты негізгі болып табылғандықтан, бұл ойды қабылдаудың классикалық пәндік субъект-объект, субъект-субъектіге, яғни метаойлауға, ал одан өзін-өзі тануға бір қадам жақындайды.

Кілт сөздер: гетерогенді қоғам, постклассикалық емес дискурс, постклассикалық емес әдістер, эпистемологиялық әлеует, когнитивті қызығушылық, гетерологиялық парадигма, сингулярлықтың көптігі, сызқтық емес құрылым, өзін-өзі дамыту динамикасы, адамиөлшемдік тактикалар.

Б.Ж. Жусупова

Когнитивный ракурс «другой социальности»

В статье поднимается проблема исследования современного общества, эксплицитно представленного гетерогенной социальностью. Мощь динамики современной жизни разрывает привычные человеческие связи, но самое главное — основные человеческие ориентиры. Происходит децентрация человеческого сообщества. Главные атрибуты гетерогенного общества — различие, множественность сингулярностей, децентрированность. Это уже другая природность, «другая социальность», другая «человечность». Современный ход общественного развития демонстрирует диссонанс с редуccionистскими классическими установками социальной философии на однообразность и целостность социального бытия и доказывает их несостоятельность, безжизненность и даже бесчеловечность в связи с игнорированием качества человеческой жизни. Важным стал именно гуманитарный

характер мышления, который предназначен преодолевать классический субъект-объектный прием мысли и все более приближаться к субъект-субъектному, к метамышлению, а в итоге — к самопознанию.

Ключевые слова: гетерогенное общество, постнеклассический дискурс, постнеклассические методы, эпистемологический потенциал, когнитивный интерес, гетерологическая парадигма, множественность сингулярностей, нелинейная структура, динамика саморазвития, человекомерные тактики.

References

- 1 Kerimov, T.Kh. (2015). Ontolohiia kak onto-teolohiia i orientiry ee preodoleniia [Ontology as landmarksontology and the landmarks of its vercoming]. *Izvestiia Irkutskoho hosudarstvennoho universiteta – Bulletin of Irkutsk State University*, 14, 106–113 [in Russian].
- 2 Kerimov, T. Kh. (1999). *Sotsialnaia heterolohiia [Social heterology]*. Ekaterinburg: Nauka Urala [in Russian].
- 3 Mamardashvili, M.K. (2002). *Filosofskie chteniia [Philosophical reading]*. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika [in Russian].
- 4 Kemerov, V.E. (1996). *Vvedenie v sotsialnuu filosofiiU [Introduction to social philosophy]*. Moscow: Aspekt Press [in Russian].
- 5 Bakhtin, M.M. (1986). K filosofii postupka [To the philosophy of the act]. *Filosofia i sotsiolohua nauki i tekhniki. Ezhehodnik – Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook, 1984–1985*, 80–160. Moscow: Nauka [in Russian].
- 6 Bibler, V.S. (1991). *Ot naukoucheniia – k lohike kultury [From science of Knowledge to the logic of culture]*. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury [in Russian].

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Abdrakhmanova, K.K.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Abou Taam, Kh.** — PhD, Lebanese International University, Beirut, Lebanon.
- Abylkhozhin, Zh.B.** — Doctor of history sciences, Professor, Chief researcher, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan.
- Aliyasova, V.N.** — Candidate of cultural studies, Pavlodar State Pedagogical University, Kazakhstan.
- Bykov, A.Yu.** — Doctor of history sciences, Director of Strategy and Development, Russian-Singapore Business Council, Moscow, Russia.
- Dmitriyev, Ye.A.** — Junior researcher of the Saryarkinsky Archaeological Institute, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Gorovoi, V.V.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of World history and international relations, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Ilyassova, A.S.** — Candidate of history sciences, Director of the Institute for Advanced Studies and Additional Education, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Khassenova, Zh.O.** — PhD student of the Department of Eurasian studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Kukushkin, A.I.** — PhD student of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Kusbekov, D.K.** — Candidate of philosophical sciences, Associate professor of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Mazhitova, Zh.S.** — Doctor of history sciences, Associate professor, «Astana» University, Astana, Kazakhstan.
- Mukataeva, G.A.** — PhD student, of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Murakami, Ya.** — PhD, Ehime University, Japan.
- Oteпова, G.E.** — Doctor of history sciences, Professor of the Department of History and Assembly of peoples of Kazakhstan, Pavlodar State Pedagogical University, Kazakhstan.
- Sagatova, A.S.** — Candidate of philosophy sciences, Senior lecturer of the Department of history of Kazakhstan, Karaganda State Technical University, Kazakhstan.
- Saktaganova, Z.G.** — Doctor of history sciences, Professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Somonzhuogly, A.** — PhD, Hacettepe University, Turkey.
- Tleugabylova, K.S.** — Senior lecturer of the Department of history of Kazakhstan, Karaganda State Technical University, Kazakhstan.
- Tuleuova, B.T.** — Candidate of history science, Associate professor of the Department of World history and international relations, Ye. A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.

- Tuleuova, K.T.** — M.A., Lecturer of the Department of World history and international relations, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Uskembayev, K.S.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Yedgina, G.T.** — PhD student of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Zharkenova, A.M.** — Doctor of history sciences, Associate professor of the Department of history of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Zhauymbay, S.U.** — Candidate of history sciences, Professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.
- Zhussupova, B. Zh.** — PhD student, Master of philosophy, Senior lecturer of the Department of philosophy and theory of culture, Ye.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan.

**2018 жылғы «Қарағанды университетінің хабаршысында»
жарияланған мақалалардың көрсеткіші.
«Тарих. Философия» сериясы**

№ б.

ТАРИХ

<i>Абдрахманова Қ.Қ.</i> Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Шығыс Қазақстан облысының байланысшы-әйелдері: әйелдер тарихы және майдандағы күнделікті өмір	4	8
<i>Абдрахманова Қ.Қ., Смағұлов А.С.</i> Қазақстан Республикасының шетел мемлекеттерімен білім беру саласындағы ынтымақтастығы: 1990–2000-шы жылдардың басындағы мәселенің тарихнамасы	2	8
<i>Аблажей Н.Н.</i> Сібір облыстарының өңірлік және ұлттық жобалары	2	14
<i>Абылхожин Ж.Б., Бурханов Б., Кубеев Р.</i> 1917 жылғы Қазан революциясы және оның әлеуметтік базасы: кейбір дәстүрлі тарихнамалық мифологемалардың ғылыми дәрменсіздігі	2	21
<i>Адамбек Б.К.</i> 1917 жылғы Ресейдегі Ақпан революциясы	2	30
<i>Адилова А.К., Ильясов Ш.А.</i> Қазақстанда қола дәуірінде мал шаруашылығының дамуы	1	8
<i>Аманжолова Д.А.</i> 1917 жылғы революция және Ресейдің Орталық Азия аймағы халықтарының этносаяси даму мәселелері.....	2	41
<i>Амиров Е.Ш.</i> Ежелгі сақ-үйсін жүйесіндегі Қаратума қорымы	1	14
<i>Амрина М.С., Смағұлов Н.Б.</i> Ақжан Машановтың ғылыми және рухани мұрасы	3	103
<i>Асхат Г., Жабина Ж.Р.</i> Шетелдік диаспораларға қатысты мемлекеттердің саяси-құқықтық аспектілері	3	73
<i>Әлжанова Э.Е.</i> Қазақстан халқының өмір сүру деңгейінің XX ғ. соңғы он жылдығындағы көрсеткіштері	3	39
<i>Әлжанова Э.Е., Қасымбеков А.С.</i> XIX ғасыр жазба дереккөздеріндегі Қазақ даласын отарлау саясатының тарихы: электрондық жиынтық.....	2	50
<i>Бөдеев К.Т., Сактаганова З.Г.</i> Кеңес дәуіріндегі діни ұйымдардың құқықтық жағдайы (XX ғ. 40-жылдары).....	2	56
<i>Бөдеев К.Т., Сактаганова З.Г.</i> Кеңес өкіметінің Қазақстандағы діни ұйымдарға қатысты саясаты (XX ғасырдың 30–40 жж.).....	1	25
<i>Быков А.Ю.</i> XVIII ғ. бірінші жартысындағы Орынбор әкімшілігі мен жоғары қазақ аксүйектері арасындағы қарым-қатынас	4	70
<i>Горовой В.В.</i> Ежелгі дәуірдегі гендер факторы: антикалық кезең	1	31
<i>Григоркевич А.А., Сактаганова З.Г.</i> 1946–1960 жылдар аралығында кеңес өкіметі кезеңінде Қазақстанда дене тәрбиесі және спорттың даму тарихы	1	35
<i>Досова Б.А.</i> Гендертану мен «Әйел және соғыс» тақырыбын зерттеу мәселелері	2	62
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х.</i> Қазақстан Республикасы алғашқы тәуелсіздік жылдарында: әлеуметтік-саяси тұрғы	3	24
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х.</i> Нұрсұлтан Назарбаев — көшбасшы және дипломат	2	69
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х., Ускембаев К.С.</i> Тарихтағы тұлға: заманауи тәсілдер	4	18
<i>Едгина Г.Т., Жұмашев Р.М.</i> Тәуелсіз Қазақстан үкіметінің сыртқы саясаты.....	1	42
<i>Ермекбаев А.</i> Түркияның сыртқы саясатындағы өзгеріс: кемализмнен неоосманизмге (негізгі ішкі және сыртқы факторлар).....	2	103
<i>Жаркенова А.М.</i> Солтүстік Қазақстан халқының XIX ғасырдың соңы – XXI ғасырдың басындағы полиэтникалық құрамы: тарихи ерекшеліктері, тенденциялары және перспективалары.....	4	60
<i>Жұмашев Р.М., Мураками Я., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А.</i> XVII ғ.—XIX ғ. I-жартысындағы зерттеушілердің еңбегіндегі Қазақстанның археологиялық зерттеулері	3	15
<i>Жұмашев Р.М., Хлебников И.Д., Ильясов Ш.А.</i> Социомәдени қауымдастықты қалыптастыру тарихынан: австрия-венгрия тәжірибесі.....	3	48
<i>Кукушкин А.И., Мураками Я., Жауымбай С.У., Дмитриев Е.А.</i> Шығыс Қазақстанның федоров тайпаларының жерлеу рәсімін зерттеу тарихы мен сипаттамасы.....	4	25
<i>Курпебаева Г.К.</i> Араб елдерінің әлеуметтік-саяси дамуындағы ислам факторының рөлі	2	97
<i>Қазбекова Н.А., Сағатова А.С., Нурлигенова З.Н.</i> Революцияға дейінгі Қазақстан аумағында қоғамдық бірлестіктер қызметінің құқықтық негіздері	3	8

<i>Мажитова Ж.С., Хасенова Ж.О., Омарова Б.К.</i> Революцияға дейінгі қазақтардың тарихының кеңестік тарихнамадағы идеялық-әдіснамалық тұжырымдамалары (1920–1940-шы жылдар).....	3	57
<i>Мусағалиева А.С., Мусабекова Р.М.</i> Солтүстік Қазақстанның тың және тыңайған жерлерін игерудегі арнайы контингент	3	63
<i>Отенова Г.Е., Алиясова В.Н., Ильясова А.С., Сомонжуноғлы А.</i> XVIII–XX ғасыр басындағы Қазақстан тарихы бойынша орыс дереккөздерін шолу.....	4	38
<i>Пилипчук Я.В.</i> VI–VIII ғғ. түркіт-хазарлардың Кавказға шабуылы	3	31
<i>Райымбекова А.А., Жабина Ж.Р.</i> «Медиация» анықтамасын теориялық тұрғыдан түсіндіру	2	35
<i>Сағатова А.С., Тлеугабылова К.С.</i> Рухани келісімнің өрісі мен өресі — бейбітшілік кепілі.....	4	46
<i>Сактаганова З.Г.</i> «1917 ж. Ресей революциясы және Қазақстан» мәселесінің тарихнамалық дискурсы.....	2	76
<i>Сақтаганова З.Г., Абдрахманова Қ.Қ.</i> «Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстанның әйелдері» мәселесінің кеңестік және қазіргі қазақстандық тарихнамасы.....	3	87
<i>Сактаганова З.Г., Абылхожин Ж.Б.</i> «Тыңайған жерлерді игеру жобасы»: жетістіктері және мәселелері (тыңайған жерлерді игерудің әлеуметтік-экономикалық және экологиялық аспектілері).....	4	92
<i>Сактаганова З.Г., Карсакова Г.Б.</i> 1921–1923-ші жж. Ақмола губерниясында балалар панасыздығы және оны жою жөніндегі іс-шаралар	1	49
<i>Сактаганова З.Г., Мухатаева Г.А.</i> Қазақстандық әйелдердің Ұлы Отан соғысы жылдарындағы рөлі (Орталық Қазақстан материалдарының негізінде)	4	52
<i>Саметова Г., Алысбес М.</i> Дәстүрлі қазақ қоғамының өзгеріс жағдайындағы XVIII–XIX ғғ. Қазақстанның урбанизация тарихы	1	57
<i>Стамбулов С.Б., Ускембаева А.А., Карсыбаева Ж.А.</i> Қауіпсіздік саласындағы Қазақстан Республикасының көпжақты дипломатиясына қатысты құжаттардың дерек ретіндегі рөлі	3	79
<i>Сыздықова Ж.С., Досова Б.А., Байгожина Г.М.</i> 1970–1980 жылдардағы Кеңес Одағының діни саясаты бойынша Қарағанды облысының Мемлекеттік мұрағаттарының материалдары.....	2	90
<i>Тулеуова Б.Т., Горовой В.В., Тулеуова К.Т.</i> Әлемдік тарихнаманың тарихи білімнің білім беру маңыздылығын жаңартудағы рөлі	4	83
<i>Хасенова Ж.О., Мажитова Ж.С.</i> Кеңес немістерінің Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Қазақстанға жер аударуы: Кеңестік биліктің тәжірибесі.....	4	32

ФИЛОСОФИЯ

<i>Аббасова К.Я., Кусбеков Д.К.</i> Қоғамдық сананы жаңғырту шеңберіндегі адами капиталдың рухани негізі.....	3	130
<i>Амрахлы Л.Ш.</i> Жасөспірімдердің когнитивтік әрекеттерінің ерекшеліктері.....	1	74
<i>Батулин В.С., Абрамович Е.А.</i> Қоғамдық сананы өзгерту үрдісінде ағылшын тілінің рөлі.....	2	110
<i>Дюсалинова Б.К., Караконисова С.Г., Солощенко П.П.</i> Қазақстанның рухани жаңғыру шеңберіндегі Ұлы Жібек жолының мәдени мұрасы	1	63
<i>Жүсіпова Б. Ж.</i> Әлеуметтік танымның сағымдарынан	3	113
<i>Жүсіпова Б. Ж.</i> «Басқа әлеуметтіктің» когнитивті ракурсы.....	4	128
<i>Кусбеков Д.К.</i> Діни экстремизмнің пайда болу алғышарттары (философиялық тұрғы).....	3	136
<i>Кусбеков Д.К.</i> Діннің заманауи интеграциясы	4	115
<i>Кусбеков Д.К.</i> Ұлы Жібек жолының мәдени мұрасы қазіргі мәдени қатынастың факторы ретінде.....	4	121
<i>Қоқымбаева Б., Теміртон Ф.</i> Аналық және ерлік адамзат болмысының кілттік константалары ретінде: логикалық реконструкциялық тәжірибе	2	118
<i>Қоқымбаева Б., Теміртон Ф.</i> Неоматриархат жалпы адамзаттың эволюция даму жолындағы жана саты хақында (келешек жобасы)	3	125
<i>Сағатова А.С., Абдрахманова А.А.</i> Ел мүддесі мен мақсаты жолындағы ұлы мұраттар	3	118
<i>Сисенғалиев К.М., Зиязетдинов Р.М., Ким Р.</i> Азаматтық қоғам және құқықтық мемлекет: ұқсастық пен айырмашылығы.....	1	69
<i>Феталиева Н.Ю.</i> Абай философиясының мәселелері.....	2	123

ПСИХОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Алимбаева Р.Т., Есназарова Л.У., Лазарева Е.А.</i> Медициналық университет студенттерінің эмоционалдық зердесін зерттеу.....	1	81
<i>Инджигоян А.А., Ламанова А.С.</i> Медициналық жоғарғы оқу орынында білім беру сапасын арттыру міндеттерін жүзеге асыруда «кері байланыс» әлеуметтік әдістемені қолдану тәжірибесі.....	2	129
<i>Магзумова Н.К., Бенчич С., Игембаева К.С.</i> Студенттердің оқу үрдісіне бейімделуінің психологиялық ерекшеліктері.....	2	134

**Указатель статей, опубликованных
в «Вестнике Карагандинского университета» в 2018 году.
Серия «История. Философия»**

№ с.

ИСТОРИЯ

<i>Абдрахманова К.К.</i> Женщины-связистки Восточно-Казахстанской области в годы Великой Отечественной войны: женские истории и фронтовая повседневность	4	8
<i>Абдрахманова К.К., Смагулов А.С.</i> Сотрудничество Республики Казахстан в сфере образования с зарубежными странами: историография проблемы в 1990-х – начале 2000-х годов	2	8
<i>Аблажей Н.Н.</i> Региональный и национальный проекты сибирских областников	2	14
<i>Абылхожин Ж.Б., Бурханов Б., Кубеев Р.</i> Октябрьская революция 1917 года и ее социальная база: научная несостоятельность некоторых традиционных историографических мифологем.....	2	21
<i>Адамбек Б.К.</i> Февральская революция в России 1917 года	2	30
<i>Адилова А.К., Ильясов Ш.А.</i> Развитие скотоводства в Казахстане в эпоху бронзы.....	1	8
<i>Альжанова Э.Е., Касымбеков А.С.</i> История колонизации Казахской степи в письменных источниках XIX века: электронная коллекция.....	2	50
<i>Альжанова Э.Е.</i> Показатели уровня жизни населения Казахстана за последние десять лет XX века .	3	39
<i>Аманжолова Д.А.</i> Революция 1917 года и проблемы этнополитического развития народов Центрально-Азиатского региона России.....	2	41
<i>Амиров Е.Ш.</i> Могильник Каратума в системе сако-усуньских древностей.....	1	14
<i>Амрина М.С., Смагулов Н.Б.</i> Научное и духовное наследие Акжана Машанова.....	3	103
<i>Асхат Г., Жабина Ж.Р.</i> Политико-правовые аспекты государств в отношении иностранных диаспор.....	3	73
<i>Бодеев К.Т., Сактаганова З.Г.</i> Политика Советской власти по отношению к религиозным организациям в Казахстане (30–40-е годы XX в.)	1	25
<i>Бодеев К.Т., Сактаганова З.Г.</i> Правовое положение религиозных организаций в советский период (40-е годы XX в.)	2	56
<i>Быков А.Ю.</i> Взаимоотношения Оренбургской администрации и высшей казахской знати в первой половине XVIII в.....	4	70
<i>Горовой В.В.</i> Гендерный фактор в Древнем мире: античность	1	31
<i>Григоркевич А.А., Сактаганова З.Г.</i> Развитие физкультуры и спорта в Казахстане в 1946–1960 гг.....	1	35
<i>Досова Б.А.</i> Гендерология и проблемы изучения темы «Женщина и война»	2	62
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х.</i> Нурсултан Назарбаев — лидер и дипломат.....	2	69
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х.</i> Республика Казахстан на заре независимости: социально-политический аспект	3	24
<i>Едгина Г.Т., Абу Таам Х., Ускембаев К.С.</i> Личность в истории: современные подходы	4	18
<i>Едгина Г.Т., Жумашев Р.М.</i> Внешнеполитический курс независимого Казахстана.....	1	42
<i>Ермекбаев А.А.</i> Изменение внешней политики Турции: от кемализма до неосманизма (основные внутренние и внешние факторы).....	2	103
<i>Жаркенова А.М.</i> Полиэтнический состав населения Северного Казахстана в конце XIX — начале XXI вв.: исторические особенности, современные тенденции и перспективы.....	4	60
<i>Жумашев Р.М., Мураками Я., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А.</i> Археологическое изучение Казахстана в трудах исследователей XVII в. – первой половины XIX в.....	3	15
<i>Жумашев Р.М., Хлебников И.Д., Ильясов Ш.А.</i> Из истории формирования социокультурной общности: австро-венгерский опыт	3	48
<i>Казбекова Н.А., Сагатова А.С., Нурлигенова З.Н.</i> Правовые основы деятельности общественных объединений на территории дореволюционного Казахстана	3	8
<i>Кукушкин А.И., Мураками Я., Жауымбай С.У., Дмитриев Е.А.</i> История изучения и характеристика погребального обряда федоровских племен Восточного Казахстана.....	4	25
<i>Курпебаева Г. К.</i> Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран .	2	97
<i>Мажитова Ж.С., Хасенова Ж.О., Омарова Б.К.</i> Идеино-методологические концепции в советской историографии дореволюционной истории казахов (1920–1940-е годы)	3	57

<i>Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М.</i> Спецконтингент в освоении целинных и залежных земель Северного Казахстана	3	63
<i>Отеева Г.Е., Алиясова В.Н., Ильясова А.С., Сомонжуноглы А.</i> Обзор русских источников по истории Казахстана XVIII — начала XX века	4	38
<i>Пилипчук Я. В.</i> Тюркюто-хазарские набеги на Кавказ в VI–VIII вв.....	3	31
<i>Райымбекова А.А., Жабина Ж.Р.</i> Теоретическое осмысление понятия «посредничество».....	2	35
<i>Сагатова А.С., Тлеугабылова К.С.</i> Духовное согласие — залог и гарантия мира.....	4	46
<i>Сактаганова З.Г., Абылхожин Ж.Б.</i> «Целинный проект»: достижения и проблемы (социально-экономические и экологические аспекты освоения целины)	4	92
<i>Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К.</i> Советская и современная казахстанская историография проблемы «Женщины Казахстана в годы Великой Отечественной войны».....	3	87
<i>Сактаганова З.Г.</i> К историографическому дискурсу проблемы «Российская революция 1917 г. и Казахстан».....	2	76
<i>Сактаганова З.Г., Карсакова Г.Б.</i> Детская беспризорность в Акмолинской губернии в 1921–1923-м гг. и меры по ее ликвидации	1	49
<i>Сактаганова З.Г., Мухатаева Г.А.</i> Роль казахстанских женщин в годы Великой Отечественной войны (по материалам Центрального Казахстана).....	4	52
<i>Саметова Г., Алтысбес М.</i> История урбанизации Казахстана в XVIII–XIX вв. в условиях трансформации традиционного казахского общества	1	57
<i>Стамбулов С.Б., Ускембаева А.А., Карсыбаева Ж.А.</i> Роль документов многосторонней дипломатии Республики Казахстан в области безопасности	3	79
<i>Сыздыкова Ж.С., Досова Б.А., Байгожина Г.М.</i> Материалы Государственного архива Карагандинской области о религиозной политике Советского государства в 1970–1980-е годы	2	90
<i>Тулеуова Б.Т., Горовой В.В., Тулеуова К.Т.</i> Роль мировой историографии в модернизации образовательного значения исторического знания.....	4	83
<i>Хасенова Ж.О., Мажитова Ж.С.</i> Депортация советских немцев в Казахстан в годы Великой Отечественной войны: практика Советской власти.....	4	32

ФИЛОСОФИЯ

<i>Аббасова К.Я., Кусбеков Д.К.</i> Духовные основы человеческого капитала в контексте модернизации общественного сознания	3	130
<i>Амрахлы Л.Ш.</i> Особенности когнитивной деятельности подростков	1	74
<i>Батурин В.С., Абрамович Е.А.</i> Роль английского языка в процессе трансформации общественного сознания	2	110
<i>Дюсалинова Б.К., Караконисова С.Г., Солощенко П.П.</i> Культурное наследие Великого Шелкового пути в контексте духовной модернизации Казахстана	1	63
<i>Жусупова Б.Ж.</i> Когнитивный ракурс «другой социальности»	4	128
<i>Жусупова Б.Ж.</i> От миражей социального познания	3	113
<i>Кокумбаева Б., Темиртон Г.</i> Женское и мужское как ключевые константы человеческого бытия: опыт логической реконструкции.....	2	118
<i>Кокумбаева Б., Темиртон Г.</i> Неоматриархат как новая ступень общечеловеческой эволюции (проект будущего)	3	125
<i>Кусбеков Д.К.</i> Культурное наследие Великого Шелкового пути как фактор современного диалога культур.....	4	121
<i>Кусбеков Д.К.</i> Первопричины возникновения религиозного экстремизма (философский аспект).....	3	136
<i>Кусбеков Д.К.</i> Современная интеграция религии	4	115
<i>Сагатова А.С., Абдрахманова А.А.</i> Великие идеалы в процессе реализации национальных целей и интересов страны	3	118
<i>Сисенгалиев К.М., Зиязетдинов Р.М., Ким Р.</i> Гражданское общество и правовое государство: сходство и отличие	1	69
<i>Феталиева Н.Ю.</i> Проблемы философии Абая	2	123

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

<i>Алимбаева Р.Т., Есназарова Л.У., Лазарева Е.А.</i> Исследование эмоционального интеллекта студентов медицинского университета.....	1	81
<i>Инджигоян А.А., Ламанова А.С.</i> Опыт использования социологической методики «обратной связи» при реализации задач повышения качества образования в медицинском вузе.....	2	129
<i>Магзумова Н.К., Бенчич С., Игембаева К.С.</i> Психологические особенности адаптации к учебному процессу у студентов.....	2	134

**Index of articles published in
«Bulletin of the Karaganda University» in 2018.
«History. Philosophy» Series**

	№	p.
HISTORY		
<i>Abdrakhmanova K.K.</i> Signal-women of the East Kazakhstan region during the Great Patriotic War: women's stories and front-line daily life	4	8
<i>Abdrakhmanova K.K., Smagulov A.S.</i> Cooperation of the Republic of Kazakhstan in the field of education with foreign countries: the historiography of the problem in the 1990 s. the beginning of the 2000s...	2	8
<i>Ablazhey N.N.</i> Regional and national projects of the Siberian regionalists	2	14
<i>Abylkhozhin Zh.B., Burkhanov B., Kubeyev R.</i> The October Revolution of 1917 and its social base: the scientific insolvency of some traditional historiographic mythologems.....	2	21
<i>Adambek B.K.</i> The February revolution in Russia in 1917.....	2	30
<i>Adilova A.K., Ilyassov Sh.A.</i> Development of cattle breeding in Kazakhstan in the Bronze Age.....	1	8
<i>Alzhanova E.E.</i> Indicators of a living level of the population of Kazakhstan for the last ten years of XX th century	3	39
<i>Alzhanova E.E., Kasymbekov A.S.</i> History of colonization of the Kazakh steppe in written sources of the XIXth century: electronic collection.....	2	50
<i>Amanzholova D.A.</i> Revolution of 1917 and problems of ethnopolitical development of the peoples of the Central Asian region of Russia	2	41
<i>Amirov Ye.Sh.</i> Karatuma burial grounds in the system of the Saka-Wusun antiquities	1	14
<i>Amrina M.S., Smagulov N.B.</i> Akzhan Mashanov's scientific and spiritual heritage	3	103
<i>Askhat G., Zhabina Zh.R.</i> Politico-legal aspects of states in relation to foreign diasporas.....	3	73
<i>Bodeev K.T., Saktaganova Z.G.</i> The legal status of religious organizations in the Soviet period (40 years of the XX century).....	2	56
<i>Bodeev K.T., Saktaganova Z.G.</i> The policy of the Soviet government in towards religious organizations in Kazakhstan (30–40th of the XX century)	1	25
<i>Bykov A.Yu.</i> Mutual relations between Orenburg administration and higher kazakh nobility in the first half the XVIII century.....	4	70
<i>Dosova B.A.</i> Gender studies and problems of studying the theme «Woman and war»	2	62
<i>Gorovoy V.V.</i> The gender factor in ancient world: antiquity	1	31
<i>Grigorkevich A.A., Saktaganova Z.G.</i> History of the development of physical culture and sports in Kazakhstan in 1946–1960 in the period of Soviet power.....	1	35
<i>Kazbekova N.A., Sagatova A.S., Nurligenova Z.N.</i> Legal foundations of the activity of public associations on the territory of pre-revolutionary Kazakhstan.....	3	8
<i>Khassenova Zh.O., Mazhitova Zh.S.</i> Of deporting the Soviet Germans to Kazakhstan during the Great Patriotic War: the practice of Soviet power.....	4	32
<i>Kukushkin A.I., Murakami Ya., Zhaiymbay S.U., Dmitriev Ye.A.</i> History of studying and characterization of the burial rite of Fedorov tribes of Eastern Kazakhstan	4	25
<i>Kurpebayeva G.K.</i> The role of the Islamic factor in the socio-political development of the Arab countries .	2	97
<i>Mazhitova Zh.S., Khassenova Zh.O., Omarova B.K.</i> Ideological and methodological concepts in Soviet historiography of pre-revolutionary history of Kazakhs (1920s — 1940s)	3	57
<i>Mussagaliyeva A.S., Mussabekova R.M.</i> Special contingent in the development of virgin and fallow lands of Northern Kazakhstan.....	3	63
<i>Oteпова G.E., Aliyasova V.N., Ilyassova A.S., Somonzhuogly A.</i> Review of Russian sources on the history of Kazakhstan XVIII – early XX centuries.....	4	38
<i>Pylypchuk Ya.V.</i> Turkic-khazar raids on the South Caucasus in the VI–VIII centuries	3	31
<i>Raiymbekova A.A., Zhabina Zh.R.</i> Theoretical interpretation of the concept of «mediation».....	2	35
<i>Sagatova A.S., Tleugabylova K.S.</i> Guarantee of peace is the field of spiritual consent.....	4	46
<i>Saktaganova Z.G.</i> The historiographic discourse of the problem «The Russian Revolution of 1917 and Kazakhstan».....	2	76

<i>Saktaganova Z.G., Abdrakhmanova K.K.</i> Soviet and modern Kazakhstani historiography of the problem of «Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War»	3	87
<i>Saktaganova Z.G., Abylkhozhin Zh.B.</i> «Wilderness project»: achieving and problems (socio-economic and ecological aspects of virgin lands)	4	92
<i>Saktaganova Z.G., Karsakova G.B.</i> Children's homelessness in the Akmola province in 1921–1923 and actions for its elimination	1	49
<i>Saktaganova Z.G., Mukataeva G.A.</i> The role of Kazakhstan women in the years of the Great Patriotic War (based on materials of Central Kazakhstan)	4	52
<i>Sametova G., Alpysbes M.</i> History of urbanization of Kazakhstan in XVIII–XIX centuries in the conditions of transformation of the traditional Kazakh society	1	57
<i>Stambulov S.B., Uskambaeva A.A., Karsybaeva Zh.A.</i> Role of documents in the context of multilateral diplomacy of the Republic of Kazakhstan in the field of security	3	79
<i>Syzdykova Z.S., Dosova B.A., Baigozhina G.M.</i> Materials of the state archive of Karaganda region on the religious policy of the Soviet state in 1970–1980	2	90
<i>Tuleuova B.T., Gorovoi V.V., Tuleuova K.T.</i> The role of world historiography in the modernization of the educational value of historical knowledge	4	83
<i>Yedgina G.T., Abou Taam Kh.</i> Republic of Kazakhstan at the dawn of independence: socio-political aspect	3	24
<i>Yedgina G.T., Abou Taam Kh.</i> Nursultan Nazarbayev — leader and diplomat	2	69
<i>Yedgina G.T., Abou Taam Kh., Uskembayev K.S.</i> Personality in history: modern approaches	4	18
<i>Yedgina G.T., Zhumashev R.M.</i> Foreign policy course of independent Kazakhstan	1	42
<i>Yermekbayev A.A.</i> The change in Turkey's foreign policy: from Kemalism to Neo-Ottomanism (the main internal and external factors)	2	103
<i>Zharkenova A.M.</i> The polyethnic composition of the population of Northern Kazakhstan in the late XIX–XXI centuries: historical features, current trends and prospects	4	60
<i>Zhumashev R.M., Khlebnikov I.D., Ilyasov Sh.A.</i> From the history of the formation of a socio-cultural community: the austro-hungarian experience	3	48
<i>Zhumashev R.M., Murakami Ya., Kukushkin A.I., Dmitriev Ye.A.</i> Archaeological study of Kazakhstan in the works of the researchers of the XVII century — the first half of the XIX century	3	15

PHILOSOPHY

<i>Abbasova K.Ya., Kusbekov D.K.</i> The spiritual foundations of the human capital formation in the context of modernization of the public consciousness	3	130
<i>Amrakhly L.Sh.</i> Peculiarities of cognitive activity of adolescents	1	74
<i>Baturin V.S., Abramovich Ye.A.</i> The role of English in the process of transformation of public consciousness	2	110
<i>Dyusalinova B.K., Karakonisova S.G., Soloshchenko P.P.</i> Cultural heritage of the Great Silk Road in the context of spiritual modernization of Kazakhstan	1	63
<i>Fetalieva N.Yu.</i> Problems of Abai's philosophy	2	123
<i>Kokumbaeva B., Temirton G.</i> Female and Male as key constants of human existence: the experience of logical reconstruction	2	118
<i>Kokumbaeva B., Temirton G.</i> Neomatriarhat as a new stage of universal evolution (future project)	3	125
<i>Kusbekov D.K.</i> Modern integration of religion	4	115
<i>Kusbekov D.K.</i> Root causes of religious extremism (philosophical aspects)	3	136
<i>Kusbekov D.K.</i> The Great Silk road's culture heritage as a factor of the modern cultures dialogue	4	121
<i>Sagatova A.S., Abdrakhmanova A.A.</i> Great ideals in the process of implementing national goals and interests of the country	3	118
<i>Sisengaliev K.M., Ziyazetdinov R.M., Kim R.</i> Civil society and constitutional state: similarities and differences	1	69
<i>Zhusupova B.Zh.</i> From the mirages of social cognition	3	113
<i>Zhussupova B.Zh.</i> Cognitive angle of «another sociality»	4	128

ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

<i>Alimbayeva R.T., Yesnazarova L.U., Lazareva Ye.A.</i> Study of emotional intelligence of a medical university students	1	81
<i>Injigolyan A.A., Lamanova A.S.</i> The experience of the using of sociological method «feedback» on the realization of the tasks of the educational quality's increasing in the medical university	2	129
<i>Magzumova N.K., Bencic S., Igembaeva K.S.</i> Psychological features of adaptation to the learning process of students	2	134